

Артур Цуциев

АТЛАС
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
КАВКАЗА
(1774–2004)

Владикавказский институт управления
Фонд «Кавказский институт демократии»

*Я посвящаю эту работу моим старшим –
Габисовым Земфире и Зелимхану,
Цуциевым Агафье и Евдокиму*

Автор выражает благодарность
*Андрею Григорьевичу Здравомыслову,
Людмиле Султановне Гатаговой,
Владимиру Владимировичу Дегоеву,
Георгию Витальевичу Чочиеву*
за целый ряд серьезных замечаний к содержанию атласа,
Алле Зелимхановне Габисовой — за редакционную
требовательность к его текстам. Моя признательность
*Нине Григорьевне Дубовик, Кларе Александровне Макеевой,
Земфире Петровне Тамаевой,
Марине Владимировне Прядкиной,* сотрудникам библиотеки
и архива Северо-Осетинского института гуманитарных
исследований. Я благодарен также *Алану Григорьевичу Плиеву,
Зите Ибрагимовне Салбиевой, Сергею Керменовичу Такоеву*
за помощь в подготовке атласа. Самой важной для меня была
поддержка *Льва Бартуевича Дзугаева,* поддержка не только
организационная, но и содержательная, делающая его
настоящим соавтором данной работы

Артур Цуциев

АТЛАС

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
КАВКАЗА
(1774 – 2004)

Издательство «Европа» · Москва · 2006

УДК 323.1:91(479) «1774/2004»
ББК 66.5(235.7)'8; 66.5(531)'8
Ц 90

Атлас подготовлен при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант РГНФ № 03-03-00560а)
и Института «Открытое общество» (Россия)

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004).
М.: «Европа», 2006. — 128 с.

50 карт настоящего атласа и сопровождающие их комментарии прослеживают более чем 200-летнее развитие административно-территориальной и национально-государственной композиции Кавказского региона, отражают историко-территориальные и статусные предпосылки современных этнополитических противоречий и конфликтов.

Издание рассчитано на студентов-историков, политологов, других специалистов, изучающих политическую историю Кавказа, юга России, а также — на широкий круг читателей, интересующихся кавказской историей или, в качестве политиков, вовлеченных в ее конструирование сегодня.

ISBN 5–9739–0045–2

© А.А. Цуциев. Текст и карты, 2006
© С.Д. Зиновьев. Оформление, 2006

Артур Аркадьевич Цуциев
Атлас этнополитической
истории Кавказа (1774–2004)

Научное издание

Изготовление фотоформ — ЗАО «Голанд»,
Санкт-Петербург
www.goland.spb.ru

Отпечатано в типографии ОАО «Иван Федоров»
191119, Санкт-Петербург, ул. Звенигородская д.11
Заказ № 315801

СОДЕРЖАНИЕ

Карта 1 (вводная). Кавказ — историко-географические области и современные границы	7	Карта 13 (1886–90). Конфессиональная карта Кавказа	41
Карта 2 (1774–1783). Кавказское поле имперского соперничества к началу российских завоеваний	11	Карта 14 (1900–1914). Центральная часть Терской области	42
Карта 3 (1774–1783). Этнолингвистическая карта Большого Кавказа	12	Карта 15 (1903–1914). Административно-территориальное деление Кавказа: последний имперский вариант	46
Карта 4 (1774–1829). Первый этап присоединения Кавказа к России	14	Карта 16 (1918). Гражданская война, интервенция и возникновение национальных государств в Закавказье	48
Карта 5 (1842–1849). Кульминация Кавказской войны и учреждение наместничества	18	Карта 18 (1918–1920). Азербайджанская республика	52
Карта 6 (1860–1864). Завершение Кавказской войны. Образование Кубанской, Терской и Дагестанской областей	20	Карта 19 (1918–1921). Республика Армения	55
Карта 7 (1865–1870). Военно-народное управление горскими территориями	24	Карта 20 (1918–1921). Грузинская демократическая республика	59
Карта 8 (1871–1881). Общегубернская модель для кавказских войсковых областей.	27	Карта 21 (1921). Советский Кавказ — первый административно-территориальный вариант	61
Карта 9 (1881–1888). Периферия «национализирующейся» империи	29	Карта 22 (1922–1928). Советское национально-государственное строительство	65
Карта 10 (1763–1913). Сто пятьдесят лет русской военной и гражданской колонизации	33	Карта 23 (1926). Этническая карта и национально-административная инженерия	67
Карта 11 (1763–1913). Сто пятьдесят лет «инойродческой» колонизации	35	Карта 25 (1929–34). «Коренизация» в административно-территориальном делении — осуществление и преодоление принципа	68
Карта 12 (1886–90). Этнолингвистическая карта Кавказа	39	Карта 26 (1936–38). Формально-конституционное определение статусной иерархии народов и территорий	68
		Карта 27 (1937–49). Депортации — война — депортации	74

Карта 28 (1943–44). Упразднение нескольких автономий	74
Карта 29 (1957). Возвращение высланных народов и восстановление их автономий.	78
Карта 30 (1958–1991). Устойчивость и противоречия «развитого социализма»	80
Карта 31 (1989–1991). «Парад суверенитетов». Панорама этнополитических противоречий на закате советской эпохи	84
Карта 32 (1991-...). Эскалация вооруженных конфликтов	84
Карта 33. Зона конфликта в Нагорном Карабахе (1988–1994...)	90
Карта 34. Зоны конфликтов в Южной Осетии (1990–1992...) и Северной Осетии (1992...)	92
Карта 35. Зона конфликта в Абхазии (1992–1993...)	94

Карта 36. Зона военных кампаний в Чечне и Дагестане (1994–2004...)	98
Карта 37 (1989–2003). Этническая карта. Миграционные тенденции и их постсоветская кризисная эскалация.	100
Карты 39–40. Кавказские коммуникации: геополитический аспект	105
Карты 41–49. Историко-территориальные идеологемы [Приложение к картам/тексту 31–32]	109
Карта 50 (2004). Место заключения. Современная политико-административная карта, композиция границ и идентичностей	121
Список картографических источников	124
Список литературы	125

Карта 1 (вводная)
Кавказ — историко-географические области и современные границы

Кавказ — историко-культурная и географическая область, ограниченная Черным морем на западе, Каспийским — на востоке, нижним течением Дона и Кума-Маньчской впадиной — на севере и старой русской/советской границей с Турцией и Ираном — на юге. Внешние границы Кавказа настолько же определены, насколько и относительны. Северная, географическая граница оставляет за рамками настоящей работы нынешнюю российскую кавказскую столицу — Ростов-на-Дону, центр Южного федерального округа. По ту сторону южной, политической границы Кавказа, сложившейся за два последних столетия по линии государственной границы Российской империи/Советского Союза, остаются значительные области, которые в историческом, культурном или языковом отношении могли бы считаться продолжением Кавказского региона.

Именно такая разнородность границ (природно-ландшафтная — на севере и политическая — на юге) позволяет говорить об их общем основании — о «дискурсивном определении» внешних границ Кавказа и самого его целостного историко-культурного облика внутри одного государства. Исторически Кавказ определяется сначала в качестве (меж-) имперского буферного пространства, а с начала XIX века — как особый регион России. Его отличительность отражена в институтах и функциях особого Кавказского наместничества, военного округа или просто — особого этнокультурного букета на южном пределе великой

русской протяженности. В XIX–XX вв. Кавказ постепенно насыщается категориями и сюжетами российского военно-политического, административного и этнографического пространства, одновременно определяется в своей целостности и внутреннем многообразии. Такая специфика кавказской истории задает и хронологические рамки настоящей работы: она посвящена именно русской/все еще современной эпохе в истории Кавказа и начинается с одной из знаменательных дат ее открывающих — 1774 года.

В настоящей работе мы попробуем кратко проследить более чем 200-летнее развитие административно-территориальной и национально-государственной композиции края. Цель работы состоит, в частности, в том, чтобы рассмотреть, как сформировались территориальные и статусные параметры этнополитических противоречий/конфликтов в регионе, а также каково содержание современных рисков, связанных с подобными конфликтами. Характер исследовательской задачи определяет особенности ее технического исполнения: работа состоит из (а) последовательности карт, каждая из которых отражает условно выделяемый этап в развитии региона или является интерпретацией каких-либо важных тенденций, сюжетов этого развития, и (б) сопровождающих комментариев, в которых эти тенденции и сюжеты отчасти проговариваются.

Очевидно, что Кавказский регион никогда не был обойден исследовательским вниманием. Насыщенная событиями история, богатая

этнокультурная композиция, динамичные социально-политические процессы привлекают устойчивое внимание представителей различных отраслей социального знания. Но атлас истории региона — как связанного социо-культурного, хозяйственно-экономического и политического пространства — по-прежнему остается только перспективой. Атлас позволяет визуализировать эту кавказскую связность в ее временном и пространственном выражении, снова и снова символически возвращая в контекст общих перспектив и интересов движение коллективных кавказских субъектов, их позицию в исторической траектории Большой России. Не является атласом, конечно, и настоящая работа: ее визуальный ряд представляет собой только некоторые материалы к такому атласу — это последовательность схем/конструкций, в которых отражены или сформулированы некоторые современно значимые сюжеты в административно-территориальной и национально-государственной истории региона.

В работе мы стремимся показать историческую подвижность этнических границ и относительность «исконных» территорий. Представляется верным тезис, что национально-административная атрибуция большей части территорий Кавказского региона была осуществлена именно в имперский период. Внутророссийская/советская административно-территориальная структура воздействовала и на определение идентификационных границ самих этнических групп на Кавказе. В работе мы рассматриваем противоречивую связь административных/политических границ с границами этнических ареалов и, в частности, пытаемся показать следующее: административно-территориальная сетка региона никогда не совпадала и не могла совпадать со структурой этнического расселения, однако развитие этих структурных характеристик региона никогда не было свободным друг от друга. Динамика административно-территориаль-

ной и этнической структуры Кавказа в течение 200 лет определялась различными стратегиями освоения/интеграции региона в составе единого государства. Ни одна из соперничающих политических стратегий, реализованных в административно-территориальной организации региона, не игнорировала этнический компонент. Прочерчивание и институционализация этих границ не представляет собой произвольного, никак не обоснованного административно-управленческого подхода, а напротив — опирается на определенную логику упорядочения и классификации этнических категорий, выделения и использования этнических солидарностей. Таким образом, внутриимперские административные границы не были ни «произвольными» (целиком отвлеченными) в отношении этнических границ, ни «изобретающими» этнические различия там, где бы отсутствовали внутренние идентификационные предпосылки для подобных различий.

Административно-территориальная структура Кавказского региона и ее изменения в рамках имперского и советского периодов сыграли существенную роль в формировании как представлений об «исторических» границах «национальных территорий», так и, соответственно, противоречий вокруг этих границ и территорий. Однако сами управленческие стратегии и конкретные приложения национальной политики имперских/советских властей находились под влиянием соперничества локальных элит и могут рассматриваться как форма регулирования и институционализации эндогенных противоречий и конфликтов. Многие конфликтные ситуации, которые выглядят как «извне-положенные» или даже «искусственно созданные», являются, скорее, форсированием, институционализацией эндогенных процессов «в терминах» и процедурах политико-правового оснащения самой империи. Таким образом, решающая ответственность за динамику этих конфликтов — особенно за их бу-

дущую динамику — должна быть возвращена по адресу самих действующих в Кавказском регионе коллективных и персональных акторов.

В своей работе мы исходим из того, что настоящий очерк региональной истории может стать еще одним шагом к пониманию хрупкости современной кавказской реальности, к пониманию того, что историческая справедливость и устраивающие всех линии границ не могут рождаться из прошлого, из апелляций к нему как некоему резервуару, скрывающему «былое национальное величие». Общая идеология работы состоит в том, чтобы, прослеживая процессы формирования региона с помощью последовательного картографического материала, показать подвижность границ и общую спорность претензий на «вневременные, искони справедливые этнические границы», способствовать (при разрешении этнотерриториальных и статусных конфликтов) общей переориентации внимания с прошлого на настоящее и будущее. Конфликты не могут быть решены на основе аргументов о «подправке» современных границ под кальку неких «исконных» границ. «Исконность» — слишком относительное и шаткое основание для ответственной политической стратегии в разрешении современных конфликтов.

Мы начинаем с Вводной карты — общего ландшафтно-географического эскиза Кавказского региона с наложением сетки современных государственных и административных границ, с указанием основных историко-географических областей.

Следует специально оговорить, что визуальный ряд настоящей работы составляют именно схемы, а не карты в строгом смысле, предполагающем привязку к географической сетке координат, четкий масштаб и иные атрибуты картографического искусства. Только для про-

стоты изложения мы будем именовать выполненные в настоящей работе схемы «картами». По содержательной технологии исполнения эти карты могут быть различены по следующим условным категориям:

[R] — репродукции, в которых автор стремился прямо отразить одну или несколько карт-источников, воспроизводя содержащиеся в них данные;

[P] — презентации, представляющие собой картографическую форму избранного массива статистических и иных данных, включая данные картографических источников;

[C] — конструкции, которые являются авторскими версиями определенных процессов в развитии региона, его композиции или структурных характеристик. В последней категории [C] присутствуют и карты историко-территориальных идеологий — картографическое воспроизведение определенных исторических и территориальных сюжетов, которые акцентированы в современных национальных идеологиях региональных элит. Здесь мы кратко рассматриваем связь популярных исторических клише с современными этнополитическими противоречиями и конфликтами.

Карта 2 (1774–1783)

Кавказское поле имперского соперничества к началу российских завоеваний

К последней трети XVIII века Кавказ остается буферным поясом, стыковой периферией трех соперничающих держав — Османской империи, Персии и России (более широкий взгляд обнаружит и других геополитических игроков, — прежде всего Англию в ее стремле-

нии блокировать выдвижение России к теплым южным морям). Державы стремятся расширить свое присутствие в регионе, превращая Кавказ в поле сфокусированного стратегического интереса. Политическая композиция региона, распределение его территории между тремя государствами или по сферам их влияния отражает подвижный итог имперского военно-политического соперничества. Общий контур международных границ к началу 1770-х определен следующими ключевыми соглашениями: (а) Рештским (1732) и Гянджинским (1735) договорами между Ираном и Россией (прикаспийские провинции возвращены Ирану, русская граница отходит к Терек/Сулаку); (б) Белградским (1739) договором между Портой и Россией (по которому, в частности, определен статус Кабарды как «нейтрального барьера» между сторонами договора, а Закубанье признается под турецкой протекцией); (в) соглашениями между Портой и Ираном (1736) об их территориальном разграничении в Закавказье.

Очередная военная фаза русско-турецкого противостояния (1768–1774) завершается Кючук-Кайнарджийским договором (1774), а затем и аннексией Россией Крымского ханства вместе с его кубанской частью (1783). Эти даты знаменуют серьезное территориальное расширение Российской империи на Северном Кавказе (Кабарда, правобережная Кубань). В восточной части региона на фоне общего кризиса Иранского государства (особенно после середины XVIII века) укрепляются полунезависимые государства, крупнейшие из которых Картли-Кахетинское царство и Кубинское ханство. Россия стремится упредить турецкую экспансию в каспийском направлении, а также не допустить силовой реинтеграции Картли-Кахетии в состав Ирана. По Георгиевскому трактату (1783) устанавливается российский протекторат над Восточной Грузией. Тем самым формируется будущий плацдарм для овладения Россией южной частью всего кавказского региона.

Очевидно, что соперничество трех держав на Кавказе катализирует здесь целую сеть внутренних конфликтов и противоречий и, в свою очередь, само опосредуется этими противоречиями. Перипетии геополитической игры функционально связаны со структурой «межимперского поля», в котором можно различить несколько параметров.

Разнотипность и статусная иерархия политических образований в регионе

Помимо феодальных государств Закавказья и Южного Дагестана с развитыми городскими центрами, выделяются феодальные «конфедерации» владельных земель в Кабарде и Северном Дагестане, союзы вольных обществ горного пояса и племенные группы степняков-кочевников. Разнотипность государственных и протогосударственных образований сопровождается их статусным неравенством. Статусная иерархическая пирамида ясно отражена, в частности, в Кючук-Кайнарджийском договоре. Первый или высший статусный уровень — сами договаривающиеся стороны — Россия и Порта, второй уровень — Крымское ханство, третий — «татарские старшины» [кубанская ногайская орда], четвертый — Кабарда и, уже без упоминания в тексте договора, пятый уровень — ряд горских обществ, зависимых от Кабарды.

Иерархия разновесных политических образований обуславливает статусную иерархичность их территориальных границ, различия в уровне легитимации и «процедуре» установления границ. Когда иерархический «порядок» (политическая зависимость) оспаривается, и зависимые субъекты определяются на более высоком статусном уровне политической игры, тогда территориальные контуры этих субъектов начинают встраиваться в панораму границ более высокого уровня, оформляться их языком и институциональной значимостью. Политическая многосоставность и статусная ие-

рархия кавказского геополитического поля — одна из исходных структурных предпосылок для определенного типа будущих конфликтов в регионе.

Связность политических и этнических границ

Разнотипность политических образований, вовлеченных в исторические события на кавказском театре, отражается и в разнотипности их границ — от международно-согласованных имперских границ до подвижных «кочевых пределов» или весьма устойчивых, ландшафтных ареалов горских вольных обществ. Крупные феодальные владения, в том числе с устойчивой исторической традицией государственности, охватывают территории с более сложным составом населения. Их политические границы в меньшей степени «этнически укоренены». Однако и здесь присутствуют культурно-определенные властные элиты (грузинские, тюркские или, отчасти, адыгские), в реальной или номинальной зависимости от которых находятся компактно расселенные инокультурные группы по периферии этих государств.

«Племенная» композиция региона связана с его политической картой. Этнически гомогенные вольные общества или племенные группы в лице своих социальных верхов зачастую выступают активными субъектами локальной политической игры. «Политические границы» оказываются сопряженными с ареалами этнического расселения/влияния, и, соответственно, зависимыми от сдвигов в территориальной конфигурации этого расселения. Джаро-белоканские общества — пример сдвига в этническом расселении «лезгин» и расширения территории их политического доминирования, когда подвижная «этническая граница» надслаивается над прежней политической границей Кахетии и фактически упраздняет ее. В то же время Картли или Карабахское ханство включают

в свои политические границы, соответственно, тюркские султанства и армянские меликства.

Связь этнических и политических границ не означает их совпадения. Закубанские адыгские племена еще не образуют Черкесии, чеченские или осетинские общества еще не выступают в качестве интегрированных политических единиц, Чечни и Осетии соответственно. На карте присутствуют пока лишь «кластеры» близких или схожих в культурном или языковом отношении территориальных групп, кристаллизация которых во внутренне связанные этнополитии («народы») — дело возможного будущего. Внутри этих обществ возникают и развиваются альтернативные внешнеполитические стратегии, избирающие для себя различные цели и соответствующие им идентификационные, объединительные основания (этнические, конфессиональные, социальные).

Различия в формате связи с империями (типе включения), степени военного контроля и реальной административной интеграции

Формат присоединения к империи территорий и населения — от символического покровительства и эпизодической протекции до введения института приставов и военной администрации — делает структуру Кавказского поля еще более сложной. В частности, русская граница имеет здесь, по меньшей мере, два ясно различимых слоя: (а) кордонные линии — Кизлярская и Азово-Моздокская — с четкой территориальной привязкой в виде крепостей, укреплений и станиц; (б) заливнейные земли горских народов, находящиеся частью в российской протекции или международно признанные за Россией, но далеко не всегда реально ею контролируемые. Обретение статуса «государства/общества под протекцией» или даже «принятие в подданство» не означает еще вхождения в состав российских пределов. Только

устойчивый военно-административный контроль над различными заливнейными территориями/населением и выдвигание внутренней русской границы к границе внешней сделают данные территории частью России.

В этом отношении ни одна из земель, населенных горцами, еще не является частью Российской империи. Это именно территории «внешней» русской границы, характер контроля над которыми различен, изменчив или пока вообще не определен. Георгиевский трактат и перенос внешней границы империи в Закавказье делают необходимым установление более прочного контроля над горскими территориями, прежде всего в центральной части региона, по кратчайшей линии, связывающей внутреннюю «потеречную» границу с Грузией. Имперский контроль над этой частью Кавказа становится все более настоятельным по мере разворачивания набеговой практики горцев в отношении самой внутренней русской границы.

Карта 3 (1774–1783)

Этнолингвистическая карта Большого Кавказа

На карте 3 отражена приблизительная география расселения этнических групп в полосо Большого Кавказа около 1774–83 гг. Цветом штриховки показан один из вариантов поздней лингвистической классификации групп. Никакая карта, вероятно, не способна отразить в полной мере всей сложности этнотерриториальной мозаики Кавказа на любом этапе его истории, тем более — отразить множественность самих критериев классификации. Общность цвета на карте и наличие соответствующей цвету этнической категории не всегда обозначает

существования реальной общности, т.е. группы, члены которой обладают сознанием своего единства, институтами его формирования и воспроизводства. Однако категории и отделяющие их «границы» эффективнее строятся именно на реальных групповых характеристиках — культурном, языковом и конфессиональном единстве, единстве политического управления или хозяйственной жизни. Подобные характеристики выступают вероятными предпосылками¹ или вполне развернутыми факторами² для кристаллизации той или иной группы в качестве осознаваемой общности. Ее представители полагают или начинают полагать себя единым целым, начинают строить свои жизненные или политические стратегии исходя из объективности этой культурной или политической общности. К 1774–83 годам еще нет ни Черкесии, ни даже Кабарды и, тем более Чечено-Ингушетии, как целостных политических образований, обладающих консолидированной субъектностью во внешних и внутренних делах. Армения остается нечетким горизонтом расселения армян в пределах Оттоманской империи и тюркских ханств Ирана. Азербайджан как государство только потенцирован пределами такого тюркского доминирования в Закавказье. Грузия не охватывает не только Мегрелии, не говоря об Абхазии, но даже Имеретии или Гурии. Грузия в ее современных — начала XXI века — идентификационных и территори-

¹ Например, культурная и языковая общность тюркских племенных групп в восточном Закавказье (северо-западной Персии), а также тюркская политическая элита бывших персидских ханств — это факторы вероятного возникновения «на их поле» азербайджанского народа как тюркоязычной этнополитической общности в XIX–XX веке.

² При отсутствии Грузии как единого государства и «грузин» как единой этнополитической общности в XVIII веке, тем не менее, очевидно наличие развитого институционального и культурного основания для последующей реконструкции грузинского народа в его «широких» границах (включаящих — сначала имеретин и гурийцев, затем мегрелов, сванов и — уже в советское время — аджарцев).

альных границах станет политическим проектом, реализованным значительно позже — уже в составе России.

Воспроизводство групп и солидарностей, границ и конфликтов на Кавказе оказалось исторически встроено — сначала в соперничество России с Турцией и, в меньшей степени, Ираном, а затем — в процессы внутреннего имперского упорядочения региона. Динамика групповых солидарностей, административных и этнических границ на Кавказе функционально связана с имперской организацией региона, со стратегиями его освоения и контроля над ним.

Карта 3 отражает этнотерриториальную композицию Большого Кавказа к началу присоединения Кавказа к России. Здесь только появляются фигуры русского исследователя-разведчика и военного администратора. Им еще предстоит определить культурно-групповую и этнополитическую структуру того пространства, которое «нависает» над внутренней русской границей. Подобные определения пространства важны в силу того, что в них описан не просто природный, но групповой человеческий ландшафт — со своей собственной конфигурацией «топких болот» и непроходимых горных «барьеров», удобных долин и стратегических перевалов. Этот ландшафт не просто определяется, но, с течением времени, он будет все более и более формироваться самим деятельным наблюдателем, который становится активным организатором описываемого им пространства. Безопасность русской границы от «нависающего» над нею Кавказа и обретение империей закавказских провинций постепенно погребуют установления все более полного военно-административного контроля над регионом.

В середине XVIII века в поле российского внимания уже прочно присутствуют татары Ногайской орды и Кабарда, единовенная Грузия и шамхальство Тарковское. Петровские походы 1722 года уже сделали более детальной и ясной политическую и племенную композицию

прикаспийского Дагестана. Где-то в глубине турецких и персидских пределов только очерчена христианская Армения, но армяне Кизляра — уже привычный элемент русской границы на Кавказе. Выдвижение границы от Кизляра к Моздоку более плотно знакомит русского наблюдателя с новыми группами кавказских горцев, которые как бы выходят из-за спины прежних властителей предгорных равнин — кумыков и кабардинцев. Чеченцы становятся главными соседями казачьей линии по Тереку. Снова открыты ясы (уже под именем осетин), «сидящие» теперь на стратегических перевалах в Грузию.

В 1740–70-е годы русская администрация в Астрахани, Кизляре и затем Моздоке принимает обращения от различных групп горского населения и феодальных владетелей с просьбами об установлении русской протекции и принятии в подданство. Одновременно оформляются местные очаги потенциальной угрозы для русской границы на Кавказе. Регион все более явно определяется как сложное по ландшафту, племенной композиции и полное внутренних напряжений социальное пространство. Эта композиция составлена из нескольких крупных блоков:

Степное Предкавказье — от азовского до каспийского побережья: контролируется различными массивами тюркоязычных кочевников (и частью калмыками) к северу от линии Кубань-Пятигорье-Терек. К югу от этой условной линии доминируют различные феодальные образования адыгов и кумыков. Территория, населенная кумыками, втягивается в узкую равнину прикаспийского Дагестана вплоть до Дербента, где смыкается с зоной расселения других тюркских групп.

Большой Кавказ — массивная горно-лесная и высокогорная полоса от Анапы и сходящая к Апшерону, с последовательными локусами компактного расселения разноязычных горских групп: адыгских, абазинских, тюркских, осетинских, ингушских, чеченских и дагестан-

ских (на северном склоне) и адыгских, абазино-абхазских, картвельских, осетинских, снова картвельских и дагестанских групп на южном склоне. Границы этнических ареалов в горной зоне Большого Кавказа гораздо более ландшафтно фиксированы и устойчивы, нежели в степном, кочевом Предкавказье (где вообще вряд ли можно говорить о «границах» расселения). Взаимоотношения «плоскости» (Предкавказье) и «горных обществ» обычно характеризуется различными формами зависимости вторых от первой.

Закавказье представляет собой более разнообразную ландшафтную комбинацию: низменных равнин на Западе и Востоке, связывающих их широких долин и степей, которые в свою очередь отделяют Большой Кавказ от нагорий и долин Малого Кавказа. Закавказье распадается на несколько условных зон по доминантному этническому компоненту: гомогенный картвельский ареал на Западе, в центре и к востоку все более «сжат» горцами и тюркоязычными полукочевыми группами. Низменности и степи Восточного Закавказья — поле тюркского полукочевого доминирования с иранскими (тагскими и тальшскими) сегментами. Малый Кавказ — это своя сложная мозаика тюркских племен и армянских общин.

К концу XVIII века формируется общерегиональная тенденция смещения этнических границ, связанная с усиливающимся «давлением гор на равнину». Смещение этих границ происходит в конфликтно-вытесняющей или вассально-переселенческой формах. Конфликтный сдвиг связан с вынужденным исходом равнинных жителей под давлением горских обществ и последующим заселением покинутой территории горцами. Эта форма характерна для ситуаций, в которых «плоскость» и «горы» не связаны отношениями вассалитета. Иная, вассальная форма определяется расселением феодальными владетелями выходцев из зависимых горских обществ на своих землях.

Несколько локальных территориальных сюжетов

- Происходит расширение к северу границ шапсугского и абадзехского племенных массивов.
- Большая Кабарда охватывает часть территории расселения абазин-тапанта и сохраняет влияние на горских татар [балкарцев] и осетин-дигорцев.
- Часть осетинских и ингушских обществ остаются лишь в номинальной зависимости от князей Малой Кабарды, а приняв русское подданство, обретают полную от них независимость.
- Кумыкские феодальные образования к северу от Качкалыкского хребта — поле постепенного расселения чеченцев, которые также все более прочно занимают большую часть малокабардинской надтеречной полосы.
- Северные районы Внутренней Карталинии продолжают заселяться выходцами из Кударского, Джавского и Урс-Туальского обществ Южной Осетии.

«Естественные» сдвиги в ареалах расселения и землепользования будут развиваться в новый, имперский период, — но уже в функциональной связи с военно-административными маневрами русского государственного и поселенческого водворения на Кавказе.

Карта 4 (1774–1829)

Первый этап присоединения Кавказа к России

Первый этап колонизации мы условно выделяем временными рамками от Кючук-Кайнарджийского (1774) до Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров, где были международно закреплены существен-

ные территориальные приобретения России на Кавказе.¹ К 1830-му году завершено военнополитическое завоевание Закавказья. В тот же период на Северном Кавказе формируется имамат — исламское государство, чуть позже возглавленное Шамилем; начинается эпоха государственно-организованного противостояния России со стороны значительной части горских обществ Дагестана и Чечни.

Карта 4 отражает динамику территориальных приобретений России в 1774–1829 гг. После возведения Азово-Моздокской линии (с 1777), а затем и переноса границы на Кубань (1783), все Предкавказье от Каспия до Азовского моря включается состав империи. На этих территориях образуется Кавказская область (за исключением западной части, переданной Черноморскому казачьему Войску — спустя почти десятилетие после выселения отсюда Ногайской орды). После инкорпорации Картли-Кахетинского царства в качестве Грузинской губернии (1801) к империи были присоединены силой оружия и искусством дипломатии тюркские ханства Северо-западного Ирана (1804–1813), княжества Западной Грузии и Абхазия (1804–1810). Таким образом, к 1813 году Россия овладевает большей частью Закавказья и добивается международного признания своих завоеваний.² Однако связь между двумя территориями империи — Предкавказьем и Закавказьем — остается весьма уязвимой: Военно-Грузинская дорога (Моздок-Владикавказ-Тифлис) проходит через слабо контролируемые Россией земли горских народов.

Сформированная в 1792–1803 годах сплошная кордонная Линия (от Тамани до Кизляра)

¹ Другие датировки начала кавказской войны — 1817 (выдвижение Ермоловым военной линии с Терека на Сунжу) или даже 1785 (восстание горцев под руководством шейха Мансура).

² Гюлистанский договор между Россией и Ираном (1813) разделяет тюркский этнический ареал Азербайджана новой имперской границей, прочерченной по границам самих тюркских ханств.

Языковые семьи

Иберо-кавказская семья

- Адыгские и абазинские/абхазские языки
- Нахско-дагестанские языки
- Картлевские языки

Индоевропейская семья

- Славянские языки
- Иранские языки
- Армянский язык

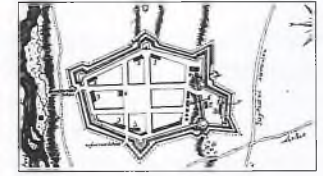
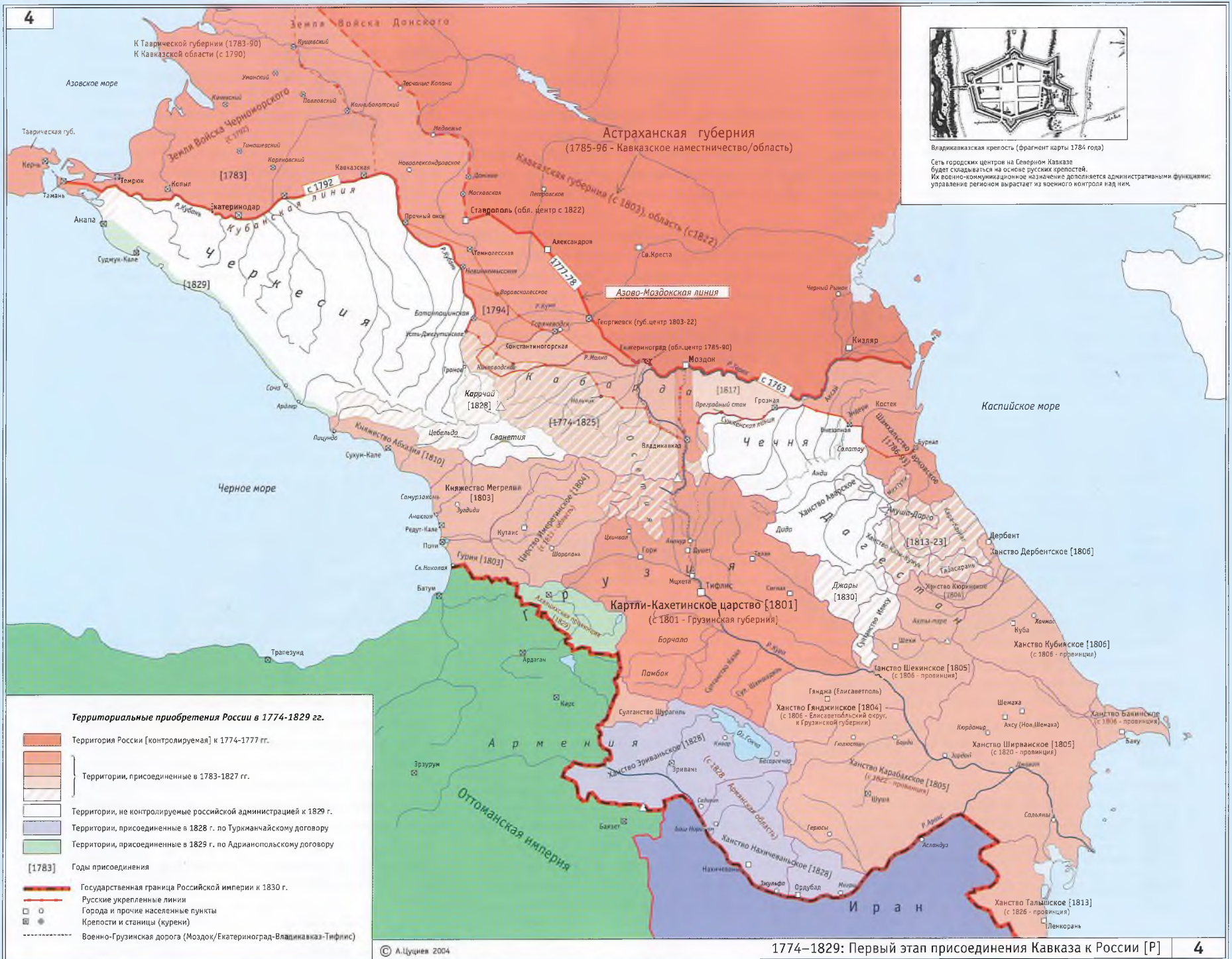
Алтайская семья

- Тюркские языки
- Монгольские языки

- Территории оседлого и кочевого расселения ногайцев (татар), туркмен (трухмен) и калмыков
- Черкесы [Закубанские народы]:
 - Адыги, в том числе: шекаги (хогаки), жаневцы (бжана), бжедуги, адамевцы, шапсуги, мохоши, натухайцы, абхазцы (+ тубинцы), темирговцы, хатуаевцы, егеруаевцы, мамхети, беспереваевцы, кабардинцы
 - Убыки
 - Абазины, в том числе: тапанта [алтыкезечи] и шкарауа: башилбаевцы, баранаевцы, баговцы, кызылбеки, чаграи [шахгирей], тамовцы; садзы (джигеты), айбга, ахчисоу, тису
 - Абхазы, области: Бзып, Гума, Цебелда и Дал, Абуха, Самурзакань
- Нарачаевцы и балкарцы [бассиане, горские татары], в том числе общества: урусбиевское, чегемское, хулапское, безенгиевское, балкарское.
- Осетинские общества: дигорское, алагирское, куртатинское, тагаурское, туалгомское, турсовское, урс-туальское, кударское, дзауское, ксанское, гудское + [джерихи, гудошауры]
- [Мычкиззы, чеченцы, кисты]
 - Ингуши [кисты], в том числе: галаевцы, галашевцы, цоринцы, джериховцы, мецхальцы, фапийи, назрановцы
 - Карабулаки [орстхоевцы]
 - Чеченцы [мычкиззы, шубути, оконане, кисты], в том числе общества: аккинское, терлоевское, пешхоевское, шатоевское, майстинское, нашхоевское, малхистинское, шароевское, чаберловское, ичкеринское, мичикское, качкальковское
- Кавказцы (русские), некрасовцы
- Кумыки, в том числе: [эндереевцы, костековцы, аксаевцы].
- Аварцы [тавлины], общества/области: Салатау, Гумбет, Койсубу, Андалал, Куяда, Карах, Гидаты, Тлейсерух, Джурмут, Анцух, Анкраль; Джаро-Белаканские общества
- Андийцы, ахвахи, багуалы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндальцы, чамалалы
- Цезы [дидойцы], бежтинцы, гинухцы, гунабцы, хвашины
- Даргинские общества, в том числе: Акуша-Дарго, Мехеке, Цудахар, Сюрга; Калаги, кубачинцы
- Лакцы [казикумухцы]

- Табасараны
- Агулы
- Лезгины [леки, кюринцы], в том числе общества: Ахты-пара, Докуз-пара, Кюринцы, кубинцы
- Удцы, буауцы, крымцы, гапулгинцы, хиналуцы
- Таты (парсы, даглыны, лахиджи и др.)
- Грузинские и горские евреи
- Азербайджанские, ширванские и дербентские турки [татары]
- Армяне
- Картлевы (грузины), в том числе:
 - мегрелы, сваны, лазы (таны)
 - грузины, в том числе: карталинцы, имеретинцы, гурийцы, рачинцы, мохевцы, хевсурцы, пшавы, тушины, кахетинцы, ятлуццы, ингилойцы
- Территории со смешанными или сменяющимися населением
- Направления локальных миграций

Примечание: в квадратных скобках в легенде указаны устаревшие, исчезнувшие или изменившие свое значение этнонимы

Владикавказская крепость (фрагмент карты 1784 года)
 Сеть городских центров на Северном Кавказе будет складываться на основе русских крепостей. Их военно-коммуникационное назначение дополняется административными функциями: управление регионом вырастает из военного контроля над ним.

Территориальные приобретения России в 1774-1829 гг.

- Территория России [контролируемая] к 1774-1777 гг.
- Территории, присоединенные в 1783-1827 гг.
- Территории, не контролируемые российской администрацией к 1829 г.
- Территории, присоединенные в 1828 г. по Туркманчайскому договору
- Территории, присоединенные в 1829 г. по Адрианопольскому договору
- [1783] Годы присоединения
- Государственная граница Российской империи к 1830 г.
- Русские укреплённые линии
- Города и прочие населённые пункты
- Крепости и станицы (курени)
- Военно-Грузинская дорога (Моздок/Екатериноград-Владикавказ-Тифлис)

отделяет территорию империи от земель горских народов, находящихся в различной степени зависимости/независимости от России. На протяжении всей полосы соприкосновения горских обществ с российской военной границей формируется сложный комплекс отношений, включающий как зачатки управления «залинейными» горцами и расширение хозяйственных связей с ними, так и все более привычную практику обмена вооруженными нападениями. Еще со времен «возмущения горцев» шейхом Мансуром (1785–91) это противостояние становится доминантой в восприятии империи значительной частью горцев и получает соответствующее религиозное выражение (упрочение ислама, газават). Набеги горских «партий» на Линию сопровождаются русскими военными «репрессалиями» — рейдами возмездия, поражающими горские общества по принципу их «коллективной ответственности».

Конфликт, десятилетиями зреющий по всей военной границе, выходит на новый уровень в 1817–1818 годах. Принятая российскими властями «ермоловская» тактика планомерного и последовательного овладения горским регионом посредством возведения кордонных линий оборачивается первыми значительными актами Кавказской войны.

- В 1817–18 году Ермолов переносит военную границу с Терека на Сунжу, что сопровождается выселением чеченцев из терско-сунженского междуречья. На Сунже возводится крепость Грозная. Новая линия, идущая от Владикавказа к Грозной, продолжена дальше на восток (крепость Внезапная) вплоть до Каспия (крепость Бурная), отсекая нагорную полосу от Кумыкской «плоскости».
- В 1818–20 годах происходит выселение кабардинцев из Пятигорья, междуречья Кумы и Малки — района так называемой «сухой границы», которая соединяла два «речных» участка границы (Кубань и Малку-Терек). Здесь размеща-

ются новые укрепления и казачьи станицы. Горский пояс разорван на два массива — «закубанский» и «чеченско-тавлинский».

- В 1822 году возводится новая линия предгорных укреплений через Большую и Малую Кабарду, связывающая Пятигорье с Владикавказской крепостью — узловым пунктом всей системы овладения Кавказом.

Эти сдвиги формируют широкий клин относительно устойчивого военно-оккупационного контроля в центральной части региона, обеспечивая территориальную связь между империей и присоединенными областями в Закавказье, а также большую безопасность станиц старой потеречной линии. Внутри этого клина расширяется расселение более лояльных империи осетинских и ингушских обществ.

Первый этап русской колонизации Кавказа — это период военно-дипломатического присоединения «лоскутного» — в этнополитическом смысле — региона и начало его административно-территориального упорядочения в рамках единого государства. Многосоставность региона, различие форм и времени инкорпорации в империю обусловило и многообразие форм его начального административно-территориального упорядочения.

Начальное имперское административно-территориальное деление региона несет значительные признаки преемственности в отношении доимперских границ. Ханства «трансформируются» в провинции или округа, княжества — в области, султанства — в диктанции. Организация присоединенных территорий опирается на местные лояльные элиты и уже существующие политические границы. Некоторые из феодальных владений сохраняются как таковые еще десятилетия после их включения в империю (шамхальство Тарковское, княжества Абхазия и Мегрелия). Степень лояльности местных элит и населения определяет скорость упразднения княжеской/ханской власти в Закавказье, введения

прямого комендантского (военно-народного управления) или перехода к управлению гражданскому.

Более сложным оказывается поглощение империей обществ, не имеющих сословной иерархии и соответствующей концентрации политических функций в устойчивой властной пирамиде. Широкие лакуны, оставшиеся к началу 1830-х годов в поле имперского контроля на Кавказе, в целом совпадают с пределами расселения «демократических» племенных групп и горских вольных обществ Черкесии, Чечни и Дагестана.

Выдвижение России на Кавказ, встречающей здесь и союзников, и противников, изначально опирается на избирательность и протекцию определенным политическим/племенным элитам и представляемым ими обществам. Протекция и союзно-вассальные связи все более втягивают империю во внутреннюю борьбу между различными государственными образованиями, феодальными группировками или этно-племенными массивами Кавказа. Два основных критерия имперской избирательности в отношениях с различными субъектами общекавказского политического процесса — идеологический (конфессиональная близость) и прагматический (военно-политическая лояльность этих субъектов в отношении самой России). Избирательность, таким образом, задана не только лишь идеологией православного державного покровительства, но и прагматической логикой обеспечения устойчивого имперского контроля над регионом. Именно такая логика лежит в основе определенной стратегии укрепления границ и ключевых районов и организованном изменении состава их населения. Моздокская линия изначально заселяется казаками, лояльными горцами, «восстанавливающими» свое православие (из кабардинцев, осетин), грузинскими и армянскими переселенцами. В то же время, закладываются основы тотального выселения (но-

гайцы из Черномории, 1784) или постепенного «оттеснения враждебных племен» цепью укреплений и станиц (Ермолов, 1816–1826).¹

В 1828–29 годах в результате очередных победоносных войн с Ираном и Турцией Россия входит своими внешними границами в Араратскую долину и «Турецкую Грузию» (Ахалцихский пашалык). На территории упраздненных Эриванского и Нахичеванского ханств образуется Армянская область, а Месхет-Джавахетия присоединяется к Грузинской губернии. Русские завоевания приводят к эмиграции части мусульман из региона и пополнению его армянского населения выходцами из Ирана и Турции. Грузинское и армянское население активно способствует присоединению Закавказья к России, интегрируясь своей элитой в ее военно-сословные и хозяйственно-экономические структуры и становясь существенной социальной опорой российского государства в регионе. Лояльной в отношении империи оказывается также значительная часть тюркско-мусульманского населения в бывших ханствах Северо-западного Ирана.

Отсутствие подобной устойчивой опоры в «демократических племенах» Закубанской Черкесии, вольных обществах Чечни и Дагестана, а также кризис или уничтожение такой опоры в части сословно-организованных обществ нагорного Дагестана, выводит на передний край российской экспансии задачу «замирения непокорных горских племен». К концу 1820-х годов здесь существует уже не просто мозаика обществ, родоплеменных групп и владетельных земель, но складывающееся государ-

ство, с сильной идеологией, объединяющей горцев, и радикально враждебное России.

Карта 5 (1842–1849)

Кульминация Кавказской войны и учреждение наместничества

На карте 5 отражен период наивысшего подъема имамата Шамиля — исламского государства, объединяющего значительную часть обществ Дагестана и Чечни в их противостоянии Российской империи. Несмотря на серьезные успехи в этой борьбе и усилия по организации скоординированных действий среди закубанских черкесов, рейды к Дербенту, Темир-Хан-Шуре или в Кабарду, Шамилю не удается расширить территорию имамата на весь горский регион. Имамат остается внутренним анклавом горского сопротивления — ядром лишь потенциального экспорта мюридской революции, окруженным со всех сторон военно-кордонными линиями и «буферными» зонами устойчивого имперского контроля.

Еще в 1832 году имперские власти реорганизуют казачьи войска. Сформирована единая Кавказская Линия, состоящая из трех флангов. Правый фланг «стесняет» Черкесию²; управление Центра и Владикавказский округ³ охватывает замиренную после 1825 года Кабарду, в целом лояльные Осетию и Ингушетию; Левый

фланг вместе с Лезгинской линией окружает территорию имамата. В Центре военно-стратегический контроль упрочивается сооружением цепи станиц вдоль линии укреплений между Екатериноградом и Владикавказом (1837–39), а затем — между Владикавказом и Грозной (по Сунженской линии, 1842–47). Экспедиционно-рейдовый метод борьбы против горцев после 1845–47 годов все более основательно опирается на прежнюю ермоловскую тактику последовательного их стеснения цепью укреплений и станиц.

Одновременно с ведением военных действий на Северном Кавказе в 1830-е годы имперские власти созревают для первой цельной и систематической реформы, упорядочивающей административно-территориальную структуру относительно стабильного Закавказья.

Цель этой и всех последующих реформ одна — упрочение «спаянности» Кавказа с империей. Однако две противоположные стратегии осуществления этой цели будут соперничать, иногда причудливо дополнять или циклически сменять друг друга, смещая общий курс имперской административной политики на Кавказе то к централизму и унификации управления, то к регионализму и децентрализации. Централизм — как стратегия «принудительной интеграции» — состоит в укреплении единой вертикали власти и усилении «проницаемости» объектов управления (территорий, групп), в том числе за счет снижения/подавления уровня их разнообразия и автономии. Регионализм, напротив, полагает разнообразие территорий и групп ресурсом для их более органичной интеграции в единое целое и составляет такую стратегию управления, которая использует культурное разнообразие и особенности, а значит, способствует их функциональному усилению.

Данные стратегии противоположны, но, безусловно, связаны одна с другой. Централизм и унификация, вызванные стремлением плотнее

¹ Этнотерриториальная «инженерия» вовсе не является российской новацией в регионе. И Порты, и Иран издавна осуществляли соответствующие политические и миграционные стратегии. Племенной/конфессиональный баланс охранялся или, напротив, менялся с помощью различных мер — от истребления и изгнания до принудительной исламизации, отуречивания или организованных переселений (например, шиитов в Южный Дагестан).

² В 1837–39 годах по внешней, черноморской границе России формируется новая линия укреплений. В 1840 году создается также Лабинская линия — фактически вынесенная на 40–60 верст вглубь Черкесии старая кубанская граница.

³ Территория, подчиненная коменданту владикавказской крепости (на правах округа).

привязать Кавказ к империи, игнорируя его особенности, содержат явный дискриминационный мотив¹ в отношении «туземных групп». Это ведет к росту отчуждения кавказцев от империи, развитию антирусских настроений/практик и, в итоге, к кризису управления многоэтническим регионом. Обращение к регионализму и децентрализации ослабляет напряженность, легитимирует культурное разнообразие и открывает Россию как страну для «коллективных возможностей» (а значит и как страну более свободную для «коллективного соперничества»)², что в итоге ставит под сомнение общий смысл колонизации — русское политическое и культурное доминирование в периферийных национальных регионах. Единство империи оказывается под угрозой, и ее стратеги вновь обращаются к централизму и унификации как спасительному укреплению самой несущей ее конструкции — самодержавию и русскости.

Территориальные реорганизации зачастую оказываются лишь функциональным выражением периодических изменений общей административной политики. Период после польского восстания 1831 года связан именно с курсом на унификацию управления регионами империи. Польское восстание показало уязвимость позиций России в ее потенциально автономных — по культурно-историческим показателям — периферийных провинциях. Отсюда административно-территориальное упорядочение Закавказья в 1840-е годы не могло быть свободным от начального искушения централистской стратегии. В 1840 году в Закавказье распространяется управление общегосударственного (губернского) типа, прекращено использование — за небольшим исключением — гру-

зинского и мусульманского права. Территория Закавказья — за вычетом Абхазии, Мегрелии, Сванетии — разделена на две административные единицы: Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область. В рамках общегосударственного управления сохранено особое окружное управление для горских народов: округа Осетинский, Горский, Тушино-Пшаво-Хевсурский. В Джаро-Белоканах и Илсуйском султанстве сохранено военное управление, также как и на части Южного Дагестана, находящейся в зоне действий отрядов Шамиля — здесь образован особый Военно-Дербентский округ.

Спустя всего четыре года, проводится существенная ревизия реформы 1840 года. Учреждается Кавказское наместничество, функционирование которого оказалось достаточно эффективным компромиссом централизма и регионализма в имперской политике на Кавказе. Наместничество становится региональной ипостасью сильной централизованной власти, оснащенной всеми ее самодержавными полномочиями, но при этом — более приближенной к управляемым территориям и, отсюда, более прагматичной и маневренной. В 1846 году вводится новое административно-территориальное деление Закавказья. Происходит разукрупнение: Грузино-Имеретинская губерния разделяется на Кутаисскую, Тифлисскую и — в 1849 году из состава последней — Эриванскую губернии.³ Каспийская область разделяется на Шемахинскую и Дербентскую губернии (последняя вместе с Тарковским шамхальством и Мехтулинским ханством образуют в 1847 году Прикаспийский край).

Административно-территориальные реформы 1840-х годов в Закавказье показывают, что в процессах организации империей

присоединенных земель начинают проявляться новые для региона факторы и принципы. На смену стратегии союзно-покровительствующего вовлечения в регион, а также в развитие стратегии военно-стратегического «водворения», имперские власти начинают использовать два других основания, более привычных для административного упорядочения устойчиво контролируемых территорий:

- ♦ Общеимперский курс в административной политике, фазовые колебания которого могут быть прямо не связаны с ситуацией в регионе, но оказываются весьма звучным «эхом» далеких событий общегосударственного значения.
- ♦ Количественный подход, который обуславливает образование соразмерных по площади и численности населения территориальных единиц с однотипной административной структурой (область/губерния — округ/уезд — участок).

Промежуточное «этнотерриториальное» замечание

Ни одна из губернских границ в Закавказье не совпадает с этническими. Отчасти — в связи с отсутствием таковых к моменту реформ (уже тогда анклавно-дисперсное расселение тюркского, армянского и, отчасти, грузинского населения, в том числе — в пределах бывшей Картли-Кахетии, заставляет с осторожностью использовать категории «армянских», «азербайджанских» или «грузинских» земель). И отчасти — в связи с сохранением во внутриимперском административно-территориальном делении старых политических границ доимперского периода, которые также далеко не совпадали с этническими. Империи не зачем было изобретать деление «единой» Грузии на губернии: она лишь использовала по своим, разумеется, расчетам часть уже существующих границ. Разделение относительно цельных

¹ Такая дискриминация есть избирательность, реализующая предпочтение общего (доминирующего, русского) над особенным («туземным»).

² Что сопровождается теперь уже дискриминацией иной — избирательностью, реализующей предпочтение местного («коренного», «туземного») над пришлым (русским).

³ Показательно исчезновение этнонимов в названиях новых административных единиц. Власть явно учитывают важный символический смысл наименований областей и стремятся не провоцировать автономистских иллюзий, особенно после болезненного для империи польского прецедента.

и гомогенных этнических ареалов («исторических территорий») по различным административным единицам также не было новацией: такое разделение, номинальное или реальное, во многих случаях уже наличествовало. Однако новые внутриимперские границы обрели качественно иным функциональным весом. Соединяя этнические массивы в одном государстве, делая разделяющие их границы более прозрачными, империя в то же время придает этим границам большую формально-административную определенность. Таким образом, сохраняется явственная конфликтная матрица для потенциального столкновения между новыми этнополитическими и «наследниками» старых, «снятых» империей политических границ.

Карта 6 (1860–1864)

Завершение Кавказской войны. Образование Кубанской, Терской и Дагестанской областей

Пленение Шамиля (1859) считается датой окончания Кавказской войны в Чечне и Дагестане. Однако и после разгрома имамата здесь продолжают спорадически выступления против имперских властей. Принудительные переселения с гор на равнину остаются одним из главных методов обеспечения контроля над нелояльным населением и его территориями. В Чечне в 1859–61 годах происходит новое переселение аулов, возводятся новые укрепления и казачьи станицы.

Карта 6 отражает первую послевоенную реформу административно-территориального устройства на Северном Кавказе. В 1860 году Кавказские военные линии упраздняются; об-

разуются Кубанская, Терская и Дагестанская области. Первая из областей первоначально включает Землю Войска Черноморского и черкесское Закубанье (Правый фланг бывшей Кавказской Линии). Терская область охватывает территории Центра и Левого фланга бывшей Кавказской Линии, а также Владикавказский округ. Дагестанская область включает Нагорный Дагестан и северную часть Прикаспийского края (Дербентский военный округ, шамхальство Тарковское, ханство Мехтулинское).

Граница между Терской и Дагестанской областями проведена по Сулаку и Андийскому Койсу. Спустя год, аварские и андо-цезские общества, расположенные по левобережью Койсу (Гумбет, Анди, Технуцал, Чамалал, Ункратль) включены в Дагестанскую область. Изменение мотивировано «этническими» аргументами, однако подобное основание работает только вкупе с другим фактором: очевидной историко-культурной и хозяйственной связностью андо-цезских и аварских обществ долины Койсу — вектором их «естественного тяготения» к Дагестану, которое не может быть проигнорировано имперской администрацией. Ясно, что этнический критерий административно-территориального размежевания не является самостоятельным: аварская Салатавия остается в Терской области, вместе с кумыскими районами междуречья Терека и Сулака. Южная часть бывшего Прикаспийского края (Кубинский уезд) передается в Шемахинскую/Бакинскую губернию¹. Таким образом, районы с лезгиноязычным населением оказываются разделены между двумя административными единицами империи. При этом граница 1860 года не является имперским «изобретением», а соответствует прежним границам Кубинского ханства с Кюрой и вольными обществами Самурской долины.

¹ После переноса административного центра в Баку (1859) губерния переименована в Бакинскую.

♦ Деление Терской области первоначально проведено в соответствии с границами бывших округов военного управления Кавказской Линии. В частности, Владикавказский (бывший Военно-Осетинский) округ охватывает не только часть осетинских обществ, но и Малую Кабарду, ингушские и карабулакские общества, земли казачьих станиц на Владикавказской равнине и по Сунже. Чеченский, Ичкеринский и Шатоевский округа включают территорию чеченских обществ бывшего Имамата. В отличие от Закавказья и Дагестана внутренние административные границы в пределах Терской области являются во многом имперской исторической новацией. В строгом смысле, это первые границы в данном регионе, имеющие устойчивую институциональную нагрузку четких территориальных рамок, в которых соответствующие инстанции/лица выполняют рутинные процедуры администрирования, судопроизводства, переписей населения, сбора налогов или иных «повинностей». В силу относительной новизны таких границ, они более изменчивы и зависимы от меняющихся приоритетов административной политики империи.

♦ Существенно то, что этнические границы в Терской области к началу 1860-х годов также являются в значительной мере результатом имперской военно-поселенческой «инженерии». Конфигурация ареалов расселения этнических групп в Терской области — итог военных действий, вынужденных миграций, организованного расселения казачества, а еще раньше — переселения горских осетинских и ингушских обществ на плоскость (также во многом санкционированного русскими властями). Хотя внутри очевидных ландшафтных пределов Терской области (Малки-Терека и Кавказского хребта) империя обнаруживает несколько типов границ, способных служить основой для институционального упорядочения территории, но именно этнические границы яв-

Центральный Дагестан (фрагмент карты 1847 года)
 Волные общества Дагестана и Чечни – социальная и территориальная основа Северо-Кавказского имамата. Вслед за взятием русскими войсками резиденции Шамиля в Ахульго (1839) обнаруживается многоисленность таких потенциальных резиденций.

Цифрами на карте обозначены:
 Уезды Кутаисской губернии: 1 - Гурийский, 2 - Рачинский
 Округа Тифлисской губернии: 3 - Осетинский, 4 - Горский, 5 - Тушинско-пшаво-хеусурский
 Территории Прикаспийского края и Нагорного Дагестана (на 1847 г.): 6 - Мухтуринское княжество,
 7 - Даргинский округ, 8 - Кайтаг

Административно-территориальное деление на 1845-49 гг.

- Территории Кавказского наместничества на 1845 г.**
- Земля Войска Черноморского
 - Кавказская область (с 1847 - Ставропольская губерния)
 - Грузино-Имеретинская губерния (1840-46)
 - Каспийская область (1840-46)
 - Управление Кавказской кордонной линии и Владикавказский округ
 - Управление Черноморской береговой линии, в том числе в Абхазии
 - Управление Нагорного Дагестана
 - Военно-Дербентский округ
 - Управление Лезгинской линией
 - Абхазское княжество, приставства Цебельда и Самурзакань
 - Мегрельское (Мингрельское) княжество
- Границы на 1849 г.**
- Губерний и областей
 - Округов, уездов и владений
 - Кордонные линии и укрепления
 - Границы Имамата Шамиля
 - Государственная граница Российской империи
 - Военно-Грузинская дорога
 - Центры губерний и областей на 1847 г.
 - Центры округов, уездов и владений.
 - Прочие города и населенные пункты
 - Крепости и станции
 - Тифлис Центр Кавказского наместничества

Административно-территориальное деление на 1861–64 гг.
 Территории Кавказского наместничества на 1861 г.

- Кубанская область
- В том числе территории, не контролируемые российскими властями в 1861 г.
- Ставропольская губерния
- Терская область
- Дагестанская область
- Кутаисское генерал-губернаторство, в том числе:
 - Княжество Мегрелия (упразднено в 1867 г.)
 - Княжество Абхазия (упразднено в 1864 г.) / Сухумский округ
- Тифлисская губерния
- Эриванская губерния
- Бакинская губерния

— — — — — Границы территорий Закубья, определенных для новых поселений Кубанского казачьего войска в 1862 г.

Цифры на карте обозначены:
 1 - Натухайский округ Кубанской области
 Территории Дагестанской области:
 2 - Присулакское княжество, 3 - Мехлуминское ханство, 4 - Аварское ханство (с 1854 - Аварский округ),
 5 - Дербентское градоначальство,
 6 - общества Гумбет, Андик, Техуцал, Чанкавал, Ункратли (Андийский округ)
 Приставства Кутаисского генерал-губернаторства:
 7 - Цибельда, 8 - Сануракань, 9 - Сванети

Убыкские и джигитские (садзские) общества (фрагмент карты 1861 года)

Закрепление имперской черноморской границы на последнем этапе Кавказской войны будет сопровождаться массовым выселением адыгско-абхазские общества. Пленный состав территории останется фактором военно-политического контроля над ней не только в условиях войны.

ляются здесь наиболее вероятным, социально-весомым «шаблоном» административно-территориальной структуры. В 1863–64 годах власти активизируют свои действия по проведению земельной реформы в регионе, межеванию земель как внутри обществ, так и разграничению между различными горскими обществами/этническими группами и общему правовому оформлению пределов их землепользования.

Заключительный этап Кавказской войны — это масштабная военно-депортационная операция имперских властей против закубанских народов. Еще в 1858–61 годах в Турцию уходят значительные группы закубанских и пятигорских ногайцев, часть адыгов и абазин. В 1862–64 годах осуществляется почти тотальное выселение адыгских и абазинских обществ из нагорной полосы Закубанья и Причерноморья. Соперничество Российской и Оттоманской империй сыграло ключевую роль в этой черкесской катастрофе. В русских геополитических расчетах не были забыты ни организованные черкесские удары по внешней имперской границе, растянувшейся с 1837–39 годов от Анапы до Гагры нестойкой цепью прибрежных укреплений, ни опыт Крымской войны. Выселение черкесов стало прямым следствием стремления России прочно занять побережье и тем самым окончательно ликвидировать плацдармы потенциальной иностранной интервенции на Кубань-Пятигорье, в тыл русскому Закавказью. Гарантия имперской границе была определена в черкесской дилемме: выселиться вглубь империи или же вне ее. По разным оценкам от 400 до 700 тысяч черкесов вынуждены были покинуть Кавказ и выселиться в Турцию. Значительная их часть погибла в ходе переселения. Оставшиеся черкесские аулы были сосредоточены в узкой полосе вдоль левобережья Кубани и Лабы. К югу от этой полосы еще в ходе военных действий в 1862–64 годах разворачивается военно-казачья, а затем и гражданская колонизация. В это же время начинается мас-

совая эмиграция горцев из других регионов (мухаджирство): в частности, в 1865 году в Турцию выселяется 23 тыс. чеченцев.

В 1864 году в целом заканчивается столетняя военная фаза овладения Россией Кавказским регионом. Начавшись с каспийско-терского казачьего плацдарма, русское завоевание соединяет Кавказ в одно целое, делая его частью огромной империи. Стратегия овладения Россией кавказским межимперским буфером развивается во многом по ходу самих завоеваний. Смещается сам «фокус» геополитических устремлений на Кавказе — центральный мотив, соединяющий военные и экономические интересы империи. Каспийские (вожско-персидские) коммуникации и потоки товаров уступают место задаче обеспечения контроля над Предкавказьем и создания крепкого фланга Азовскому «окну» в Черноморье. Трактат о протекции над Грузией создает новые стратегические просторы и соблазны. Русская столица Кавказа смещается с востока в центр — от Кизляра к Моздоку и дальше: Екатериноград — эта несостоявшаяся новая столица — размещена в петровском стиле, на передовом рубеже экспансии и в самом его центре — как обещание будущих русских побед. Расщепление в начале века колонизации на два успешных и один проблемный пояса «разделяет» и русскую столицу Кавказа: в Тифлис уходит авангардный, военно-стратегический центр русского противостояния туркам, а Георгиевск и затем Ставрополь остаются тыловыми центрами крестьянской колонизации. С начала века укрепляются два новых военных/казачьих центра русского Кавказа — Екатеринодар и Владикавказ — оба на переднем крае — но уже внутренней войны. В Кавказской войне Россия решает «проблему горского барьера», но вовсе не как «барьера на пути ее экспансии в мусульманский мир», а как барьера, разделяющего две части русского Кавказа и несущего угрозу для обеих. В этой же войне горцы решают «проблему Рос-

сии» — проблему извне навязанной государственности и порядка. Здесь разные племенные группы или вольные общества, владетельные кланы или зависимые сословия сталкиваются со своим кругом проблем и вынужденных решений.

Несколько локальных сюжетов

- ♦ К 1860 году власти выселяют ингушские аулы с верховий Камбилеевки, Сунжи и из Ассинского ущелья, группируя их в крупные села в районе Назрани. На «высвобожденной» территории в 1859–61 году основаны станицы Сунженская, Фельдмаршальская, Нестеровская, Камбилеевская, Карабулакская, Галашевская, Алкунская, Даттыхская, Тарская и Аки-Юртовская. Так возникает казачий массив, прикрывающий Владикавказ с востока и завершающий возведение Сунженской линии. Он разделяет Ингушетию на горную и равнинную части, отделяет Осетию от Чечни и с годами становится одним из ключевых конфликтных регионов всего Кавказа.
- ♦ Обезземеливание крестьян в ходе аграрной реформы усиливает общий миграционный вектор внутри региона — из горских обществ на равнину. В частности, в 1863–64 годах в Большой Кабарде предпринимаются попытки определения и правового оформления пределов землепользования между Кабардой и смежных с нею балкарских и карачаевских обществ. Появляются анклавные горского населения на арендуемых или выкупленных землях на кабардинской равнине.
- ♦ В 1864 году упраздняется Абхазское княжество. Спустя два года в его границах образован Сухумский отдел (включающий приставства Самурзакань и Цебельду) с общим присоединением территории к Кутаисскому генерал-губернаторству.

Карта 7 (1865–1870)
Военно-народное управление
горскими территориями

После окончания Кавказской войны в районах, населенных горцами и находившихся в комендантском или ханском¹ управлении, вводится общая «военно-народная» форма управления. Начальниками учрежденных военно-народных округов назначаются армейские офицеры, в ведении которых сосредотачиваются административно-управленческие, полицейские и в значительной мере судебные функции. При этом судопроизводство осуществляется при участии избираемых в горских обществах судей и на основе обычного права и шарията. В уровне сельских обществ сохраняются элементы самоуправления.

Военно-народная система рассматривается властями как необходимая форма сохранения военной администрации в мирное время в тех районах, население которых «еще не было подготовлено к гражданскому управлению» и применению общеперсского законодательства. Военно-народные округа включают все территории, компактно населенные горцами к 1864–65 годам в пределах Кубанской, Терской областей, всю Дагестанскую область (за исключением Петровска и Дербентского градоначальства), а также Сухумский и Закатальский округа.

В определении границ и самого состава округов были реализованы несколько принципов:

- ♦ Административно-территориальная преемственность: многие округа Дагестанской области совпадают в своих границах с пределами ранее существовавших феодальных владений или союзов вольных обществ.

¹ Военно-народная система в Дагестанской области окончательно введена после упразднения в 1867 году шамхальства Тарковского, ханств Мехтулинского, Кюринского и Аварского.

Округ и число жителей (тыс. чел.)		Основные народности / этнические группы
<i>Кубанская область</i>		
1. Псекупский	16,2	Адыги (бжедуги, шапсуги и др.)
2. Лабинский	20,1	Адыги (темиргоевцы, шапсуги, бесленеевцы и др.)
3. Урупский	12,0	Адыги (бесленеевцы и др.), ногайцы, армяне (черкесо-гаи)
4. Зеленчукский	15,4	Адыги (бесленеевцы, кабардинцы), абазинцы, ногайцы
5. Эльбрусский	15,8	Карачаевцы
<i>Терская область</i>		
6. Кабардинский	54,2	Адыги (кабардинцы), горские татары (балкарцы)
7. Осетинский	46,8	Осетины
8. Ингушский	29,9	Ингуши
9. Чеченский	67,5	Чеченцы
10. Ичкеринский	11,9	Чеченцы
11. Аргунский	23,1	Чеченцы
12. Кумыкский	35,2	Кумыки, чеченцы, ногайцы
13. Нагорный	17,9	Чеченцы, аварцы
<i>Дагестанская область</i>		
14. Темир-Хан-Шуриинский	61,7	Кумыки, даргинцы, аварцы

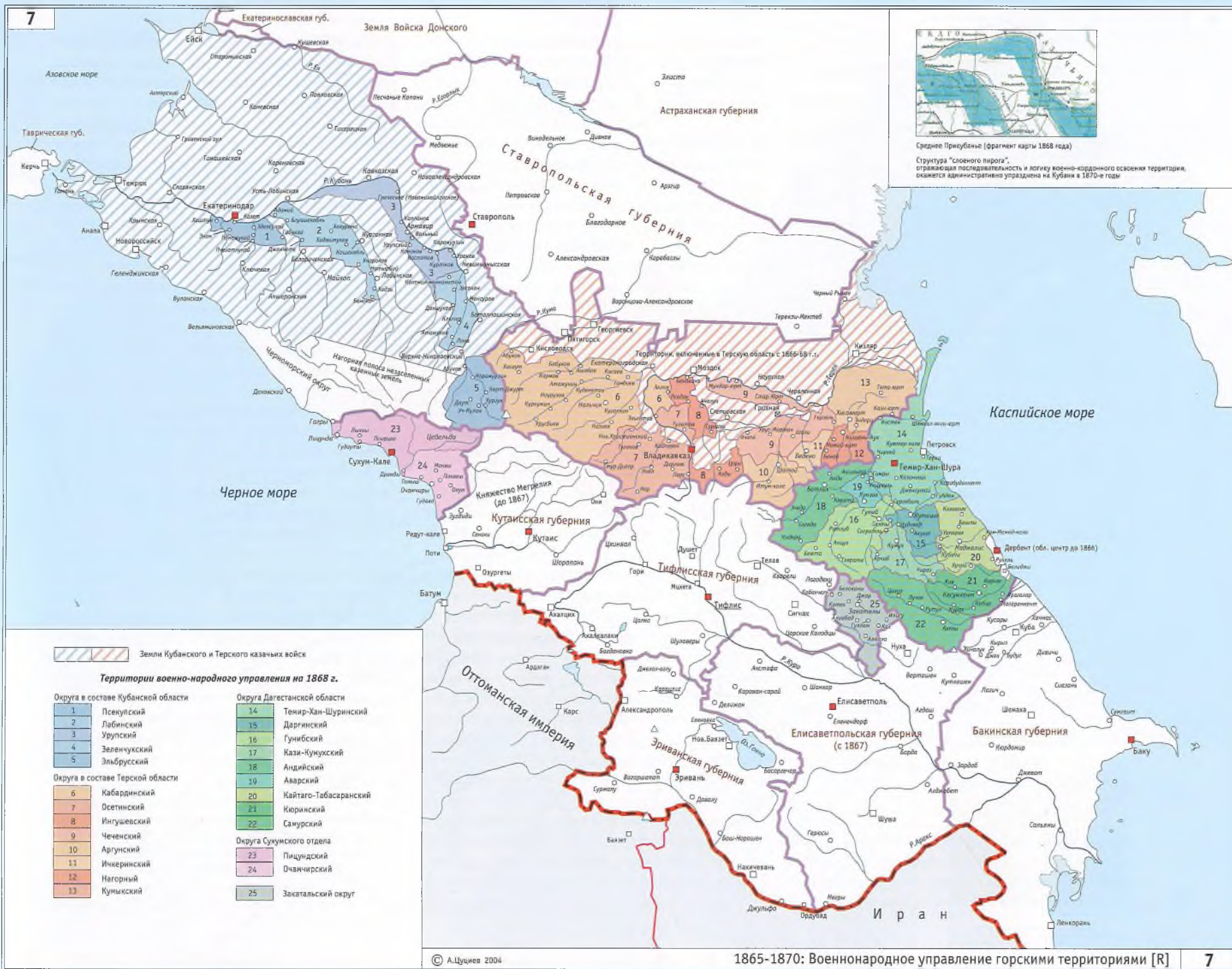
- ♦ Военно-оперативная доступность: отдельные округа, в частности, в нагорной Чечне определяются на основе сложившихся секторов военно-оперативного контроля над группами смежных вольных обществ, осуществляемого из ключевых укрепленных пунктов.

- ♦ Хозяйственно-политическая связность: в преде-

Округ и число жителей (тыс. чел.)		Основные народности / этнические группы
15. Даргинский	63,9	Даргинцы, аварцы, лакцы
16. Гунибский	42,1	Аварцы, капучинцы, ахваццы, хунзалыцы
17. Кази-Кумухский	34,6	Лакцы (казикумухцы), аварцы, арчинцы
18. Андийский	35,8	Андийцы, аварцы, каратинцы, дидойцы, чамалалы, багугалы, годоберинцы, ботлихцы, ахваццы.
19. Аварский	30,5	Аварцы
20. Кайтаго-Табасаранский	42,1	Кайтагцы, кубачинцы, кумыки, дербентские татары, таты/евреи горские
21. Кюринский	59,0	Лезгины (кюринцы), табасараны, агулы, евреи горские
22. Самурский	51,2	Лезгины (кюринцы), рутульцы, цахуры
<i>Сухумский отдел</i>		
23. Пицундский	25,5	Абхазы
24. Очамчирский	38,4	Абхазы/самурзаканцы
Цебельда	—	—
<i>Закатальский отдел</i>		
25	52,2	Аварцы, цахуры, закавказские татары, ингилойцы

лов округов включаются районы расселения этнически различных групп, но связанных между собой практикой хозяйствования (и сезонной миграции) или отношениями вассалитета.²

² Отметим, что округа, в которых административно объединены территории расселения различных этнических

Среднее Прикубанье (фрагмент карты 1868 года)

Структура "слоеного пирога", отражающая последовательность и логику военно-народного освоения территории, оказывается административно управляема на Кубани в 1870-е годы

Грозненский округ (фрагмент карты 1872 года)
Соединение казахских станиц и чеченских солей в общей административно-территориальной единице окажется неустойчивой альтернативой "управленческой сегрегации" в Терской области

♦ Военно-колониционная целесообразность: границы многих горских округов и даже локализация некоторых из них определяются пределами районов, выделенных под казачье заселение, которое, в свою очередь, разворачивается по военно-стратегическим соображениям.

♦ Этническая («племенная») гомогенность: многие округа сформированы на территориальной основе преимущественного расселения определенных этнических групп (округа Осетинский, Ингушский и другие). Административные границы в значительной мере совпадают с этническими, а этнические категории/группы приобретают внутриимперское административно-территориальное выражение.

Ни один из этих принципов не являлся единственно используемым. Однако в множественности критериев компоновки военно-народных округов проявляется единая административная логика: территориальное управление стремится опереться на внутренне когерентные объекты, контролируя их многозначную внутреннюю связность или даже создавая ее. Именно различия в характере такой связности, будь то функционально-правовое наследие иранской или ханских администраций, как в Южном Дагестане, общность принудительного выселения, как в закубанских черкесских округах, или же культурно-языковое единство отдельных горских обществ, — обуславливают различия в композиции границ и состава округов. При этом противоречия между различными принципами и выбор властей в пользу одного из них — управленчески предпочтительного — создают эффект произволь-

групп, зачастую составлены из более мелких, но этнически гомогенных единиц (участков, наибств). В Кабардинском округе все [балкарские] горские татарские общества объединены в одном Горском участке, ногайцы Кумыкского округа имеют также «свой» участок, [аварцы]-тавлинды и чеченцы Нагорного округа также разделяются по разным административным участкам и т.д.

ности в композиции округов. В частности, вне округов военно-народного управления остаются районы, населенные горскими осетинскими обществами в пределах Тифлисской губернии и лезгинскими — в Бакинской.

Военно-народное управление совмещало в себе несколько противоречивых тенденций:

♦ Военно-народная система является формой унификации управления горскими территориями/населением (окончательно ликвидированы ханства и вольные горские общества) и первым шагом к введению гражданского управления по общеимперскому образцу.

♦ Военно-народное управление является формой административно-территориального размежевания одной категории населения (горцы) от других (казаки и «нетуземное» гражданское население). Тем самым данная модель продолжает практику использования этнических («племенных») категорий/групп как объектов военно-стратегического воздействия, но теперь — как объектов внутреннего администрирования в мирное время.

♦ Учреждение военно-народных округов является административно-территориальным укреплением некоторых итогов Кавказской войны. Конфигурация округов на Западе региона складывается как прямое следствие выселения черкесов и обеспечения безопасности черноморской границы империи с тыла. В Центре происходит упрочение линий военно-поселенческого (казачьего) контроля по северному периметру горских территорий и вдоль стратегических коммуникаций, проходящих через эти территории — в «опрокинутом» треугольнике, с основанием на Кавказской Линии и его вершиной в Дарьяльском ущелье. На Востоке не происходит серьезных этнотерриториальных сдвигов: внешняя имперская граница отодвинута далеко на юг, а роль сухопутных прикаспийских коммуникаций оттенена надежностью морских (Каспий — «внутреннее русское море»).

Несколько значимых локальных сюжетов

♦ В 1865 году происходит административное разделение Малой Кабарды на две части: в западную селяются кабардинские аулы, а в восточной (включая выкупленные в казну земли князя Бековича) размещаются другие группы горского и «иностранного» населения.

♦ В закубанских военно-народных округах сосредотачивается разноплеменное адыгское, абазинское и ногайское население, формируется новая административно-территориальная рамка для этногрупповых категорий и организации управления ими в будущем. Часть частновладельческих или казенных земель в этих и других округах выделяется для гражданской колонизации.

♦ Территория бывшего Цебельдинского округа отделена от Сухумского отдела: с 1868 — под управлением Попечителя поселений в Цебельде. После абхазского восстания 1866 года практически все население Цебельды и Дальского ущелья выселилось/выселено в Турцию. Это территория последующей сванской (верхняя часть Кодорского ущелья), русской, греческой, мегрельской и армянской колонизации (южная часть Цебельды/Дал).

Карта 8 (1871–1881)

Общегубернская модель для кавказских войсковых областей

Пореформенный период на Кавказе сопровождается общей либерализацией и формированием политического курса на административно-правовое сближение края с остальной России

ей при сохранении его особого регионального статуса (Кавказское наместничество). Этот курс проявляется, в частности, в стремлении приблизить административно-правовые режимы, в которых существовали различные категории населения, к общеимперской модели, включающей в себя доминирующую губернскую систему регионального управления. Следствием новой политики становится введение с 1871 года «гражданского устройства»¹ в «войсковых» областях Северного Кавказа — Кубанской и Терской. Военно-народная система управления горцами/горскими территориями в этих областях фактически включается в общегражданскую систему, обозначая тенденцию к преодолению рамок особого административно-правового режима для горцев и к отказу от военных методов администрирования. Приближение обеих областей и их населения к общероссийскому административно-правовому стандарту отвечает задачам мирного и пореформенного развития горских и казачьих/войсковых районов. В новом административно-территориальном делении областей осуществляется попытка решить эту задачу, в частности, посредством объединения в общие округа/уезды горских территорий со смежно расположенными казачьими/русскими станицами и селами. Таким образом, отчасти ликвидируется прежняя административная чересполосица горских и казачьих земель, которые включаются в единую систему управления и, соответственно, образуют общегражданские административно-территориальные единицы (сохраняя размежевание на более низком, «участковом» уровне).

В Терской области в 1871 году образованы 7 округов — Георгиевский, Владикавказский, Грозненский, Кизлярский, Хасавюртовский, Аргунский и Веденский. После присоединения к области Пятигорска и группы прилегающих

сел и колоний (1874) Георгиевский округ переименован в Пятигорский, который в последующем разделен на Пятигорский и Нальчикский округа.

<i>Округа Терской области</i>	<i>Площадь (кв. верст)</i>	<i>Население (тыс. чел.)</i>	<i>Основные народности/этнические группы</i>
Пятигорский	2487	136,3	Русские/казаки, немцы
Нальчикский	16831		Кабардинцы, казаки, горские татары
Владикавказский	9502	137,1	Осетины, казаки, ингуши
Грозненский	8405	120,6	Чеченцы, казаки
Аргунский	2472	22,7	Чеченцы
Веденский	1273	22,0	Чеченцы
Кизлярский	5903	25,0	Казаки/русские
Хасавюртовский	4886	55,8	Кумыки, аварцы, чеченцы

В Кубанской области административная реформа сопровождается разделением территории на 5 уездов: Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский. В состав трех последних включаются и горские общества, составлявшие ранее отдельные округа. В 1876 году образуются два новых уезда — Закубанский и Кавказский.

<i>Уезды Кубанской области</i>	<i>Площадь (кв. верст)</i>	<i>Население (тыс. чел.)</i>	<i>Основные народности/этнические группы</i>
Ейский	10839	119,3	Русские и малороссы/казаки

<i>Уезды Кубанской области</i>	<i>Площадь (кв. верст)</i>	<i>Население (тыс. чел.)</i>	<i>Основные народности/этнические группы</i>
Темрюкский	9430	83,3	Малороссы/казаки
Екатеринодарский	10392	178,8	Малороссы/казаки, адыги (бжедуги, шапсуги)
Майкопский	15529	147,9	Русские/казаки, адыги (темиргоевцы, шапсуги)
Баталпашинский	15136	132,6	Русские/казаки, карачаевцы, адыги (кабардинцы, бесленевцы), абазинцы, ногайцы
Закубанский	7623	36,7	Русские/казаки
Кавказский	10115	133,1	Русские/казаки

В Закавказье, где российская гражданская администрация уже прочно утвердилась, практически завершается аналогичная по общему политическому замыслу задача — административное упорядочение региона по общеимперской, губернской модели. Еще 1867 году окончательно упраздняется особый статус последнего владетельного образования, сохранявшегося на территории Кавказского региона: территория Мегрельского княжества включена в пределы Кутаисской губернии. В этом же году из смежных уездов Бакинской и Тифлисской губерний, с присоединением Мегринского участка из Эриванской губернии, образуется новая Елисаветпольская губерния. Ее границы охватывают территориальные сегменты армянского, тюркского, курдского, лезгинского расселения и, таким образом, «перекрывают» сложную мозаику местных этнических

¹ В Дагестанской области, Сухумском и Закатальском округах военно-народное управление сохраняется до 1917 года.

границ, утверждая при этом имперский (наднациональный) принцип в административно-территориальном делении.

Политический курс на «слияние» населения Кавказа с остальными подданными империи, на приближение войсковых (казаки) или военно-управляемых (горцы) социальных групп к гражданскому состоянию с самого начала наталкивается на ряд препятствий, что приведет в итоге к отказу от этой стратегической задачи как преждевременной. Комбинация внутри- и внешнеполитических факторов сначала ограничивает развитие этой общегражданской тенденции в административно-политическом обустройстве Кавказа, а затем обрушивает ее.

Реформы 1860–70-х годов, проводимые, в частности, в землеустройстве казачьих войск на Северном Кавказе, были нацелены на ослабление сословной замкнутости казачества, на сближение как казачества, так и горцев с прочим населением империи. Однако уже в середине 1870-х в Кубанской и Терской областях нарастают экономические противоречия между казачеством и иногородним населением. Обезземеливание русского крестьянства в пореформенный период, последовавший за этим значительный приток иногороднего (то есть, невойскового/неказачьего) населения на Северный Кавказ приводят не столько к росту промышленности и торговли, сколько к росту цен на землю и расслоению среди самих казаков, выступающих в качестве арендаторов. Постепенно курс имперских властей на слияние казачества с прочим населением сменяется политикой, направленной на сохранение сословной замкнутости казачьих войск/общин и форм войскового землевладения. Втягивание казачества в хозяйственно-экономические отношения, свойственные гражданскому населению, с соответствующими негативными сдвигами в ценностной мотивации служилого сословия, начинает восприниматься как угроза боевому духу, общинной психологии и самому

государственному назначению войска. Русско-турецкая война 1877–78 годов показывает несвоевременность таких процессов среди казачества и вновь усиливает имперский спрос на особый статус казачества как ударной военной силы Российской империи.

Значительность внутренних политических рисков и преждевременность перехода к гражданскому управлению проявляются в ходе восстания в Чечне и Дагестане, а также при высадке турецкого десанта в Абхазии. В 1878 году возникают противоречия внутри имперских планов освоения Карсской области (по Берлинскому трактату к России отходят территории, на которых образуются Карсская и Батумская области). Около 100 тыс. мусульман оставляют присоединенные районы. Здесь начинается русская колонизация, однако властям удается вселить только 15,5 тысяч молочан, духоборов, отставных солдат Кавказской армии и греческих переселенцев. Значительная и вероятная армянская поселенческая «колонизация» Карсской области явно не прельщает имперские власти.

Основным внешним фактором усиления военной составной в имперском управлении Кавказом в 1880-е годы становится обострение российско-британского геополитического соперничества и возрастание роли Кавказа в целом как стратегического плацдарма России на южном направлении. Кроме того, присутствие России как субъекта в геополитической игре мировых держав обостряет вопрос о самих социальных, идентификационных рамках ее «имперских оснований» в контексте разворачивающегося в Европе национально-государственного соперничества. Империи начинают искать свои национальные, а не династические или конфессионально-мессианские основания. В новую эпоху конфессиональная характеристика имперского основания России все более настойчиво требует адекватной языковой и этнической однозначности. В по-

следней четверти XIX века Россия начинает все более четко определяться как русская национальная держава. Но русская — уже не только в подданническом, для ее многоплеменного населения смысле, и не только в конфессиональном — как православная, но отныне и все более и более явственно в культурно-языковом смысле — как государство, созданное русским народом и принадлежащее ему. Однако потребуются еще приход к власти нового императора, чтобы эти процессы оказались воплощены в новом имперском курсе, в новой стратегии по абсорбции кавказской периферии.

Карта 9 (1881–1888)

Периферия «национализирующейся» империи

После гибели в 1881 году Александра II начинается новый этап в истории страны и ее Кавказской периферии. Александр III упраздняет институт Кавказского наместничества, избирая курс на создание «однородной» империи. Существование данного перехода состоит в упрочении контроля над инородческой периферией, в наращивании самой проницаемости территорий для властных маневров имперского центра. Искомая гомогенность рассматривается как фактор укрепления, если и вынужденной, но необходимой, политической лояльности периферии в отношении «национализирующейся» империи. Все более отчетливой становится политика русификации, направленная на жесткую привязку инородческого населения к значительно более ограниченному идентификационному канону имперских подданных. Такая привязка предполагает уси-

ление силового контроля над объектами «имперского поглощения» и осуществляется посредством общего ужесточения репрессивных функций государства. Культурная абсорбция периферии полагается возможной только в качестве следствия абсолютного властного и культурного доминирования над нею. В целом, правительственная линия с конца 1880-х все четче выступает как «систематическое устранение туземцев из состава местной администрации, поход на школы, на родной язык учащихся».

Административная динамика Кавказа в данный период неизбежно отражает линию на упорочение институтов самодержавной государственной власти и обеспечение устойчивого культурного поглощения инородческого населения страны ее русским национальным ядром. В имперском управлении Кавказом происходит переход от регионализма к жесткой централистской политике. После упразднения наместничества намечаются и соответствующие изменения в административно-территориальном делении региона, связанные с отказом от курса на слияние казачества и горцев с остальными подданными империи.

Типологические различия территорий (по составу и лояльности населения, стратегическому положению или уровню военно-политической стабильности) обуславливают усиление различий в форме администрирования. Для горцев Кубанской и Терской областей «изъятие» такого звена имперской административной пирамиды, каким было наместничество, приводит к введению так называемого «военно-казачьего управления» (1886), или прямого подчинения горцев казачьему начальству. Данная система близка военно-народной. Она также основывается на принципе единоначалия и подчинения сельского самоуправления горских обществ военной и административной власти армейских/войсковых чиновников. Однако в этой новой версии военное админи-

стрирование на горских территориях оказывается гораздо менее связанным институтами сельского самоуправления, а в своих судебных функциях — нормами обычного и шариатского права. Кроме того, кадровый состав военной администрации черпается теперь из казачьего военно-служилого сословия, усиливая роль и привилегированное положение последнего и одновременно закрепляя социальную дистанцию между казачеством и остальным, и не только «туземным», населением.

В административно-территориальной организации трех областей Северного Кавказа сказывается следующее типологическое различие: полное доминирование казачьего (и русского) населения на Кубани, практически полностью горское население Дагестана и двух-компонентное — казачье и горское — население на Тереке. Стремление правительства к укреплению контроля в северокавказском поясе обуславливает возрастание влияния и функционального веса казачьего сословия как социального инструмента такого контроля. В Терской области происходит разделение гражданских округов, существовавших в 1871–83, на казачьи отделы и горские округа. Вновь, как и в период военно-народного управления горскими территориями 1865–71 годов, происходит совмещение, хотя и с некоторыми исключениями,¹ этнических и административных границ, отделяющих одну социально-этническую категорию Терской области от другой. Однако такое возвращение административных границ к конфигурации границ этнических не означает возврата к особой системе управления горскими территориями, с элементами сельского

самоуправления и использованием обычного и шариатского права в судопроизводстве. Напротив, в горских округах устанавливается прямой военно-административный контроль казачьих властей. Смысл административного размежевания казачьих и горских территорий в Терской области состоит отчасти в стремлении властей прекратить практику арендного/поселенческого освоения горцами казачьих земель и перспективу «размывания» войскового землевладения.

Несколько локальных сюжетов

После 1883 года территория Кабарды и горские татарские (балкарские) общества составляют Нальчикский округ, Северная Осетия — Владикавказский округ, Чечня — Грозненский, а сулакские кумыки, ауховские чеченцы и салатавское аварское общество — Хасавюртовский округ. Понятия «Кабарда», «Осетия», «Чечня» вновь приобретают более выраженное административно-территориальное содержание. Подобная административно-территориальная политика была продолжена в 1905 году при выделении Ингушетии (в качестве Назрановского округа) из Сунженского отдела, а также возвращением Малой Кабарды из состава Сунженского отдела в Нальчикский округ. Однако в том же 1905 другая административная логика приводит к разделению слишком «тяжеловесного» Грозненского округа, включающего всю Чечню, на две административных единицы — Грозненский и Веденский округа.

Горское население и территории, расположенные в Кубанской области, остаются и после реорганизации 1886–88 годов в составе общих с казачьим населением уездов/отделов — в качестве отдельных административных участков. Вероятно, именно малочисленность оставшихся здесь горцев и относительная устойчивость управления анклавными горскими территориями делают безосновательным вычленение

¹ Часть земель, населенных горскими народами и располагающихся в центральной части области (Ингушетия и Малая Кабарда), была включена в 1883 году в Сунженский (казачий) отдел, придавая этому стратегическому казачьему району большую территориальную связность и прямой доступ к Закавказью.

Административно-территориальное деление на 1887-1888 гг.

- Кубанская область
- а б Ставропольская губерния (а - уезды, б - приставава кочевых народов)
- а б Терская область (а - казацки отдели, б - горские округа)
- Дагестанская область
- Черноморский округ
- Кутаисская губернии, в том числе:
 - Батумский округ
 - Сухумский округ
- Тифлисская губерния
- Эриванская губерния
- Бакинская губерния
- Елисаветпольская губерния
- Карсская область
- Границы губерний и областей
- Границы округов, уездов и приставств
- Государственная граница Российской империи
- Железные дороги

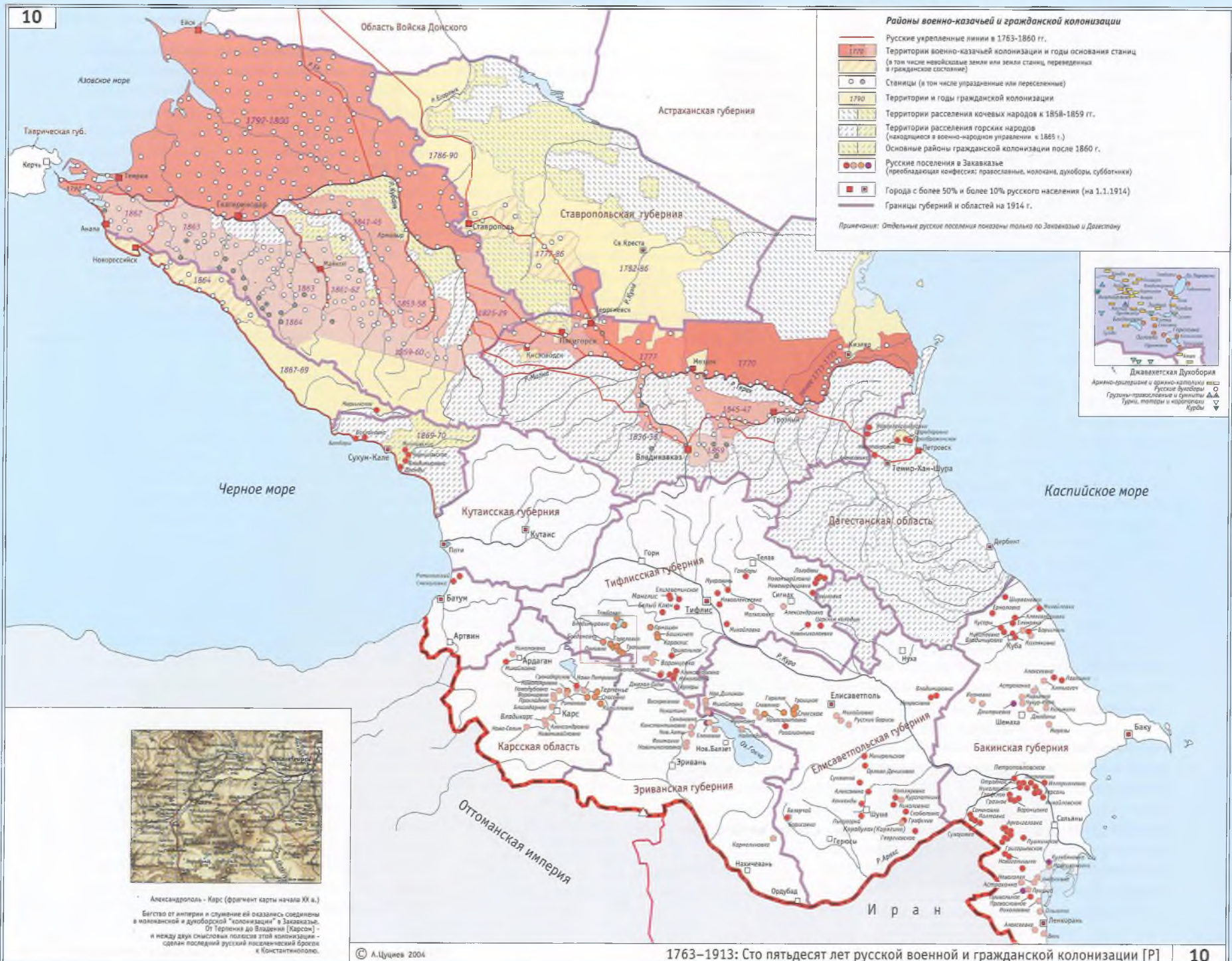
Цифры на карте обозначены:

- Ставропольская губерния: 1 - Новоградский уезд
- Терская область: 2 - Сунженский уезд, 3 - Владикавказский округ, 4 - Грозненский округ, 5 - Кизлярский уезд
- Дагестанская область: 6 - Аварский округ
- Черноморский округ: 7 - Сочинский уезд
- Кутаисская губерния: 8 - Сенанский уезд, 9 - Рачинский уезд
- Эриванская губерния: 10 - Сурмалинский уезд, 11 - Шарури-Дарлагезский уезд

Ворчалва (фрагмент карты 1887 года)

Города и районы с этнически смешанными или смешанными населением, — это модельные образцы имперского пространства, — во времена его "национализации" и последующего разрушения олицетворяют главные очаги нестабильности

- Районы военно-казачьей и гражданской колонизации**
- Русские укрепленные линии в 1763-1860 гг.
 - 1770 Территории военно-казачьей колонизации и годы основания станций (в том числе невысидевшие земли или земли станций, переведенных в гражданское состояние)
 - Станции (в том числе уездные или переселенные)
 - 1790 Территории и годы гражданской колонизации
 - Территории расселения кочевых народов к 1858-1859 гг.
 - Территории расселения горских народов (находящиеся в военно-народном управлении с 1865 г.)
 - Основные районы гражданской колонизации после 1860 г.
 - Русские поселения в Закавказье (преобладающая конфессия: православные, молчане, дубоворы, субботники)
 - Города с более 50% и более 10% русского населения (на 1.1.1914)
 - Границы губерний и областей на 1914 г.

Примечания: Отдельные русские поселения показаны только по Закавказью и Дагестану

Джавахетская Духобория
 Армяно-григоринские и армяно-казачьи поселения
 Русские дубоворы
 Грузинско-персидские и суннитские Ады
 Турки, татары и мусульмане
 Кумы

Александрополь - Карс (фрагмент карты начала XX в.)
 Бегство от англirii и слияние ей оказались соединили в молчанской и дубоворской "колонизации" в Закавказье.
 От Терлана до Владени [Карск] - и между двух смысловых полюсов этой колонизации - сделан последний русский поселенческий бросок к Константинополю.

здесь особых горских округов. В ходе административной реорганизации в 1888 году были лишь изменены границы отделов Кубанской области.

Военно-народное управление в Дагестане, которое сохранялось здесь и в 1870-е годы, также эволюционирует в сторону прямого военного администрирования: в 1883 году управление области вверено военному губернатору. Однако здесь не происходит каких-либо существенных административно-территориальных изменений (Дербентское градоначальство упраздняется и его территория, за исключением самого Дербента, передается в Кюринский округ).

В Закавказье, за исключением Сухумского отдела, Карсской и Батумской областей, сохраняется губернское управление. Общеимперский курс на унификацию управления и обеспечение большей культурной гомогенности населения империи проявляется и здесь в более жесткой линии на русификацию. Изменение в 1880–90-х годах самого имперского смысла «русскости» (от подданнического к этническому значению) обуславливает естественное сужение идентификационных рамок русской нации и росту отчуждения от нее этнически нерусских групп населения. Попытки имперских властей форсировать обрусение многоэтнического кавказского населения, сопровождаемые расширением дискриминационной практики, приводят к обратному результату — обострению нерусской этнической идентичности и ее политизации. Курс на русификацию провоцирует подъем «автономистских» настроений в местных национальных элитах, прежде всего, в армянской и грузинской, как наиболее продвинутых в политическом отношении. В свою очередь, политика русификации складывается отчасти в качестве имперского ответа на консолидацию местных элит по этническому принципу и фактическо-

го блокирования ими возможностей для русского доминирования.

Присоединение в 1878 году Карсской области и задачи ее поселенческого освоения обостряют общий вопрос о характере интеграции Кавказа в империю, о культурной доминанте, определяющей в процессе интеграции региона в Россию. Вместе с этнизацией русской протонации и изменением общей имперской «системы координат», в которых оцениваются сами национальные основания Российского государства, обнаруживается явный дефицит русского доминирования в Закавказье — экономического, культурного, административного, поселенческого, наконец. С конца 1880-х годов имперская политика «национального баланса» становится более институционально очевидной и этнически избирательной. Цель подобной избирательности — способствовать укреплению «русского элемента» в крае.

Правительственный курс на русификацию края сопровождается общим ухудшением межэтнических отношений на Кавказе. В 1880–90 годы происходит ужесточение комплекса социальных противоречий по «этническим линиям». Но именно в это время экономика региона переживает один из своих наиболее динамичных периодов: бакинская нефть, хлеб Ставрополя и Кубани, развитие железных дорог интегрируют Кавказ в общероссийскую и мировую экономики. Кавказские проблемы и зреющие социальные конфликты встраиваются в общероссийский политический контекст, где обретают иное символическое значение. Эти конфликты и пытающиеся их преодолеть политические стратегии окажутся среди катализаторов определенных процессов и моделей национально-государственного устройства всей страны.

Карта 10 (1763–1913)

Сто пятьдесят лет русской военной и гражданской колонизации

Русское расселение на Кавказе является одновременно и фактором, и следствием интеграции региона в империю. Поселенческая колонизация — составная часть военно-политического, социально-экономического и отчасти культурного поглощения империей ее кавказской периферии.

Общая структура и динамика колонизации определяются целым комплексом различных стратегий, встроенных в имперское внешнеполитическое соперничество и русское государственное освоение края: от организованного государством военно-казачьего расселения и принудительного рассеяния русских сектантов в Закавказье до стихийных крестьянских миграций в «неведомый забранный край».

В 1711–35 годах по нижнему течению Терека из гребенского, кизлярского и терско-семейного казачьих войск формируются зачатки русской кавказской границы, которая, выдвигаясь сначала на запад к Моздоку (1863), а затем от Моздока к Азову (1777–86), прорезает степное Предкавказье цепью крепостей и станиц. Полоса военно-казачьего освоения и есть сама русская граница — подвижный южный фронт империи, который теснит ногайских кочевников и, подойдя к Малке и Пятигорью, — Кабарду. В тылу и под защитой этого военно-казачьего фронта начинается гражданская колонизация: появляются села русских государственных крестьян и помещичьи латифундии. Аннексия в 1783 году Крымского ханства вместе с его кубанской частью влечет за собой выдвигание русской границы на среднее и нижнее течение Кубани. После 1792 года на бывших ногайских кочевьях между Кубанью, Бей

и азовским побережьем возникает русское / малороссийское Черноморье — мощный казачий бастион империи из переселенных запорожцев. Уже к концу XVIII века формируется контур Кавказской Линии — сплошной полосы расселения казачьих войск от Тамани и устья Кубани на западе и до устья Терека на востоке.

К 1829–30 годам ясно определяется общая конфигурация трех зон русского имперского освоения Кавказского края:

(а) степное Предкавказье к северу от Кубани-Малки-Терека составляют районы сплошной колонизации с военно-казачьим фронтиром в виде Кавказской линии по южному периметру. Это зона с абсолютно преобладающим русским населением, среди которого сохраняются районы ногайских, туркменских и калмыцких кочевий по окраинам Ставропольской возвышенности.

(б) Закавказские территории, с достаточно устойчивой русской имперской администрацией и многоэтничным аборигенным населением. Уход/вытеснение из некоторых районов края части оседлых и кочевых тюрок-мусульман в Турцию или Иран создают здесь анклавы для будущей русской, армянской и греческой колонизации.

(в) Зона Большого Кавказа, или земли горских народов, пребывающих в различной степени зависимости от империи или же полностью независимых от нее.

Эта третья зона оказывается внутренней границей империи, ее «внутренним зарубежьем». Кавказская линия — полоса противоречивого соседства империи с горскими народами — соседства, насыщенного хозяйственными связями, первым опытом администрирования и военного противостояния. Новые русские кордонные линии, возникая в качестве оборонительных барьеров на путях горских набегов, развиваются как поступательная череда рубежей военно-казачьего наступления на горские территории. Кавказская война XIX века ста-

нет борьбой за обеспечение военно-административного контроля империи над третьей зоной имперского освоения края, отделяющей первые две, борьбой за слияние всех трех в устойчивую часть империи с прочной внешней границей, вынесенной на черноморское побережье, Карсское нагорье и Аракс. Военно-казачья экспансия определяется и логикой борьбы с частью горских обществ, и стремлением упрочить коммуникации между Предкавказьем и Закавказьем, которое к 1813 году становится международно-признанной частью империи. С 1830-х годов начнется русская колонизация и здесь, в закавказских провинциях. В отличие от Предкавказья, где сплошные массивы русского поселенческого освоения пришлись на редконаселенные степные территории кочевников, в Закавказье — регионе со значительным и давним оседлым населением — возникнет иной тип русской колонизации. Его можно назвать очаговым или дисперсным, и составляется он из отдельных, рассредоточенных среди местного населения поселений нескольких категорий: сел русских сектантов, военных поселений или поселений отставных солдат, переселенческих поселков и городских слободок.

Сектанты были пионерами русской поселенческой колонизации Закавказья. В 1830–40 годах в Шушинском, Ленкоранском уездах, в Джавахетии и нагорной полосе Елисаветпольского уезда возникают поселения молокан, духоборов и субботников. Сначала изгои, фактически высланные на Кавказ из внутренних губерний России, позднее они становятся одной из определяющих, даже «модельных» форм русского культурного и хозяйственного присутствия в регионе.¹ Одновременно возникает еще один

¹ Отношение имперских властей к русскому сектантству на разных этапах колонизации региона было различным, но никогда — поддерживающим: в конце XIX века конфликт властей с духоборами из-за попытки ввести среди них воинскую повинность привел к исходу значительной части

тип русского поселенца и поселений — это военные поселения (Лагодех, Царские Колодцы, Манглис, Ханкенды, Гергеры и др.), расположенные в стратегических точках региона.

С конца 1830-х годов в ходе Кавказской войны, и особенно на ее заключительном этапе, возникают новые полосы русского поселенческого освоения на Северном Кавказе — уже в пределах территорий с оседлым горским населением. По Сунже и Тереку, по верхней Кубани и Лабе появляются новые линии укреплений и казачьих станиц. Наконец, в 1862–64 годах после выселения закубанских народов осуществляется военно-казачья колонизация большей части территории между Кубанью и черноморским побережьем. С 1867–69 годов начинается и гражданское освоение причерноморской полосы.

Различные типы колонизации — военно-казачьей и гражданской, крестьянской и помещичьей, организованной и стихийной — связаны как с доминирующими политическими и хозяйственными стратегиями русского освоения края на том или ином этапе, так и с характеристиками самой осваиваемой территории: ландшафтно-климатическими, композиционно-поселенческими, военно-стратегическими. К середине 1860-х годов четко определяются зональные различия русской колонизации не только между Предкавказьем с одной стороны и Закавказьем и Большим Кавказом — с другой, но и между западом, центром и востоком горской полосы. Запад (закубанская Черкесия) становится продолжением зоны сплошной колонизации и полной смены населения²,

общины из Закавказья в Канаду. Покинутые духоборами села были заняты частью русскими православными переселенцами, частью местным армянским и тюркским населением. Но до полного исхода «Духобории» с Кавказа было еще 100 лет.

² Шаткое положение черноморской береговой границы определялось не только нависающей над нею Черкесией. Выселение черкесов в 1862–64 годах можно назвать второй

центр превращается в зону чересполосного размещения казачьих линий внутри сплошных массивов компактно расселенных горских народов, а дагестанский Восток остается частью Закавказья с незначительной очаговой русской колонизацией. Отдельные русские поселения здесь были невозможны как по причинам безопасности, так и по причине их малозначимости для внешней стратегической игры. Дагестан и Чечня оказываются на достаточном удалении от внешней границы империи. Внутренние риски, связанные со слабостью имперского контроля над чеченскими обществами, «нейтрализуются» продолжением строительства казачьих линий в Терской области 1860–61 годах (при Евдокимове) или намерениями такого продолжения в 1865–66 годах (при Лорис-Меликове).

В целом, в течение XIX века происходит очевидный перенос центра тяжести русской колонизации Кавказа: стартовый Кизлярский плацдарм на северо-востоке постепенно остается на глубокой внутренней периферии имперских интересов. Острота русско-турецкого соперничества и явные хозяйственно-климатические преимущества Кубани над Прикаспием приводят к отчетливому смещению и военного, и хозяйственно-экономического акцентов русской колонизации на запад.

С 1890-х годов в Закавказье осуществляют новые попытки создать если не сплошные сегменты, то более насыщенные сети русских поселений. Стремление администрации кн. Голицына упрочить русское демографическое присутствие в регионе является частью общеимперского курса на форсированную русификацию «инородческого» населения и более жесткое привязывание периферии страны к ее русскому ядру. Эти попытки реализуются

планомерной пограничной депортацией, осуществленной в Российской империи в военно-стратегических целях и по внешнеполитическим основаниям. Первым было выселение ногайцев с Кубани в 1784-м.

в формировании сети переселенческих участков в Закавказье, возникновении новых поселений по линиям железных дорог, в предместьях городских центров. В это время возникает «Русская Мугань» — район с компактным православным населением на опустевших кочевьях тюркского племени шахсевенов.

Карта 11 (1763–1913)

Сто пятьдесят лет «инородческой» колонизации

Русская колонизационная (в том числе переселенческая) политика была настолько же сложной и противоречивой, каким был круг вовлеченных в ее осуществление политических сил, социальных и этнических групп. Она изменялась как во времени, так и по локальным задачам: ее избирательность зависела от категорий «оперируемого» населения и конкретных целей, стоящих за его перемещениями. Однако общие принципы колонизационной политики могут быть прослежены за всеми изменениями правительственного курса, пытающегося использовать различные стратегии для одной, главной задачи — укрепления русского присутствия в регионе и прочной привязки Кавказа к России. Сдвиги в административной, культурной или миграционной политике отражают лишь особенности того, какой же представляется политическому классу страны, в частности — в лице ведущих кавказских администраторов, «национальное основание» империи.

Имперская колонизация Кавказа никогда не была сугубо русской в этническом смысле. Уже Кизляр начинается во многом как армяно-

грузинская колония, а Моздок как центр крещеных кабардинцев и осетин. Два нераздельных свойства национально-культурного «тела» империи — многоэтничность и наличие этнического ядра-доминанты — воспроизводятся в поглощении Россией региона. В русскую этническую доминанту колонизации встроены армянские, греческие, немецкие переселенцы, не говоря уже о мощной малороссийской основе при колонизации Черноморий и Новороссии. В этнической палитре имперского освоения региона присутствуют эстонцы, молдаване, чехи, болгары, евреи, поляки, латыши и другие группы.

Сама логика колонизации как процесса, усиливающего поселенческие основания империи, обладающей выраженным национальным и конфессиональным лицом, изначально предполагает избирательность в качестве организационного принципа освоения занятых территорий. Русские победы над персами и турками, территориальные приобретения России влекут за собой переселение значительных групп тюркского мусульманского населения в Турцию. В то же самое время и в течение всего XIX века Закавказье и в меньшей степени Северный Кавказ оказываются областями нескольких волн христианской (армянской и греческой) иммиграции. Старожильческое армянское население Восточной Армении пополняется переселенцами из Ирана и Турции: уже за русско-иранской (1827–28) и русско-турецкой (1829) войнами и последовавшими территориальными присоединениями следует иммиграция около 130 тыс. «турецких» и «адербейджанских» (иранских) армян. И в последующем русско-турецкие отношения будут прямо сказываться на судьбе армян по обе стороны имперской границы.

В 1817–18 годах возникают первые немецкие колонии в Закавказье (Еленендорф и Анненфельд). В отличие от сел русских сектантов немецкие колонии располагаются в местностях,

более благоприятных для хозяйствования — близ городов или важнейших коммуникаций. Типичным становится наличие у кавказских административных центров поселения-спутника в виде аграрной немецкой колонии. В зависимости от правительственного курса, во многом связанного с внешнеполитическим положением России, меняется и отношение властей к немецкой колонизации. История немцев на Кавказе, начавшись со статуса «эталонных аграрных общин», дойдет до «борьбы с немецким засильем» в годы первой мировой войны. Но уже в 1871 году немецкие колонисты в значительной мере потеряют свой привилегированный статус. С начала 1880-х годов начинается русификация образования в меннонитских колониях, ранее наиболее автономных в своей внутренней культурной жизни.

Отношение к армянской колонизации было также различным на разных фазах освоения Кавказского края. В эпоху русских завоеваний армяне воспринимаются преимущественно как союзное население, фактор укрепления империи и — наряду с грузинами — ее надежный военный ресурс. Конструирование кавказской Армении (точнее, Русской Армении, в отличие от Армении Турецкой) было общим русско-армянским военно-политическим проектом. Приток армянских переселенцев из Турции в Россию, фактически их миграция в пределах исторической Армении, сначала поддерживается властями: армянские поселенческие анклав в Джавахети, Нахичевани и Зангезуре становятся оплотами империи на ее южных границах. Однако постепенно армянская иммиграция в Закавказье явственно возобладает над самим русским колонизационным проектом — и демографически, и экономически. В 1880–90-е годы в координатах нового правительственного курса армянская иммиграция начинает восприниматься уже как прямая угроза «русскому делу на Кавказе». Армянская иммиграция, укрепляя экономические позиции

старожильческого армянского населения Кавказа и сама укрепляясь с его помощью, начинает встречать все больше препятствий со стороны русских имперских властей. Споры вокруг освоения Карсской области в 1878–1880 годах иллюстрируют ясное противоречие между двумя колонизационными проектами — русским и армянским. После погромов 1894–96 годов в Турции новая волна армянского исхода в Россию встречает уже жесткое противодействие русских властей и закрытую границу.

Столкновение двух колонизационных практик в регионе (русско-державной и армянской иммиграционной) иллюстрирует одно из базовых противоречий самой имперской колонизации и русского империи-строительства вообще. Это противоречие между двумя стратегиями укрепления империи. Одна из них стремится укрепить империю посредством упрочения и расширения этнического ядра «за счет» поглощения им фрагментов инокультурной периферии. Вторая — стремится укрепить русское ядро посредством органичного «втягивания» в его все более сложную структуру сохраняющих своеобразие «иностранческих» фрагментов. Так или иначе, но эффектом политики русификации 1890-х годов — как образца первой из упомянутых стратегий — оказалось упрочение не столько русского этнического самосознания, сколько прочих этнических идентичностей. В этот период происходит расширение дискриминационной практики, «ужесточение» этнических границ и обострение социальных противоречий, трактуемых в этнических категориях. Относительный дефицит этнически русского экономического и демографического присутствия в Закавказье начинает осознаваться в имперской политике в 1890-е годы как угроза для устойчивости здесь самой империи. В 1899 году Закавказье открывается для самостоятельной русской колонизации, а в начале XX века разворачивается дополнительная русская колонизационная программа — уже

на фоне политизации и радикализации местных этнических элит.

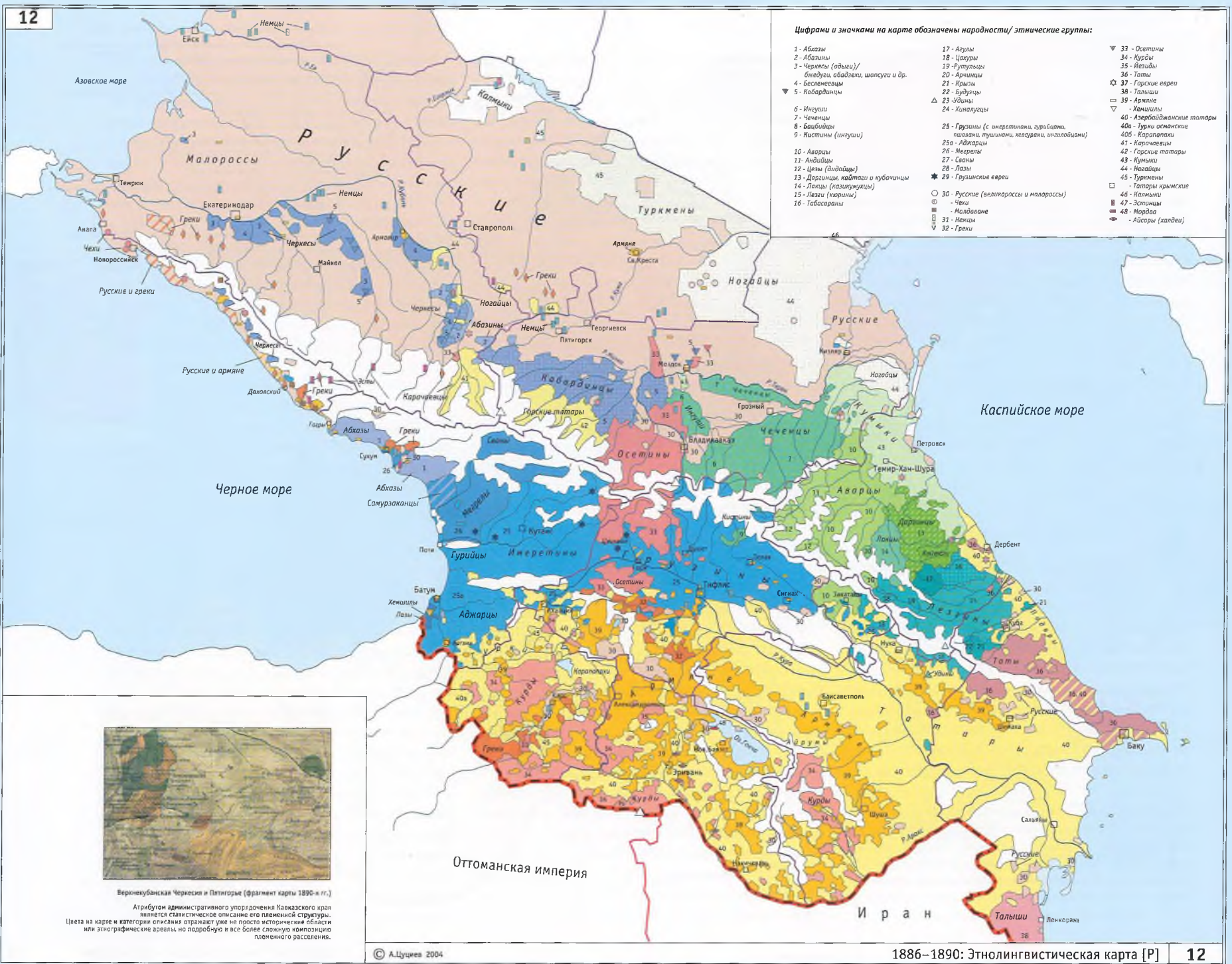
Последние — голосом окрепших политических партий — выдвигают требования прекратить русскую колонизацию, квотировать национальное представительство в чиновничестве, вернуться к [зачаткам национально-культурной автономии]. На фоне нарастающего общего кризиса в империи начинается кристаллизация идей о федеративном устройстве страны. Возникает вопрос о территориальной композиции этнических групп, рисуются первые проекты «национально-территориального разграничения». Общее недовольство русской имперской администрацией на Кавказе развивается одновременно с обострением противоречий между самими местными элитами. Значительное совпадение социальных границ с этническими¹ — вкуче с этнически мозаичным и чересполосным расселением — создает гремящую смесь для грядущих межнациональных потрясений.

Несколько локальных сюжетов

♦ После выселения абхазов в 1866 и 1877–78 годах из центральных районов Сухумского округа здесь возникает «площадка» многоэтнической колонизации (русской, греческой, армянской, мегрельской, немецкой, эстонской). Высокая аграрная перенаселенность соседней Мегрелии делает именно мегрельского крестьянина доминирующим типом стихийной колонизации. Столкновение грузинского и русского колонизационных проектов в Абхазии находит свое идеологическое выраже-

¹ Помимо очевидного стратификационного содержания казачье-горских отношений, можно отметить кризис между экономически успешной и социально продвинутой армянской общиной Закавказья (буржуазия, городской пролетариат) и отстающими от нее старой грузинской аристократией и аграрным населением, и в еще большей мере — тюркской мусульманской общиной и ее молодой буржуазией.

Цифры и значки на карте обозначены народности/этнические группы:

1 - Абазы	17 - Агулы	33 - Осетины
2 - Абарыны	18 - Царулы	34 - Курды
3 - Черкесы (абдык)/
бидеулы, абадзехи, шапсуги и др.	19 - Рупулылы	35 - Йезиды
4 - Беспленевцы	20 - Арчинцы	36 - Таты
5 - Кобардинцы	21 - Крды	37 - Горские евреи
6 - Икчулы	22 - Бадурлы	38 - Талыши
7 - Чеченцы	23 - Чылы	39 - Армяне
8 - Бацбийцы	24 - Хиналуцы	40 - Хемшилы
9 - Икстини (икчулы)	25 - Грузины (с ингерлины, гурилыцы,
пшаваны, тушинцы, хевсураны, ингулоидыны)	40a - Азербайджанские татары
10 - Аварцы	25a - Аварцы	40b - Турки османские
11 - Андийцы	26 - Мехрлы	40c - Карапацкы
12 - Цезы (дидабцы)	27 - Сваны	41 - Карачаевцы
13 - Даргинцы, кайтагы и кубанцы	28 - Лазы	42 - Горские татары
14 - Лалы (казимурцы)	29 - Грузинские евреи	43 - Кумыки
15 - Лезги (хоорны)	30 - Русские (включая малороссы)	44 - Нагабцы
16 - Табасараны	31 - Чехи	45 - Туркмены
	32 - Немцы	46 - Татары крымские
		47 - Эстонцы
		48 - Мордва
		49 - Абсары (халдеи)

Верхнечукская Черкесия и Пятигорье (фрагмент карты 1890-х гг.)
 Атрибутом административного упорядочения Кавказского края является статистическое описание его племенной структуры. Цвета на карте и категории описания отражают уже не просто исторические области или этнографические ареалы, но подробную и все более сложную композицию племенного расселения.

ние в дискуссии о языке церковной службы среди абхазского населения и сравнительных адаптивных способностях русских и мегрельских переселенцев.

- При колонизации Карсской области власти создают пояс русских поселений вдоль ветки новой железной дороги Александрополь-Карс-Сарыкамыш. В этот период колонизационная политика стремится создать компактные районы русского расселения и в других районах Закавказья и Дагестана.
- В Карабахе и Зангезуре периодически обостряются этнические проблемы, связанные с сезонной откочевкой на горные пастбища тюркских и курдских групп через зональный пояс армянского оседлого расселения.
- В 1888–92 годах новые всплески мухаджирства (эмиграции) горцев из Кубанской области позволяют властям размещать новые переселенческие колонии в бывших Лабинском и Урупском военно-народных округах.

Карта 12 (1886–90)

Этнолингвистическая карта Кавказа

Национальная проблематика превращается в 1890-е годы в абсолютно доминирующую тему кавказского политического дискурса. Через нее выражаются все ключевые социальные противоречия. Болезненное внимание к этнодемографическому («племенному», «национальному») балансу овладевает не только умами имперских администраторов, но начинает пронизывать идеологию самих местных элит, все более осваивающих идеи социального освобождения и народного представительства именно в этнических терминах. Возникают

первые туманные проекты автономий в Закавказье, начинается спор о пределах «исторических территорий». Симптоматично, что при различного рода историко-идеологических квалификациях территорий, используется различная сетка административно-территориального деления: идеальное прочерчивание границ в прошлом или будущем неизбежно связывается с реалиями существующей административной карты — с необходимостью ее «исправления» или, напротив, избирательного «закрепления».

Карта 12 показывает, насколько сложным для Кавказа конца XIX века является проведение территориальных границ по этническому основанию и насколько политически рискованными являются проекты национально-территориальной фрагментации региона. Этнически однородные районы соседствуют с чересполосной, анклавной поселенческой композицией. Не только области или губернии, но большинство составляющих их округов или уездов, не говоря уже о городах края, многонациональны. Но в то же самое время на уровне подавляющего большинства отдельных поселений Кавказского края, исключая города, сохраняется предельная этническая однородность (у имперской статистической службы не возникает особых сложностей с племенной идентификацией населенных пунктов). Таким образом, этнотерриториальная структура характеризуется не смешанным составом населения, а его анклавно-мозаичным, чересполосным этническим размещением.

Сложная этническая структура административно-территориальных единиц с «туземным» численным преобладанием поддерживается и отчасти оказывается результатом целенаправленных усилий имперских властей. Комбинированная, мозаичная композиция края снижает угрозу его общей фрагментации на отдельные национальные области. Быстрое экономическое развитие Кавказа в 1880–

1890 годы также способствует нарастанию эффекта этнической мозаичности многих частей региона, все больше усиливая «имперский», гетерогенный, «этнически не привязанный» характер этих территорий. С другой стороны, эти же самые факторы — экономическое развитие и усложнение этнической структуры ключевых центров края — на фоне роста социальных проблем способствуют и возрастанию спроса на историко-идеологические обоснования коллективных национальных прав и привилегий.

Имперская политика этнической избирательности, нацеленная на формирование определенного племенного баланса, осуществлялась в той или иной степени и до «периода русификации». За открытостью высших сословий государства для представителей местных элит и кажущейся нечувствительностью империи к племенному происхождению своих лояльных подданных видна определенная «чуткость» властей именно к племенной композиции (кадровому составу администраций, составу населения). Этническое комбинирование в кадровой и поселенческой политике и само внимание к этничности как организационному принципу приводит к росту ее функциональной значимости, в том числе и для самих этнических/племенных элит региона. Имперская «национальная политика» никогда не строилась на игнорировании этничности. Напротив, можно лишь говорить о различных формах ее использования — от демонстрационной «глухоты» к племенным различиям до жесткой избирательности, опирающейся на эти различия. Подобная этническая избирательность обеспечивает достижение различных локальных задач — от «разбавления» проблемных туземных территорий лояльным населением до поддержания определенного уровня доминирования и однородности в преимущественно русских районах. Для Кубанской и Терской областей точнее говорить о поддержании не этниче-

ского, а сословного доминирования: «иногороднее» русское население также сталкивается с серьезными сложностями в обустройстве на войсковых/казацких территориях.

Имперская политика и экономический подъем — это факторы общей этнической мозаичности территорий Кавказа и наращивания его общей внутренней связности. В то же время этническая чересполосица вкупе с аграрным перенаселением и далекими от разрешения земельно-сословными противоречиями оказывается серьезной угрозой для всей имперской конструкции региона. Подобная угроза присутствует, в частности, в Терской области с ее различиями между чересполосно расселенными группами по размерам душевых земельных наделов. В острых межгрупповых противоречиях самодержавное государство стремится поддержать, прежде всего, казачество как свою ключевую социальную и военную опору. Вынужденное смириться со значительной долей русского «иногороднего» (невойскового) населения в казачьих отделах, администрация области в 1890-е годы прибегает к дискриминационным мерам, ограничивающим хозяйственную и поселенческую миграцию горцев в города и войсковые земли.¹ «Резервационная» административная политика способствует сохранению относительной этнической гомогенности казачьих отделов и отчасти самих горских округов.

Со второй половины 1880-х годов в России и на Кавказе, в частности, все шире распространяются типичные для колониальных империй второй половины XIX века этнографические и статистические описания управляемых территорий. Эта «упорядочивающая» функция внешних описаний обнаруживается на Кавказе как продолжение уже прочной традиции военно-разведывательного опи-

¹ В частности, в 1893 году вводит запрет на поселение горцев, «не состоящих на службе», в Грозном и русских слободах Воздвиженской, Ведено и Шатой.

сания племен и местностей региона. Новое лишь то, что вслед за племенной идентификацией групп и населенных пунктов появляется «нормальная» бюрократическая необходимость в идентификации и исчислении отдельных подданных империи. В конце века проводится первая общероссийская перепись населения, в которой учету подлежат конфессиональные и языковые характеристики населения. Еще раньше в 1886 году составляются посемейные списки населения, в которых используется достаточно подробно разработанная к тому времени номенклатура народностей, проживающих на Кавказе. Добросовестность имперской номенклатуры народов в какой-то мере облегчалась отчетливостью языковых и конфессиональных границ между многими соседствующими здесь группами, неразвитостью «двойных» идентичностей. Конструирующая функция описаний и классификаций народностей состоит, скорее, в определении локальных групп как частей более широких этноплеменных категорий. Однако за редким исключением такие «внешние обобщения» всегда опираются на явные языковую, конфессиональную или самоидентификационную характеристики объектов. Изобретать народности не пришлось: они в значительной мере уже кристаллизовали свои идентификационные границы в рамках имперского военно-колониального освоения региона.

Несколько локальных сюжетов

К 1880-м годам почти исчезает категория «тавлинцы» и «лезгины» для общего обозначения аварцев, даргинцев, лакцев и других дагестанских групп. Исчезают различные локальные этнонимы для обозначения нахскоязычного населения Чечни, кроме «чеченцев» и «ингушей». Грузинский термин «кисты» все более сужается, и даже кистины Панкиси именуются в русских источниках ингушами. Об-

рацает на себя внимание и сохраняющееся использование в конце XIX века нескольких этнических категорий, применение которых в последующем будет изменено или вовсе прекращено: «татары» (реже — азербайджанские татары) для идентификации тюркоязычного [позже — азербайджанского] населения Закавказья; «кюрины» — лезгин, «горские татары» — нынешних балкарцев (тем самым сохраняя за ними до начала XX века внешний, кабардинский термин «горцы»/кушха для классификации всех обществ между Эльбрусом и Дарьялом). Интересно сохранение в имперских классификациях различных территориальных и этнических категорий картвельского населения: в частности, в данных 1886 года отдельно указываются грузины, имеретины, гурийцы, пшавы, хевсурь, тушины (иногда в одной категории), а также мегрелы/мингрельцы, лазы, сваны/сванеты, ингилойцы, аджарцы. Черкесские/адыгские народы Кубанской области, расселенные в общих селах, фактически становятся одним народом и именуется одним именем (исключая шапсугов черноморского побережья). Номинативные последствия их разделения будут уже в советское время состоять в том, что для групп по нижней Кубани, Псекупсу и Лабэ этим именем станет этноним «адыгейцы», а на Зеленчуке и верхней Кубани — «черкесы». При отсутствии общего этнонима, осетины прочно обретают эту внешнюю грузинско-русскую категорию («осетины») для выражения своего единства поверх диалектных, конфессиональных и административных границ. Наконец, отметим, что по этнической статистике того времени можно судить об официальных сомнениях, стоит ли использовать категорию «малороссы» или нет. Она то появляется, то исчезает внутри категории «русских».

Конфессиональная карта Кавказа

Этническая композиция региона составляет не только из лингвистических или территориальных категорий, но в не меньшей степени, из конфессиональных групп, границы которых не совпадают с лингвистическими (племенными). Религиозные идентичности зачастую преобладают над племенными и, являясь более «политически» звучными, нередко оказывают и более серьезное влияние на динамику политических процессов в регионе.

В начальных фазах присоединения Кавказа к России конфессиональные императивы играют ведущую роль в идеологических обоснованиях имперских геополитических задач. Конфессиональные характеристики долгое время остаются преобладающими в имперском восприятии различных народностей, населяющих регион. Религиозная принадлежность рассматривается как ключевая категория для уяснения и упорядочения кавказского пространства. Общий рисунок этого пространства определяется в контексте державного соперничества христианской России с мусульманскими Турцией и Ираном. Соответственно, актуальными являются идеологемы о взятии под защиту христиан, «страждущих в мусульманском плену». И православная империя берет под свое покровительство сначала единоверную Грузию и чуть позже другой христианский народ — армян, возглавляемых своей Апостольской церковью. Христиане выступают как объект защиты и как союзники русского оружия, мусульмане — как потенциальные враги. Эта оппозиция находит свое выражение в сохраняющихся дискриминационных нормах уже в мирный период интеграции региона в Россию. Однако даже явственная определенность историческое лица империи в триедином «самодержавии,

православии, народность» оставляет Россию православно-мусульманской страной, страной с изменчиво-прагматическим уровнем конфессиональной терпимости и значительной культурной автономией мусульман.

К 1890-м годам конфессиональный критерий все чаще уступает свое место в имперском политическом мышлении этническому (национальному). Этот процесс более очевиден в Закавказье, где имперские власти сталкиваются с политическим и национальным вызовом, в наиболее явственной форме брошенным именно со стороны христианских народов. Нарастающие требования восстановить автокефалию Грузинской Православной церкви становятся формой движения за грузинскую национальную автономию. Упразднение автокефалии начинает осознаться грузинским населением как шаг к исчезновению самой Грузии, особенно на фоне запрета в 1904 году на преподавание грузинского языка в церковно-приходских школах. Еще более выраженным оказывается конфликт властей с Армянской Апостольской церковью, во многом остающейся инфраструктурой не только духовного, но и политического существования армян как в России, так и в Турции. После правительственного решения 1903 года о передаче имущества церкви под контроль властей начинается волна армянского террора против высших чиновников имперской администрации на Кавказе.

Для подавляющего большинства мусульман Кавказа принадлежность исламу является доминирующей групповой идентичностью, в значительной степени «поглощая» их этническую (племенную) отличительность. Закавказские тюрки и таты, курды и талыши, аджарцы и месхи определяют себя, прежде всего, как мусульмане. Картвелоязычные аджарцы и ингилойцы, равно как месхи и лазы окажутся в последствии объектами соперничества различных «национально-консолидирующих» проектов,

стремящихся развернуть одно из двух культурных оснований этих групп — грузинское или тюркско-мусульманское — «за счет» другого. Во времена ослабления политического веса религии за мусульманской перспективой обнаружится именно «альтернативное» грузинское/национальное основание: и в отличие от российских аджарцев и лазов, ставших грузинами, турецкие аджарцы и лазы окажутся турками. Этот пример, в частности, указывает на следующие процессы, развивающиеся в кавказском регионе:

- (а) Конфессиональная принадлежность используется в прочерчивании национальных границ, и религии выступают «национальной» атрибуцией, культурным «ядром» или, по крайней мере, маркером зачинающихся наций. Таковым является православие для русских и грузин, ислам — отчасти — для азербайджанской нации, надстраиваемой над тюркскими, татскими, курдскими, талышскими группами. Армянская этническая нация во многом определяется в своих конфессиональных границах — поверх политических границ, организационными традициями и культурной мощью своей церкви. Очевидно, что в этих и многих других случаях существует выраженная связь этнического и конфессионального «коллективного Я», усиливающая отличительность групп-носителей, своеобразную жесткость или, напротив, избирательную открытость их границ. Религия оказывается не просто символизацией, но средоточием национальной отличительности. Быть русским — значит быть православным, и многие сектанты оказываются за пределами русскости или на грани между «русским» и, скажем, «еврейским» (как гейры/русские субботники).
- (б) Конфессиональные границы «прорезают» некоторые этнические/лингвистические группы, отделяя их внутреннее большинство от меньшинства по признаку вероисповеда-

ния. Эти меньшинства становятся полями идеологического и политического соперничества различных национальных проектов. Варианты возможной эволюции таких меньшинств — развитие в качестве «отдельной народности» (например, курды-йезиды), «расщепление» между соперничающими идентичностями (месхи) или устойчивое возобладание национальной идентичности над конфессиональной (осетины-мусульмане, аджарцы/грузины-мусульмане, духоборы и другие русские сектанты на Кавказе). Вероятность осуществления сценариев, конечно, сильно зависит от «стартовых» условий, в частности, от исторической давности конфессионального раз-

деления, территориальной отчужденности районов проживания или от характера общего культурного багажа. Разделение осетин на мусульман и христиан оказалось ничтожным в сравнении с весом консолидирующих культурных и политических факторов.

Эти сценарии никогда не являются однозначными следствиями «стартовых» условий. Они серьезно зависят от того, какой из проектов окажется политически доминирующим, какой будет национально-территориальная принадлежность районов проживания меньшинств, какой будет национальная политика (стратегия политических элит) на этих территориях (Табл. 1).

Карта 14 (1900–1914) Центральная часть Терской области

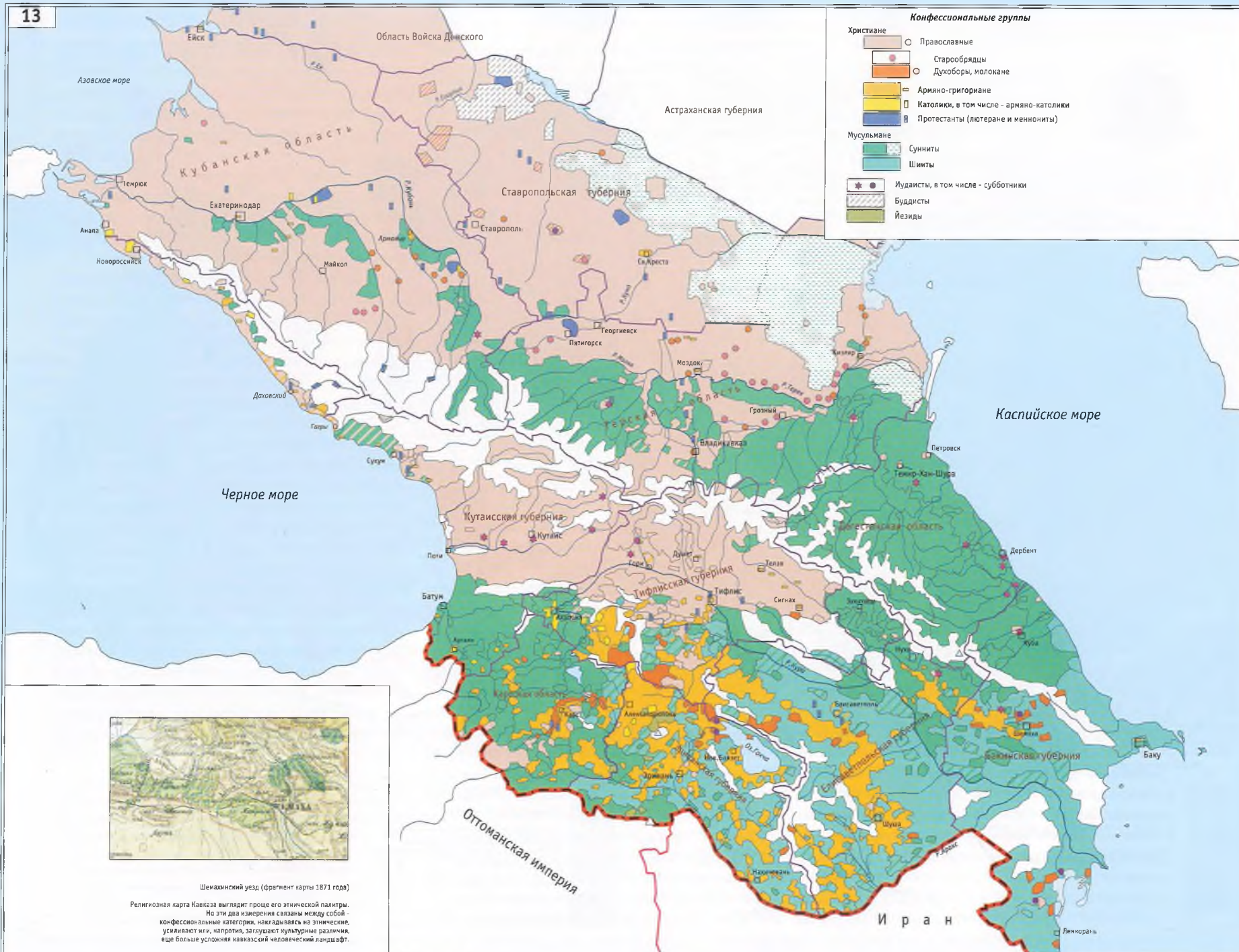
Среди основных линий социального напряжения в 1890-е годы остаются отношения между казаками и горцами в Терской области. Аграрная перенаселенность в горских округах, особенно в нагорной полосе, подталкивает горцев к арендному использованию излишков казачьих наделов, придавая этим отношениям выраженный классовый характер. Наиболее проблемная ситуация складывается там, где горцы вынуждены арендовать земли, некогда используемые ими до расселения здесь казачества (Ассинское ущелье, по Камбилеевке). Непростыми являются и отношения между некоторыми группами самого горского населения. Значительные различия в обеспеченности населения горских округов земельными/пастбищными угодьями приводит к росту напряженности по их границам.¹ Аренда/покупка участков у частных землевладельцев или сельских обществ, обоснование здесь хуторов и сел «иноплеменного» и «иногороднего» населения (в том числе русского — в горских округах и горского — в казачьих отделах) становятся фактором размывания четких племенных границ.

И все же администрирование территории Терской области в начале XX века — один из примеров (моделей) предельно возможного совмещения административных границ с этническими. Относительно компактные и этнически однородные ареалы расселения горцев, равно как и сплошные полосы казачьих станиц, отражены в административном разделении облас-

¹ Впрочем, сложности в осетино-ингушских отношениях развиваются вне какой-либо связи с подобными диспропорциями. Обе группы имеют примерно равную обеспеченность землей.

Таблица 1. Распределение населения по вероисповеданиям в 1886–90 гг., тыс. чел.

	Христиане					Мусульмане		Иудеи	Йезиды
	Православные	Сектанты	Армяно-григориняне	Люттеране / меннониты	Рым.-Католики / Арм.-Католики	Сунниты	Шии́ты		
Кубанская область (на 1889 год)	1252,6	16,2	11,4	7,8 / 1,1	6,4 / —	107,5	—	5,6	—
Терская область	382,7	32,8	17,5	8,3 / —	2,2 / —	446,5	—	7,1	—
Ставропольская губерния	620,8	7,0	4,7	5,4 / —	0,8 / —	43,8	—	1,2	—
Черноморский округ	14,3	—	1,0	0,5 / —	1,0 / —	1,4	—	—	—
Тифлисская губерния	495,8	12,2	179,8	5,1 / —	4,8 / 16,2	68,1	19,5	7,6	—
Кутаисская губерния	797,5	—	7,6	1,0 / —	0,7 / 8,9	96,9	1,3	7,1	—
Елисаветпольская губерния	1,6	6,6	264,8	1,9 / —	— / —	183,7	264,5	1,8	—
Закатальский округ	5,4	—	0,7	—	—	93,9	—	—	—
Бакинская губерния	24,2	18,2	55,1	—	1,1 / —	235,7	290,5	1,9	—
Эриванская губерния	3,1	3,0	369,6	— / —	0,3 / 5,7	30,0	246,5	—	11,3
Дагестанская область	5,6	—	1,1	—	0,2 / —	568,3	9,0	2,0	—
Карсская область	24,9	10,0	36,0	— / 0,8	0,5 / —	79,3	11,9	—	2,0

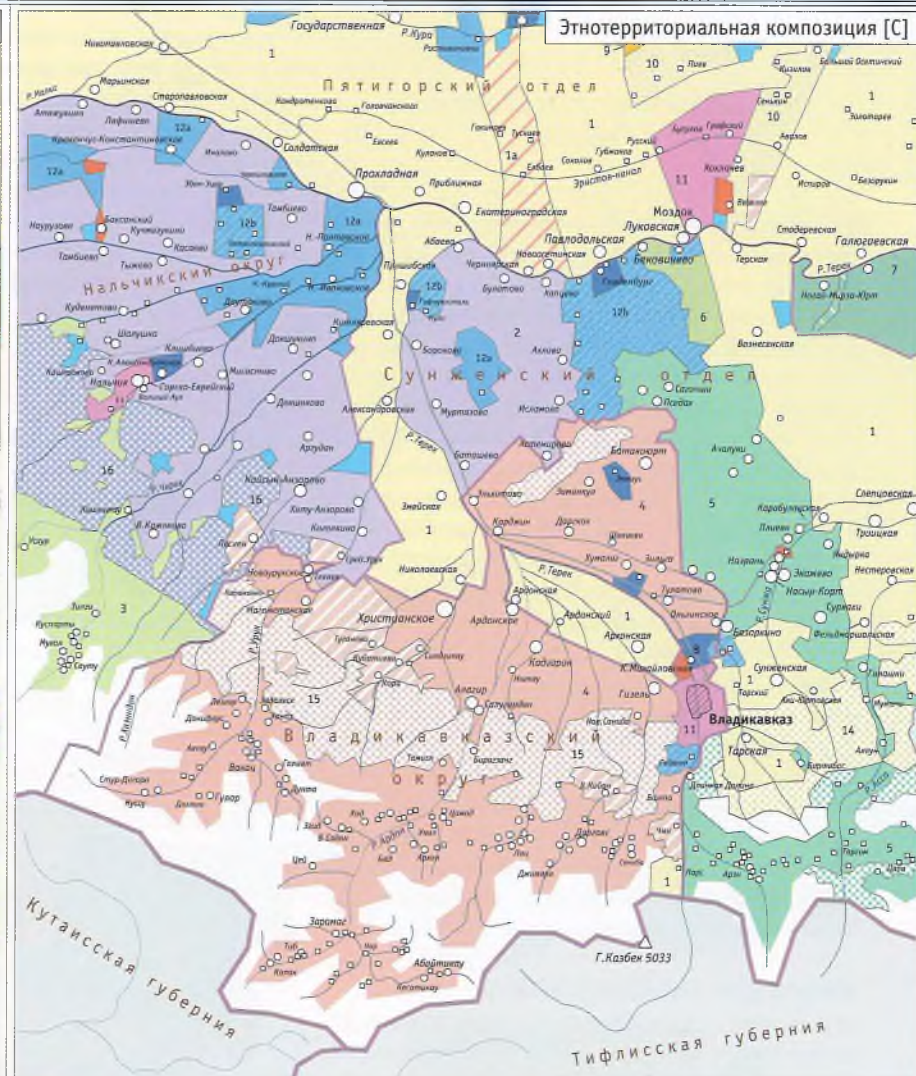

Шемахинский уезд (фрагмент карты 1871 года)

Религиозная карта Кавказа выглядит проще его этнической палитры. Но эти два изложения связаны между собой - конфессиональные категории, накладываясь на этнические, усиливают их, напротив, заглушают культурные различия, еще больше усложняя кавказский человеческий ландшафт.

Герб Терской области

Административно-территориальные единицы
Терской области:

1	Владикавказский округ
2	Сунженский отдел, в том числе:
2a	2b
3	Пятигорский отдел (с 1905 г. разделен на Пятигорский и Моздокский отделы)
4	Нальчикский округ
5	Грозненский округ

Населенные пункты по числу жителей

	Владикавказ (Центр Терской области)	- более 50 000 жителей
	Моздок, Кристианское	- от 5 000 до 10 000
	Сунженская	- от 3 000 до 5 000
	Алава	- от 1 000 до 3 000
	Зарнок	- от 300 до 1 000
	Терек	- менее 300 жителей

Границы:

Областей и губерний
Округов и отделов Терской области

1	Земли казачьих станиц
1a	в том числе казачьих-осетин
2	Кабардинские сельские общества
3	Горско-татарские (балкарские) сельские общества
4	4a
5	Осетинские сельские общества, в том числе: (4a) на выкупленных или частновладельческих землях
6	Ингушские сельские общества
7	Кумыкские сельские общества
8	Чеченские сельские общества
9	Немецкие колонии (наделенные, выкупленные или арендные земли)

9	Аринское сельское общество	
10	Запасные земли Терского казачьего войска (хутора "мигородного" и горского населения)	
11	Городские и слободные земли	
12a	12b	12c
13	Частновладельческие или выкупленные земли: (12a) преимущественно русское население (12b) смешанное население (12c) нет данных	
14	Каменная земля	
15	Воинский лес Терского казачьего войска	
16	Казенный лес	
16	Кабардинский общественный лес	

ти на казачьи отделы и округа различных горских народностей. Такая модель имеет и свои исключения: в частности, балкарские горские общества остаются вместе с Кабардой в составе Нальчикского округа, а Хасавюртовский округ включает чеченские ауховские общества, аварскую Салатавию и кумыкскую плоскость, с многочисленными хуторами разноплеменного населения — от чеченцев до немцев-менонитов. Но эти исключения только подчеркивают некую общую административную логику, лежащую основе данной модели и связанную с тем, что этнический критерий управленческого упорядочения территории, даже будучи доминирующим, не может быть исключительным. Его использование с необходимостью ограничивается учетом хозяйственно-экономических, ландшафтных, военно-стратегических и иных характеристик территории (Табл. 2).¹

Другими словами, административные границы не являются ни произвольными, ни тем более условными, а отражают доминирующую модель управления с поправками на группу факторов, касающихся хозяйственной практики или элементарной ландшафтной досягаемости для устойчивого управления. Современные суждения о «произвольном определении административных границ в империи», где «недостаточно учитывался национальный фактор», упрощают историческую картину. Не вполне ясно, какой именно должна быть эта идеальная мера, позволяющая считать «учет» этнических границ «достаточным». Полагается, видимо, что чем более тщательно администра-

¹ Это было ясно для русских военных администраторов с первого опыта разрешения поземельных противоречий в Терской области. Как отмечает один из них, характеризуя связь Кабарды и горских (балкарских) обществ, «по различию языка и обычая [они] никогда не могут составить одно племя и одну территорию, но и по географическому и по хозяйственным условиям не могут быть разделены в земле ясными границами без ущерба тех или других» (Лорис-Меликов, 1869).

Таблица 2. Округа и отделы Терской области на 1912 год

Округа	Население, тыс. чел.	Войсков. сословия, %	Русских, %	Кавказских горцев, %	Преобладающая этническая группа	Христиан и мусульман, %	Десятины удобной земли на душу мужского пола
Владикавказский	127,1	0	1,7	96,2	Осетины	81,7–18,3	4,2
Веденский	113,5	0	0,2	99,7	Чеченцы	0,2–99,8	3,2
Грозненский	118,9	0	2,7	97,3	Чеченцы	2,7–97,3	4,8
Назрановский	56,5	0	0,7	99,3	Ингуши	0,7–99,3	3,9
Нальчикский	150,1	0	13,0	84,1	Кабардинцы и горские татары	14,8–84,2	9,7
Хасавюртовский	81,5	0	18,5	66,8	Кумыки, чеченцы, аварцы	24,7–72,9	9,8
<i>Отделы</i>							
Кизлярский и Приставство Караногайское	112,5	48,6	70,5	0,4	Русские	72,8–26,5	25,8 (15,8)*
					Ногайцы		
Моздокский	87,8	68,9	79,7	11,4	Русские	98,5–1,5	12,2 (13,6)
Пятигорский	109,7	59,8	92,8	0,2	Русские	99,2–0,8	8,3 (10,8)
Сунженский	69,4	87,0	99,6	0,1	Русские	99,9–0,1	6,8 (7,2)

* в скобках — для войскового сословия

тивные границы калькированы с этнических, тем меньше в них произвольности. Однако даже такое совмещение административных границ с этническими, которое было проведено в Терской области, создает чрезвычайно сложную конфигурацию чересполосных этнических сегментов. Постепенное размывание «кромки» этнических ареалов (в процессе аренды земельных участков, создания хуторов) и общая практика хозяйственной миграции неизбежно создают необходимость периодической «подправки» границ. Дальнейшее наращивание анклавно-дисперсного характера этнического расселения в пределах округов, обладающих земельными излишками, делает столь же «относительной» всю тщательность в использовании этнического критерия. Ясно,

что логика совмещения этнических и административных границ при попытках предельного их совмещения («должного учета») может быть легко доведена до управленческого абсурда.

Относительное совмещение этнических и административных границ в Терской области имеет иной важный эффект. Это совмещение способствует тому, что компактные этнические ареалы (территории исторически традиционного, преимущественного расселения, homelands) обретают устойчивую административную определенность. Происходит постепенное насыщение этнических границ формально-правовым смыслом границ протонациональных, т.е. охватывающих территории, где утверждается некое коллективное неформальное первенство. В структуре адми-

нистративно-территориального деления Терской области уже легко читаются границы и состав будущих титульных советских автономий. Ко времени октябрьского переворота 1917 года горские народы еще не имеют, конечно, даже зачатков своей государственности. Однако они обретают административно закрепленные за ними территориальные единицы — округа Терской области (и Дагестанскую область в целом), границы которых предельно приближаются к границам этническим. Именно эти округа станут в итоге территориальным основанием санкционированных советской властью национально-государственных образований на Северном Кавказе.

Несколько локальных сюжетов

- ♦ Дефицит земли в горских округах создает общий пояс межэтнической напряженности в Терской области. В 1906 году учреждается специальная т.н. «Абрамовская комиссия», целью которой является обследование землепользования и землевладения в Нагорной полосе области и выработка мер для ослабления земельного дефицита.
- ♦ Наиболее острые поземельные конфликты зреют по всему периметру соприкосновения казачьих станиц с чеченскими и ингушскими сельскими обществами. В 1905 году происходит выделение земель ингушских сельских обществ из территории Сунженского отдела Терской области в отдельный Назрановский округ. Однако значительная часть ингушских и чеченских поселений размещается на арендуемых казачьих землях, вне пределов своих округов.
- ♦ Малая Кабарда, входившая после 1883 года в казачий Сунженский отдел и населенная различными этническими группами, вновь передается в Нальчикский округ. Одновременно продолжают уточнения и корректировки границ землепользования по южному

периметру богатой землей Большой Кабарды и связанных с нею арендными отношениями, и бедных землей горских обществ, главным образом балкарских и карачаевских. Так называемые «запасные кабардинские пастбища», равно как и кабардинский общественный лес, отделяющие кабардинскую равнину от карачаево-балкарских обществ, становятся объектами сначала хозяйственно-поземельных, а затем и этнотерриториальных противоречий.

- ♦ Грабежи хуторов и частновладельческих экономий становятся рутинным явлением для области и начинают восприниматься русским/казачьим населением как определенная хозяйственно-культурная черта преобладающей части горского населения. Территориальное рассеяние этнических групп на фоне значительных сословных, имущественных и культурных различий между ними отчасти способствует «этнизации» социальных противоречий, формированию представлений о межгрупповом антагонизме казачества и горцев.

Карта 15 (1903–1914):

Административно-территориальное деление Кавказа: последний имперский вариант

Рост социальных противоречий и первые кровавые столкновения на межэтнической почве в Закавказье в начале 1905 года подталкивают Николая II к восстановлению института Кавказского наместничества, в пределы которого включаются все территории Закавказья и Северного Кавказа, кроме Ставропольской губернии. Администрации наместника (граф Воронцов-Дашков) с помощью более гибкой

национальной политики и одновременно жестких полицейских мер удается добиться относительной стабилизации положения в регионе. В частности, восстановление имущественных прав Армянской церкви приводит к снижению активности армянских радикальных организаций. В Терской области создается комиссия для изучения состояния землепользования и землевладения, имеющая одной из своих целей ослабить острые земельные противоречия между казачьим и горским населением. И все же нарастающая поляризация политических сил в стране и крае в 1905–1907 годах не позволяет сколько-нибудь эффективно разрешать накапливающиеся социальные и межэтнические проблемы.

Административно-территориальные изменения в этот период имеют локальный характер и не касаются общей конструкции региона, состоящей из «гражданских» губерний и «военных» областей и округов. Области с военным управлением представлены казачьими Кубанской и частью Терской области (отделы), а также преимущественно «туземными» областями — частью Терской (округа), Дагестанской, Карсской и восстановленной Батумской. Воронцов-Дашков критически оценивает необходимость сохранения военной формы управления, которая функционально становится все более тождественна общегубернской. Однако на характер административно-территориальных различий воздействует целый ряд факторов, как социальных, так и общеполитических, которые препятствуют реформе управления.

Развитие товарного производства хлеба на Кубани и на Тереке, серьезно сдерживается войсковым (общинным) землевладением. Но сам военно-политический и социальный статус войска в решающей степени опирается на такое общинное землевладение. Возможное его упразднение воспринимается как угроза войску, связанная, в том числе, с перспективами дальнейшего социального расслоения в ка-

зачей среде, а также с возможным переходом земли в собственность «лиц невоинского сословия». На фоне кризиса русской колонизации в Закавказье такие перспективы не представляются хорошими, хотя доля этнических русских среди «иногородних» на Кубани и Терек делает именно эту группу наиболее вероятным субъектом нового хозяйственного подъема. В целом, сдержанность земельных реформ на Северном Кавказе ясно связана с остротой существующих здесь этносоциальных противоречий. И если для русских «иногородних» социальные реформы во многом ассоциируются с упразднением казачьих привилегий, то для горцев — с ликвидацией самого неравенства с казачеством в обеспеченности землей. Более того, ко времени кризиса 1917 года в горских политических кругах уже формируются взгляды о том, что такое неравенство может быть устранено только вместе с переселением ряда казачьих станиц Терского казачьего войска за Терек. Таким образом, решение земельных проблем, и в первую очередь проблемы аграрного перенаселения в Нагорной полосе, прочно увязывается с изменением этнических границ.

Закавказье по своей этнотерриториальной композиции представляет собой регион не менее сложный, чем Северный Кавказ. Но будучи более развитым экономически, Закавказье оказывается и более «проблемным» для имперских властей по своему политическому ландшафту: здесь кристаллизуется три национальных ядра (представлены организационно и программно продвинутыми грузинскими и армянскими партиями социалистического толка, а также более консервативными мусульманскими организациями). Траекторию восходящей политизации и радикализации этнических элит, спровоцированную правительственным курсом в 1890-е годы, уже не удастся надежно нейтрализовать. Связка социальных и национальных противоречий здесь сопряжена с более явственной тенденцией к обретению регио-

нального самоуправления, а также соперничеством вокруг национального представительства в городских думах главных экономических центров Закавказья.

Ни одна из влиятельных национальных партий не заявляет о сецессии как цели, развивая программы территориальной/региональной автономии в составе империи в общем контексте «национального движения». Однако внутренние противоречия между тремя национализирующимися элитами с неизбежностью ставят на повестку дня вопрос об этнической композиции такого регионального самоуправления, то есть о вероятном территориальном размежевании. Композиционное отличие Закавказья от Северного Кавказа проявляется, в частности, в том, что пресловутая мера «должного учета национальных границ» при гипотетическом размежевании оказывается здесь еще более проблематичной. Если Грузию еще возможно очертить в ее вероятных границах (уже давно не совпадающих с «историческими») и если еще возможно определить отдельные тюркские и армянские районы численного доминирования, то вместо этнических границ мы обнаруживаем целые уезды и зональные полосы анклавно-чересполосного расселения.

Хотя возможное размежевание в закавказской территориальной автономии мыслится преимущественно в «категориях» наличных губернских и отчасти уездных границ, но сами различия в характере расселения трех основных национальных групп делают стратегии их партий также принципиально различными. Грузинские партии четко определяют пространство своей гипотетической автономии «историческими границами грузинских государств».¹ Мусульманские и особенно армянские

¹ С поправкой на наличное имперское административно-территориальное деление: целиком Тифлисская и Кутаисская губернии, Батумская область, Сухумский и Закатальский округа, часть Елисаветпольской губернии, а также Олтинский и Ардаганский округа Карсской области.

политические группы оказываются перед более сложной проблемой — сохранения Закавказья политически единым пространством, охватывающим все основные районы, соответственно, мусульманского и армянского расселения (в значительной мере — это одни и те же районы на всем протяжении от Батума до Баку).

Не только русская государственная власть и армия, не только экономическая интеграция края, воплощенная в формировании общерегиональной сети железных дорог, но сама структура расселения и хозяйственной мобильности армянской общины и тюркских (и шире — мусульманских) групп, охватывающих практически весь регион, казалось бы, добавляет Закавказью внутренней связности. Однако эта связность и общий интерес национализирующихся элит остались преобладающими только в рамках русского политического доминирования (в том числе, над любыми внешними вызовами). Сползание российского государства к катастрофе 1917 года обуславливает то, что созревшие внутренние социальные противоречия на Кавказе начинают «разрешаться» насильственным путем.

Именно внешний — для региона и России — фактор становится ключевым в общей конфликтной реконструкции кавказского пространства в 1917–21 году. Кризис России возвращает Кавказ в сферу межимперского соперничества и, соответственно, усиливает разницу между векторами устремлений национальных элит региона, между их «коллективными» интересами. Очевидно, что единство региона обваливается в 1918 году не в результате внутренних распрей и серии взаимных армяно-азербайджанских погромов, а как следствие «изъятия» русской государственной основы из под иллюзорного единства кавказского этнополитического пространства. Турецкая экспансия 1918 года фактически поляризует основные политические партии Кавказа по этноконфессиональному признаку и взламывает

мозаичную композицию Закавказья серий и вооруженных конфликтов.

Несколько локальных сюжетов

- В конце 1904 года из Сухумского округа выделяется район Гагринской климатической станции и включается в состав Черноморской губернии. Цель — способствовать колонизации побережья русскими переселенцами, на основании действовавших в то время в пределах Черноморской губернии льготных правил¹.
- В 1906–07 годах в Терской области обостряются отношения между смежно расположенными осетинскими селами и казачьими станицами, с одной стороны, и ингушскими селами — с другой.
- По всему закавказскому поясу чересполосно армяно-тюркского расселения сохраняется межэтническая напряженность, вытесненная с политического на хозяйственно-экономический и бытовой уровень.

Карта 16 (1918)

Гражданская война, интервенция и возникновение национальных государств в Закавказье

Октябрьская революция выводит Россию из первой мировой войны, во многом — ценой Брест-Литовского мира 3 марта 1918 года. Но еще в январе-феврале Турция, нарушив во-

¹ Сегодня это внутриимперское административно-территориальное изменение трактуется как «бесцеремонное нарушение территориальной целостности Грузии» (подразумевается, что данная целостность в 1904 году еще или уже наличествовала).

енное перемирие и используя разрушение Кавказского фронта, продвигает свои войска в Закавказье. По условиям Брест-Литовского договора между Центральными державами и Советской Россией к Турции должны отойти Карсская и Батумская области. Однако условия мира не признаются временной администрацией Закавказья — Закавказским сеймом, который стремится сохранить Карс и Батум в пределах края.

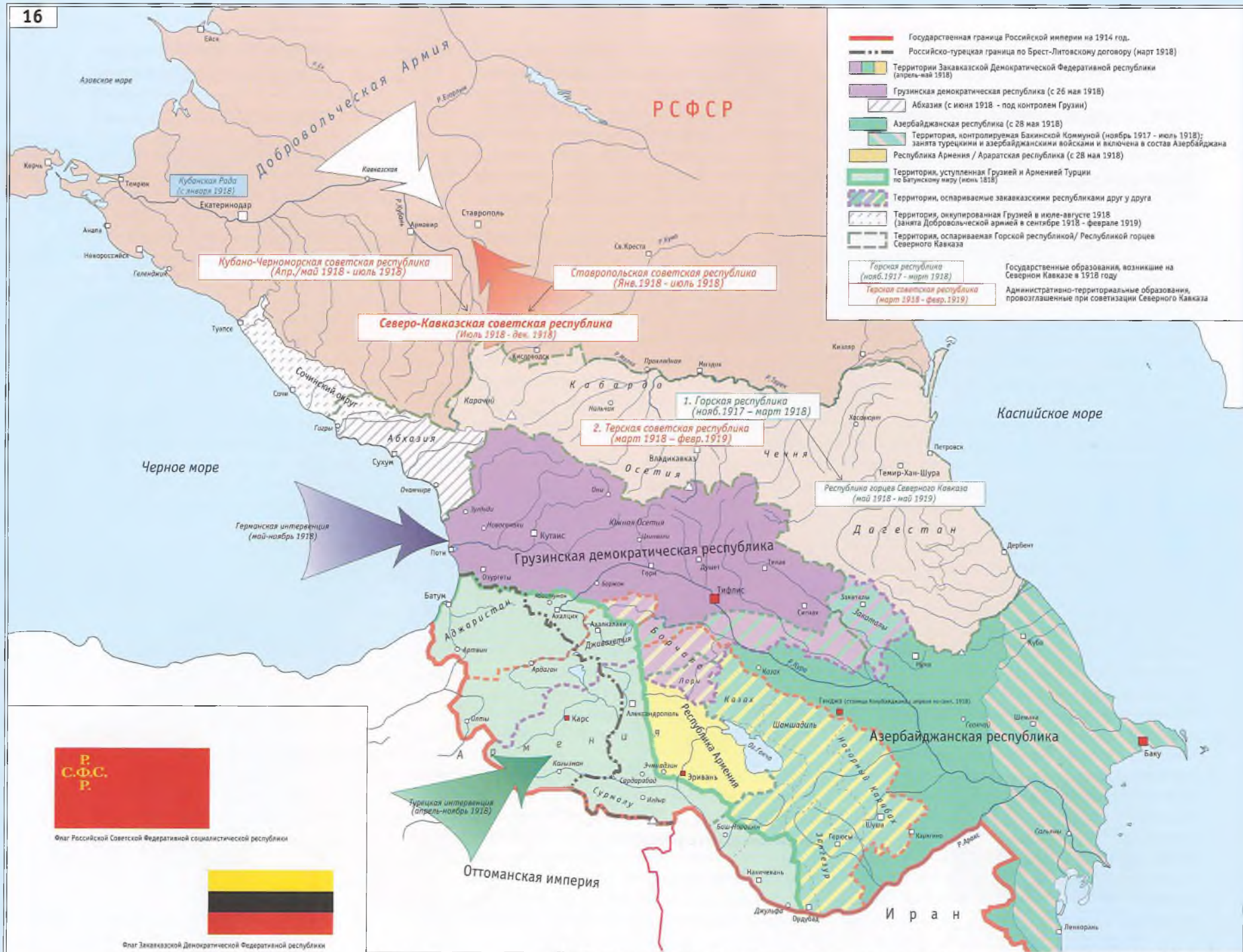
Под турецким военно-политическим давлением правительство Закавказья становится все менее способным к консолидированной позиции. Политическая элита региона стремительно размежевывается по «этническим» интересам, а «национальные советы» возглавляют национально-государственное самоопределение Закавказья вне России. Учрежденная 22 апреля 1918 года как независимая от России, *Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР)* еще пытается представлять скоординированную внешнеполитическую линию, но после вынужденного размежевания ЗДФР в конце мая 1918 года на национальные государства противоречия между тремя национальными Советами превращаются в столкновение реальных военно-политических стратегий трех национальных государств. Для Грузии и Армении турецкое наступление представляет очевидную угрозу, в то время как для Азербайджана, как государства закавказских мусульман (и преимущественно этнических тюрков), Турция стремится выступать если не как отчизна, то очевидный союзник.

Весной 1918 года армянские и грузинские отряды активно противостоят продолжающемуся турецкому наступлению. В итоге Армении удается избежать разгрома и турецкой оккупации во многом благодаря успеху своих вооруженных сил и ополчения в оборонительной операции под Сардарабатом. Грузия также остается вне турецкой оккупации, санкционируя

ввод в страну германских войск (по секретному соглашению между Германией и Турцией о разделе зон влияния в регионе). Грузино-армяно-турецкая война завершается Батумским миром 4 июня 1918 года, по условиям которого к Турции отходят, помимо Карсской и Батумской областей, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды бывшей Тифлисской губернии, а также значительная часть бывшей Эриванской губернии, включая Сурмалу, Шарур и Нахичевань.

Раздел Закавказья между тремя молодыми национальными государствами изначально и в решающей степени определяется внешними геополитическими и военными силами. Становление трех государств есть становление и взаимоотношения трех протекторатов — германского (Грузия), турецкого (Азербайджан) и, весьма условно, стран Антанты (Армения). 1918 год — это время германской и турецкой гегемонии в Закавказье; роль Турции оказывается решающей в «промежуточном» определении границ Азербайджана и Армении. Ключевые государственные институты Азербайджанской республики и сама ее территория строятся под турецкой протекцией и при турецкой военной поддержке. В сентябре турецко-азербайджанские силы занимают Баку, находившийся сначала под контролем советской *Бакинской Коммуны* и затем ненадолго англичан. Турецкое военно-политическое присутствие позволяет Азербайджану не только включить в свои границы спорные с Арменией районы, но обрести непосредственную территориальную связь с государством-патроном (по Араксу и, потенциально, через оспариваемый у Грузии Борчалю). Из состава независимой Грузии выпадают районы с преобладающим мусульманским населением — как грузиноязычного (Аджаристан), так и тюркоязычного (Месхетия). В то же время хаос гражданской войны на Северном Кавказе позволяет правительству самой Грузинской Демократической республики присоединить Сухумский округ / Абхазию, за-

Флаг Российской Советской Федеративной социалистической республики

Флаг Закавказской Демократической Федеративной республики

нятую еще в мае войсками *ЗФДР*, а также ввести войска/заявить претензии на Сочинский округ¹ (освобожденный в начале 1919 года лишь при угрозе серьезного столкновения с Деникиным).

Возникновение национальных государств в Закавказье сопровождается не только ростом противоречий между основными этническими группами в крае, но и усилением давления на русское и иное «пришрое» население. Русские села подвергаются нападениям со стороны групп местного населения — в Сигнахском уезде, на Мугани, в Новобаязетском и Елисаветпольском уездах. Массовый характер принимают погромы русских и немецких поселений в Хасавюртовском округе Терской области.

В ходе разворачивающейся Гражданской войны на Северном Кавказе также возникает новое государственное образование, заявившее весной 1918 года о своей независимости от России — *Горская республика*, включающая в свои проектируемые границы Терскую и Дагестанскую области, а также Абхазию (Сухумский округ). Это государство, признанное Турцией, остается лишь номинальным, а его юрисдикция едва распространяется на некоторые округа Терской и Дагестанской областей. Сложные межэтнические отношения в самом центре Горской республики делают это образование нежизнеспособным. Весной 1918 года правительство Горской республики, допустившее владикавказский погром и объявленное после этого «проингушским», вынуждено бежать из Владикавказа в Тифлис.²

¹ К тому времени — территория Кубано-Черноморской советской республики.

² Осенью 1918 года правительство Горской республики перемещается в Дагестан (в Темир-Хан-Шуру), где предпринимается еще одна попытка организовать под турецкой военной протекцией независимую от России «Республику горцев Северного Кавказа». В мае 1919 года при наступлении деникинских войск это государственное образование ликвидируется.

В отличие от Закавказья, где национальное самоопределение развивается главным образом по этническому критерию вокруг трех организационно-политических центров, на Северном Кавказе аналогичное движение приобретает интегральный характер: оно стремится представлять все горское население в качестве единого народа. Однако у данного политического/национально-государственного проекта оказываются слабыми именно организационные основания, а его исламская конфессиональная доминанта делает невозможной лояльность к нему большинства осетин (не говоря о терских казаках). Горский интегрзм не имеет ни развитой традиции общей государственности, ни эффективного внешнего патрона, осмелившегося выкроить границы общегорского государства из тела казачье-горского Юга России. Острые внутриэтнические социальные противоречия по всему региону, а также столкновения между осетинами и ингушами в ключевом районе Горской республики способствуют общему кризису этого национально-государственного проекта. Горский интегрзм остается несостоятельной политической формой, хотя и выражает определенный комплекс общих для различных горских народов социальных и культурных интересов. Этот проект и его основания будут в последствии с успехом использованы советской властью для своей легитимации в регионе.

Капитуляция Центральных держав в Первой мировой войне влечет за собой вывод германских и турецких войск из Закавказья в октябре-ноябре 1918 года и передачу контроля над национально-государственной организацией региона в руки держав-победительниц. Начинается период доминирования Антанты в Закавказье, ее определяющей роли в разрешении/эскалации территориальных противоречий между Грузией, Арменией и Азербайджаном, а также в протекции над ними перед угрозой военной интервенции с севера. У Гру-

зии и Азербайджана складываются сложные отношения с Администрацией Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), под контролем которой в начале 1919 года оказывается почти вся территория Северного Кавказа. Однако Деникин вынужден концентрировать свое внимание и силы далеко от Закавказья.

Несколько территориальных сюжетов

- ♦ Осенью-зимой 1918 года развивается территориальный конфликт между Грузией и Администрацией ВСЮР из-за Сочинского и Сухумского округов. Тбилиси заявляет об исторической обоснованности включения этих территорий в состав Грузии, ссылаясь на времена Давида-Строителя и царицы Тамары. Деникин вообще не склонен признавать независимой грузинской государственности и рассматривает ее как временное явление.
- ♦ По эвакуации своих войск из Закавказья, турецкие власти пытаются организовать в районах со значительным мусульманским населением новые государственные образования, стремясь упредить вероятную интеграцию этих территорий в Армению и Грузию. В пределы новообразованных *Юго-Западной Кавказской демократической* и *Араксской республик* включаются территории Закавказья, находившиеся в составе Турции по Батумскому миру.
- ♦ За выводом турецких войск обостряются армяно-грузинские территориальные противоречия. В декабре 1918 года в спорном Борчало начинаются столкновения между вооруженными силами двух стран.

Карта 18 (1918–1920)

Азербайджанская республика

При определении своей государственной территории Азербайджан стремился использовать принцип этнического/конфессионального расселения как главный критерий, легитимирующий вхождение тех или иных районов в состав республики — с поправками на дореволюционную административную конструкцию. Единицами счета выступают — в зависимости от состава населения — или губернии/области целиком, или их отдельные уезды/округа.

В возникновении Азербайджанской республики присутствуют и этнический, и конфессиональный компоненты. Формируясь вокруг *Мусавата* (мусульманской партии, ее фракции в Закавказском сейме) и соответствующего Национального совета организационное ядро нового государства несет поначалу скорее конфессиональный характер. В проектируемом размежевании Закавказья *Мусават* представляет Азербайджан состоящим из всех территорий со значительным мусульманским населением. В частности, сюда включаются, помимо районов с тюркоязычным населением, территории с грузинским (Аджария и Месхетия), аварским (Закаталы) и курдским населением, а также часть территорий Дагестанской области. Другими словами, начальный проект Азербайджана — это многоэтническое государство закавказских мусульман (татары/*азери* и другие группы тюркоязычного населения, курды, аджарцы, таты, тальши, ингилойцы и др.) со значительными христианскими меньшинствами (грузины, армяне и др.). Категория «азербайджанец» (*азери*) в рамках такого проекта не несет еще узкой этнической/языковой коннотации, и возможности такой азербайджанской нации состоят во включении не только азербайджанских тюрков (*Azeri Türkləri*), но и грузин-инги-

лойцев и — более проблематично, но возможно — даже азербайджанских армян (в качестве религиозного меньшинства). В этом отношении границы молодой азербайджанской политической общности могли быть и отчасти были более открытыми для инкорпорации этнических меньшинств, нежели границы грузинской и армянской наций.

Такой проект конфессиональной или protoгражданской нации оказался несостоятельным по многим причинам. Хотя окончательная этнизация (тюркизация) азербайджанского национального проекта произошла позже — в 20–30 годы, когда термин азербайджанец стал тождественным термину *Azeri Türk* и затем вытеснил последний из употребления, — задолго до этих советских трансформаций был очевиден вектор политического, а с ним и культурного поглощения нетюркских групп в восточном Закавказье. Категория «мусульмане» внутри российского Закавказья также оказалась конфессиональной формой для такого ассимиляционного развития. В период распада имперского Закавказья тюркское доминирование уже выступает в качестве устойчивого тюркского ядра молодой азербайджанской протонации — ее этнокультурного и политического маркера.

Турция как внешнеполитический гарант Азербайджанской республики в 1918 году также способствует этнизации ее национального проекта, как, впрочем, и сама парадигма самоопределения народов, где в качестве таковых выступают этнокультурные категории/общности. В Закавказье такая парадигма звучала понятно: здесь уже наличествуют два «исторических народа», критерий самоопределения которых в тех условиях не мог быть иным, кроме этнонационального. Отсюда Азербайджанское государство выступает сначала как турецкий и мусульманский политический контрагент грузинского и армянского самоопределения в Закавказье и лишь затем как национальное государство, которое из лояльного населения

создает свою собственную «этническую нацию» и открывает ее историю.

В процессе формирования государственной территории, в данном случае — Азербайджанской республики, можно выделить районы, отличающихся по двум политическим критериям: по контролю над этими районами и наличию взаимоисключающих претензий на них. Ясно, что государственная территория Азербайджанской республики в 1918–20 годы формируется как ее собственными военно-политическими и дипломатическими усилиями, так и стратегиями ведущих внешнеполитических «игроков». В зависимости от того, какая из державных стратегий становится определяющей, можно условно разделить весь период становления территории Азербайджанской республики в 1918–20 на три этапа: «оттоманский/турецкий» (апрель–ноябрь 1918), «британский» (декабрь 1918 — сентябрь 1919) и советский (с апреля 1920 года). Состав контролируемых и звучно оспариваемых Азербайджаном/у Азербайджана территорий на разных этапах серьезно меняется в прямой связи со сменой доминирующего в регионе геополитического игрока.

Поражение Центральных держав и вывод в ноябре 1918 года турецких войск из региона лишают Азербайджан важного союзника в соперничестве с Арменией за спорные территории. Англичане проводят более нейтральную политику в этом соперничестве, открывая для Армении новые возможности и иллюзии. В западной части Закавказья аннулируются территориальные приобретения Турции по Брест-Литовскому и Батумским договорам, с ликвидацией Юго-Западной Кавказской республики и разделом соответствующих районов между Арменией и Грузией. Районы компактного расселения армян в Нагорном Карабахе, оставаясь формально под юрисдикцией Азербайджана, фактически контролируются местным армянским Национальным советом. В 1919 году Азер-

- Округа, декларированные при провозглашении Горской республики/ Республики горцев Северного Кавказа в качестве частей ее территории (Тифлис, май 1918)
- В том числе округа с преимущественно христианским населением
- Государственная граница Российской империи на 1914 год.
- Российско-турецкая граница по Брест-Литовскому договору (март 1918)
- Районы германской и турецкой оккупации в Закавказье (осень 1918)

Администрация Вооруженных Сил Юга России
(февраль 1919 - февраль-март 1920)

Советизация (март 1918)

Деникин (с февраля-марта 1919)

Турецкая интервенция
(октябрь-ноябрь 1918)
затмение правительства
Горской республики

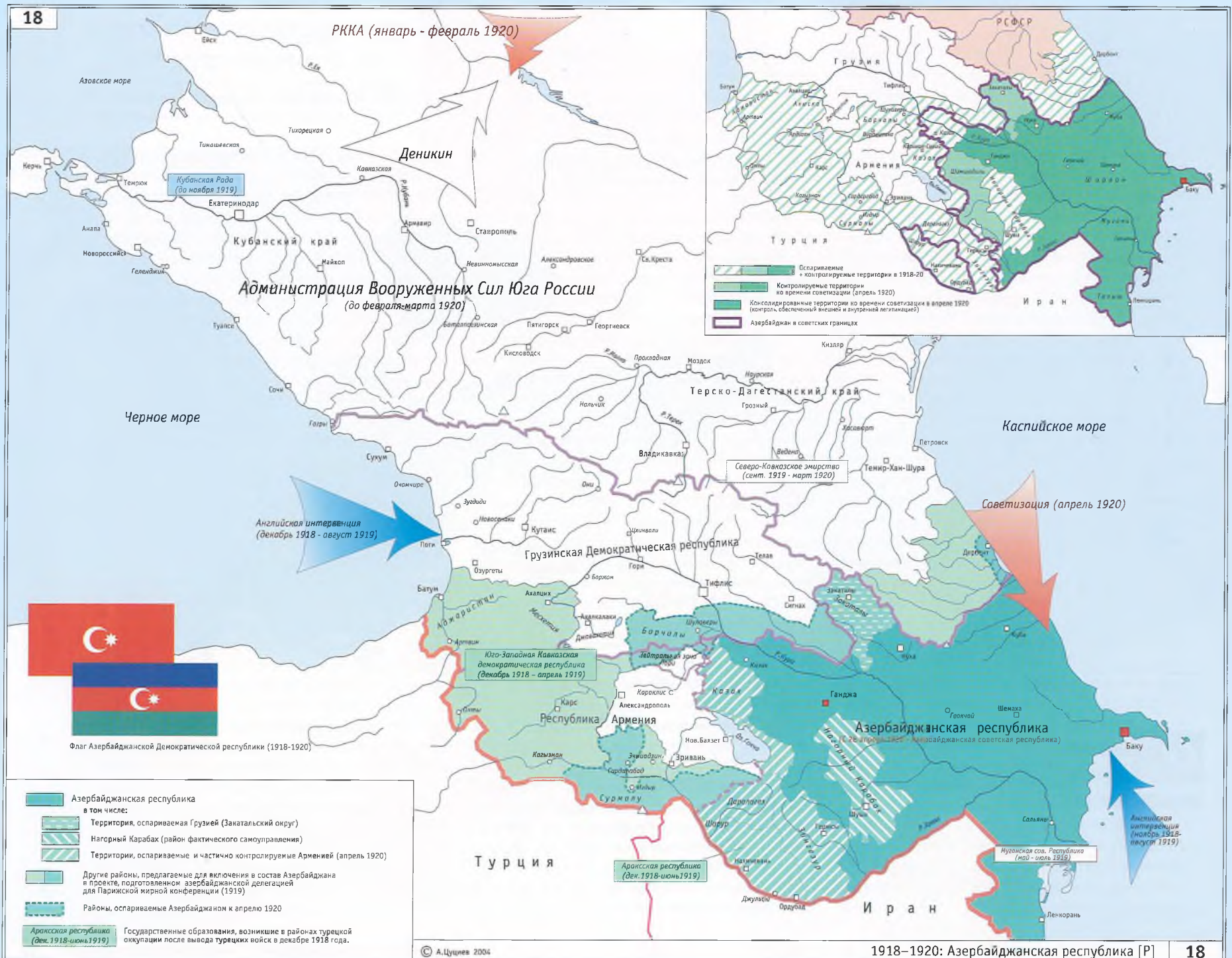
Цифрами на карте обозначены:
1 Части Сунженского округа Терского казачьего войска
2 Ингушетия
3 Надтеречная часть Чечни

Флаг Горской республики / Республики Горцев Северного Кавказа

Горная Ингушетия (фрагмент карты 1918 года)
Перенаселенность нагорной полосы Терской области, вместе с диспропорциями в нормах земельных наделов между различными [национальными] группами, выступает главным фактором превращения гражданской войны в межнациональную

РККА (январь - февраль 1920)

Деникин

Кубанская Рада (до ноября 1919)

Администрация Вооруженных Сил Юга России (до февраля-марта 1920)

Оспариваемые + контролируемые территории в 1918-20
 Контролируемые территории во времени советизации (апрель 1920)
 Консолидированные территории во времени советизации в апреле 1920 (контроль, осуществленный английскими и азербайджанскими войсками)
 Азербайджан в советских границах

Английская интервенция (декабрь 1918 - август 1919)

Флаг Азербайджанской Демократической республики (1918-1920)

Советизация (апрель 1920)

Английская интервенция (ноябрь 1918 - август 1919)

- Азербайджанская республика в том числе:
 - Территория, оспариваемая Грузией (Занкальский округ)
 - Нагорный Карабах (район фактического самоуправления)
 - Территории, оспариваемые и частично контролируемые Арменией (апрель 1920)
- Другие районы, предлагаемые для включения в состав Азербайджана в проекте, подготовленном азербайджанской делегацией для Парижской мирной конференции (1919)
- Районы, оспариваемые Азербайджаном к апрелю 1920
- Аракская республика (дек. 1918-июнь 1919) Государственные образования, возникшие в районах турецкой оккупации после вывода турецких войск в декабре 1918 года.

байджан теряет контроль над Шарур-Даралазгом и временно над Нахичеванью. Зангезур занят армянскими войсками еще в 1918 году.

Предложения Азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции 1919–20 года еще содержат — как программу максимум — претензии на включение практически всех районов бывшего российского Закавказья с мусульманским или тюркоязычным населением в состав республики. Однако к апрелю 1920 года, когда роль держав-победительниц в решении азербайджанских проблем сходит на нет, территория республики выглядит следующим образом:

- *Спорные территории* (т.е. районы, которые не контролируются властями Азербайджанской республики, но объявляются ими в качестве спорных):
 - западная часть Эчмиадзинского уезда, южная часть Эриванского уезда, Сурмалинский уезд (кроме Игдыра) — районы, спорные с Арменией; их обретение позволило бы Азербайджану восстановить территориальную связь с Турцией;
 - части Борчалинского и Сигнахского уезда — районы, спорные с Грузией.
- *Оспариваемые территории* (на которые заявлены претензии со стороны соседних государств и часть которых контролируется ими, однако данные претензии/оккупация рассматриваются как посягательство на национальную территорию Азербайджана):
 - Закатальский округ (оспаривается Грузией);
 - Шарур-Даралазгезский, Зангезурский уезды, нагорная часть Казахского уезда — оспариваются и контролируются Арменией;
 - Нахичеванский уезд и нагорная часть Шушинского и Джеванширского уездов (часть Нагорного Карабаха) — также оспариваются Арменией, но остаются под военным контролем Азербайджана.

В апреле 1920 года армянское восстание в Карабахе завершается вводом войск Армянской республики и инкорпорацией района в состав Армении. Однако уже 28 апреля 1920 года происходит советизация Азербайджана и начинается новый период в истории региона, когда «национальные интересы» закавказских элит вынуждены встраиваться в геополитическую стратегию Советской России — «пладдарма мировой революции».

Судьба Азербайджанской республики была предопределена критической зависимостью РСФСР от поставок бакинской нефти, с особой остротой проявившейся в новой войне с Польшей. Теряя независимость, Азербайджан одновременно обретает важного союзника в территориальных конфликтах с Арменией, войска которой вынуждены теперь столкнуться с Красной Армией. К августу 1920 года Красная Армия занимает Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичевань. Советская оккупация этих районов еще не предопределяет того или иного разрешения территориальных споров, но очевидно, что пределы зон военного контроля прочитываются — или в качестве вероятных «итоговых» границ, или весомых аргументов в их установлении. Москва вновь становится главным субъектом, конструирующим политическую карту региона. Вместе с заинтересованностью большевиков в партнерстве с кемалистской Турцией возрастает и роль Анкары в определении границ между Арменией и Азербайджаном. В марте 1921 года в рамках Советско-турецкого договора установлен автономный статус Нахичеванского края (территории Шарура и Нахичеванского уезда), как находящегося *под протекцией* Азербайджанской советской республики.

Локальный сюжет

В формировании своей государственной территории Азербайджан сталкивается

еще с одним вызовом: еще с осени 1918 года в Ленкоранском уезде формируется образование, не признающее полномочий центральных властей. Весной 1919 года здесь создается *Талыш-Муганская советская республика*, «национальной базой» которой выступает русское и талышское население. Короткая история этой республики остается одной из ключевых тем современной талышской «автономистской» идеологии в Азербайджане.

Карта 19 (1918–1921) Республика Армения

Логика формирования армянской государственной территории в 1918–1921 году развивается на фоне двух ключевых рисков: турецкого военно-политического давления (оттоманского — в 1918 году и кемалистского — в 1920) и чересполосно-анклавного расселения армян и тюрков/азербайджанцев практически на всем пространстве проектируемой Армении. «Принцип этнического расселения», принятый и армянской, и мусульманской политическими элитами в Закавказье в качестве основы для очерчивания границ Армении и Азербайджана, не мог не вызвать серии конфликтов со взаимной интенцией выдавливания «чужого» населения. Армяно-азербайджанское соперничество развивается в контексте значительно более масштабной геополитической игры, и его итоги во многом зависят от соотношения сил основных «игроков». Становление Азербайджанской республики, как сначала турецкого, а затем советского протектората, делает военно-организационные преимущества и внешнеполитические ресурсы Армении иллюзорными. «Этнический принцип» оказы-

вается пагубным для судеб большей части армянского населения края.

Композиция армянской государственной территории к 1921 году — результат целой серии войн, первой из которых является Первая мировая. Активная поддержка армянским населением русского наступления в Анатолии оборачивается геноцидом армян в Турции и исторической катастрофой Западной Армении.¹ Сотни тысяч беженцев оказываются на территории Закавказья, в Восточной Армении, куда окончательно перемещается и потенциальное ядро армянского национально-государственного самоопределения. После разрушения Российской империи, в ходе размежевания Закавказья весной 1918 года на три государства армянские вооруженные силы уже вовлечены в армяно-турецкую войну, итогом которой становится, с одной стороны, потеря большей части Восточной/Русской Армении, но с другой — само возникновение/сохранение независимого армянского государства.

В декабре 1918 года после поражения Центральных держав в войне с Антантой и по выводу немецких и турецких войск из Закавказья развивается армяно-грузинский территориальный конфликт вокруг спорных Ахалкалакского и Борчалинского уездов. В январе 1919 при спонсорстве Антанты достигается соглашение о разделе спорной территории: Ахалкалаки и северная часть Борчалы остаются за Грузией, южная часть Борчалинского уезда отходит к Армении, а в его центральной части (с основным богатством этого края — ме-

сторождениями меди) образуется *Лорийская нейтральная зона* под англо-французской оккупацией.

В период британского мандата в Закавказье к Армении присоединены большая часть Карской области (без северной части Ардаганского округа, отошедшего к Грузии, и западной части Олтинского округа, оставшегося фактически в зоне турецкой оккупации). Летом 1919 года и с марта 1920 года Армения ведет войны с Азербайджанской республикой из-за спорных районов в Нахичевани и Карабахе. Сурмалу, Шарур и Зангезур контролируются армянскими силами, но также остаются спорными. Комплекс закавказских территориальных конфликтов предполагается разрешить на Парижской мирной конференции, однако вскоре победы Красной Армии на Северном Кавказе и успехи кемалистов в Турции исключают Закавказье из сферы влияния Антанты.

Советизация Азербайджана в апреле 1920 года и становление советско-турецкого стратегического партнерства оставляют Армянскую республику в фактическом окружении. Армяно-азербайджанская война 1920 года завершается подписанием в августе мирного договора между Арменией и РСФСР. К этому времени Красная Армия/Советский Азербайджан уже занимают спорные районы в Шушинском, Нахичеванском и Зангезурском уездах. Наконец, в октябре 1920 года односторонняя попытка дашнакского правительства приступить к реализации положений Севрского договора и выдвижение армянских войск в Олтинском округе провоцируют новую армяно-турецкую войну. Наступление кемалистов с запада и просоветское восстание/советское наступление на востоке приводят к тому, что в начале декабря 1920 года независимая Республика Армения прекращает свое существование. Ее территория оказывается разделенной между советской и турецкой зонами контроля. В первой из этих зон формируется

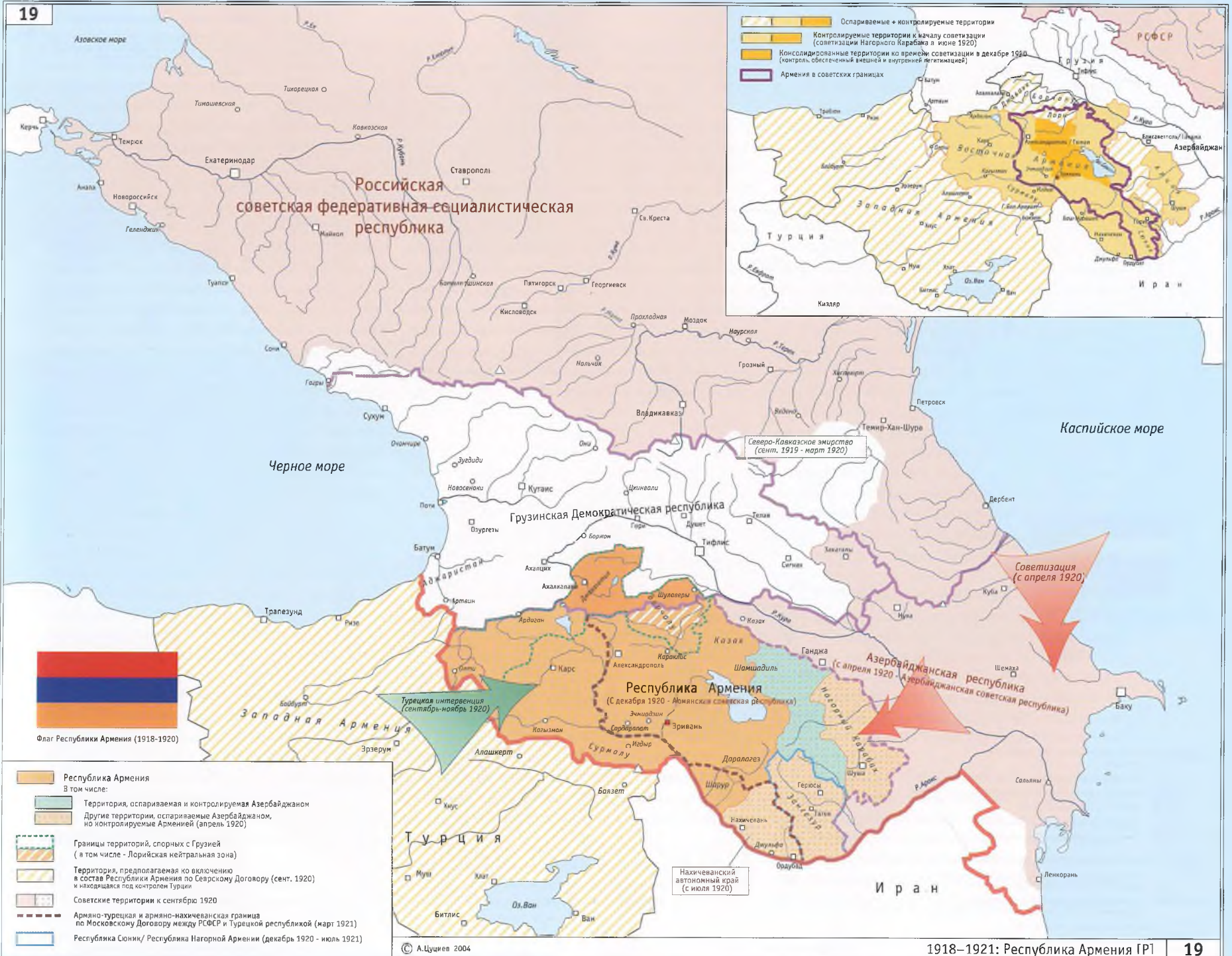
Армянская советская республика, вторая — инкорпорируется в состав Турции.²

Комплекс армяно-азербайджанских территориальных противоречий также разрешается в рамках советско-турецкого партнерства в части, касающейся Шарура и Нахичевани: учреждение здесь Нахичеванского автономного края под протекцией Советского Азербайджана и аннексия Сурмалинского уезда позволяет Турции надеяться на сохранение территориальной связи с Баку. Но ненадолго: судьба спорного между Арменией и Азербайджаном Зангезура решается летом 1921 года вне турецкого влияния. В апреле 1921 года Зангезур снова оказывается вне советского контроля. Здесь провозглашается Сюникская республика/Республика Нагорной Армении. Она просуществует лишь до июля, когда после соглашения с правительством Советской Армении дашнаки отходят в Иран, а территория инкорпорируется в состав Армянской ССР.

Территория Нагорного Карабаха остается в 1921 году спорной: Кавбюро ВКП (б) — как советская партийно-государственная инстанция, ответственная за решение на Кавказе подобного рода вопросов — колеблется. В итоге среди большевистских лидеров возобладает выбор, опирающийся на стратегию «обретения союзников Октябрьской революции среди народов Востока»: кемалистский режим воспринимается как форма экспорта антиимпериалистической революции в мусульманском мире. Геополитический вес Армении не сопоставим с весом мусульманской солидарности с Советской Россией. В итоге Нагорный Карабах остается в составе Азербайджана. И все же решение носит компромиссный характер (что обусловлено влиянием еще одной большевистской идеологемы — права народов на самоопределение): на территории Нагорной части Караба-

¹ После войны раздел Османской империи по Севрскому мирному договору 1920 года предполагает присоединение к Армянской республике значительных территорий Западной (Анатолийской) Армении. Но армянский голокост, осуществленный младотурками в этих районах в 1915 году, и военные успехи кемалистов осенью 1920 года делают невозможной реализацию этих планов. Спустя два года положения Севрского договора по Армении будут отменены на Лозаннской конференции.

² По Московскому и Карскому советско-турецким договорам 1921 года.

Российская советская федеративная социалистическая республика

Грузинская Демократическая республика

Республика Армения
(С декабря 1920 - Аюмянская советская республика)

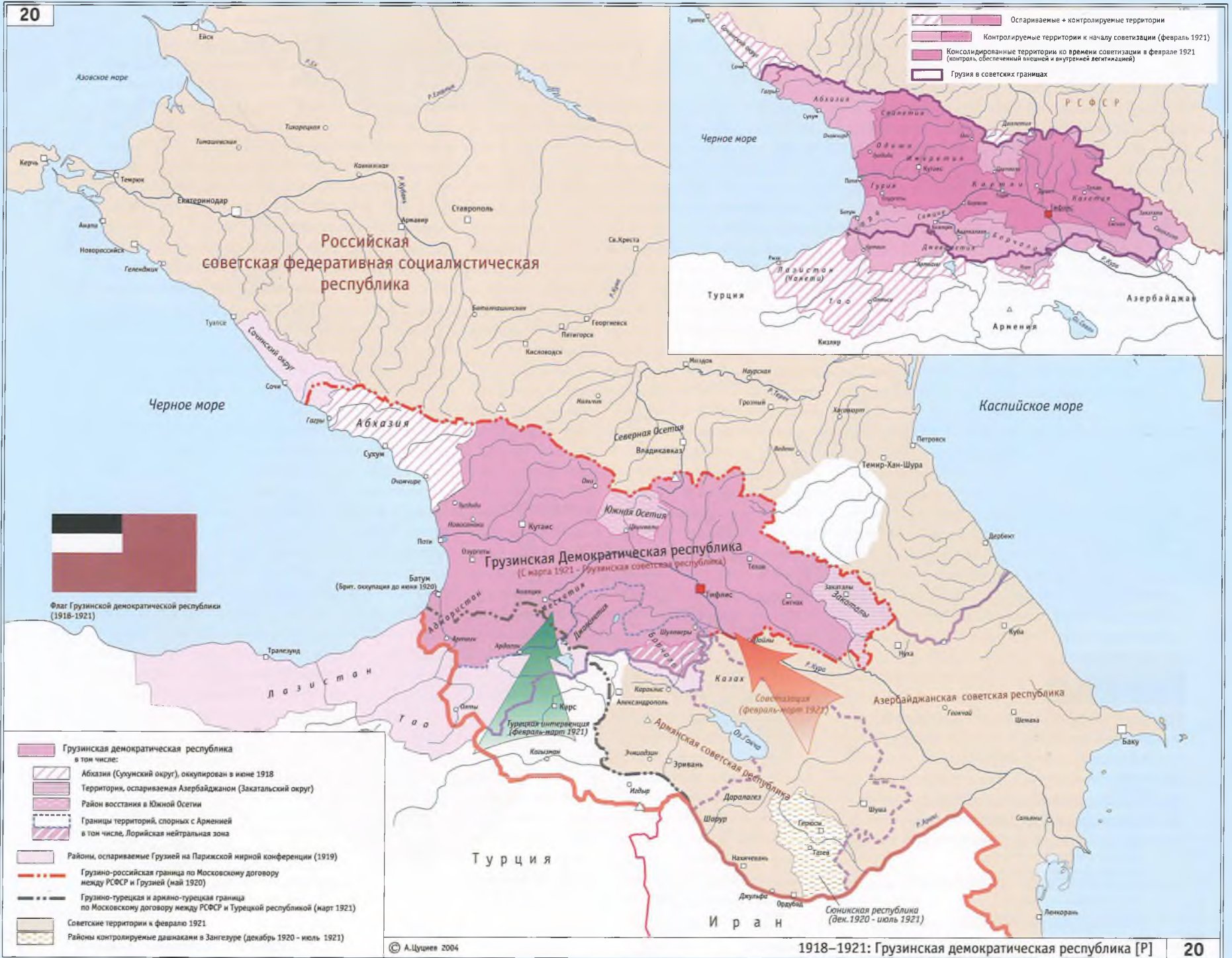
Азербайджанская республика
(с апреля 1920 - Азербайджанская советская республика)

Флаг Республики Армения (1918-1920)

- Республика Армения
В том числе:
 - Территория, оспариваемая и контролируемая Азербайджаном
 - Другие территории, оспариваемые Азербайджаном, но контролируемые Арменией (апрель 1920)
- Границы территорий, спорных с Грузией (в том числе - Лорийская нейтральная зона)
- Территория, предполагаемая ко включению в состав Республики Армения по Севарскому Договору (сент. 1920) и находившаяся под контролем Турции
- Советские территории к сентябрю 1920
- Армяно-турецкая и армяно-нахичеванская граница по Московскому Договору между РСФСР и Турецкой республикой (март 1921)
- Республика Сюник / Республика Нагорной Армении (декабрь 1920 - июль 1921)

- Оспариваемые + контролируемые территории
- Контролируемые территории к началу советизации (советизации Нагорного Карабаха в июне 1920)
- Консолидированные территории ко времени советизации в декабре 1920 (контроль обеспеченный внешней и внутренней легитимацией)
- Армения в советских границах

Российская советская федеративная социалистическая республика

Оспариваемые + контролируемые территории
 Контролируемые территории к началу советизации (февраль 1921)
 Консолидированные территории ко времени советизации в феврале 1921 (контроль, обеспеченный внешней и внутренней диктацией)
 Грузия в советских границах

Флаг Грузинской демократической республики (1918-1921)

Грузинская демократическая республика в том числе:
 Абхазия (Сухумский округ), оккупирован в июне 1918
 Территория, оспариваемая Азербайджаном (Закатальский округ)
 Район восстания в Южной Осетии
 Границы территорий, спорных с Арменией в том числе, Лорийская нейтральная зона
 Районы, оспариваемые Грузией на Парижской мирной конференции (1919)
 Грузино-российская граница по Московскому договору между РСФСР и Грузией (май 1920)
 Грузино-турецкая и армяно-турецкая граница по Московскому договору между РСФСР и Турецкой республикой (март 1921)
 Советские территории к февралю 1921
 Районы контролируемые дашкаными в Зангезуре (декабрь 1920 - июль 1921)

ха предполагается создание автономной области — формы армянского самоопределения в рамках советского Азербайджана.

Автономия армян Нагорного Карабаха формально не несет «этнической титулатуры», равно как и автономия Нахичевани (азербайджанская автономия — сначала под протекцией Азербайджана, а затем в его составе). Однако одним из итогов советского варианта решения армяно-азербайджанских этнотерриториальных противоречий в 1920–23 году становится именно отчетливая *титуляция определенных территорий в качестве национально-государственных*, или — для Нагорного Карабаха — их компромиссная титуляция, с выстраиванием иерархии «народ республики» — «народ автономии». Изобретение такой институциональной иерархии является именно результатом компромисса — реализацией права на самоопределение обеих конфликтующих групп на одной и той же территории: скажем, азербайджанцев Нагорного Карабаха — на уровне республики, армян Нагорного Карабаха — на уровне самой автономии.

Характерной чертой в процессе советизации Азербайджана и Армении является то, что большевики не разрушают сам институт национальной государственности, а используют его в качестве формы, инструмента для легитимации самой советской власти. Она устанавливается именно в форме национальной государственной власти, но освобожденной от «буржуазных атрибутов национализма и межнациональной розни». В любом случае очевидно, что советская власть в Закавказье не изобретает национальные республики и территории,¹ а использует их институциональные и символические ресурсы для своей экспансии. Национальные республики возникают в результате разрушения имперского политического пространства

Закавказья, в стратегиях «упорядочения» возникшего хаоса, наиболее адекватных существующим тогда политическим элитам и их пониманию коллективных интересов.

Представляется также, что советизация Азербайджана и Армении развивается как функциональное следствие решения большевиками макрополитических задач — разгрома Польши и Врангеля (нефть и обеспечение северокавказского тыла в кампании 1920 года) и обретения [иллюзорного] канала для экспорта мировой революции в странах мусульманского Востока. Успешные прецеденты с поддержкой «внутренних» советских восстаний в Азербайджане и Армении, будут развиты при советизации Грузии, которая также оказывается в тисках внутреннего кризиса и в поле действия советско-турецкого стратегического партнерства.

Карта 20 (1918–1921)

Грузинская демократическая республика

При национально-государственном размежевании Закавказья и формировании своей государственной территории Грузия отдает предпочтение критерию «исторических территорий», а не «этнического расселения». Сложности для ее правительства состоят в том, что во многих оспариваемых по этому критерию периферийных районах грузинское население или отсутствует, или составляет незначительное меньшинство, или, будучи грузинским по языку или происхождению,

молодых закавказских государств обеспечить в 1919 году искомые для «мирового признания» основания своим желательным границам (история, преобладание «этнически своего» населения, эффективный контроль).

испытывает дефицит грузинской национальной/этнополитической идентичности (Аджария, Месхетия). В условиях, когда новое национальное государство только формируется и само испытывает дефицит легитимности, этнический состав населения и политика в отношении меньшинств становятся важными факторами, способствующими или препятствующими внутренней консолидации страны. Грузия решает проблему установления контроля, обеспечения внешней и внутренней легитимности в нескольких районах: «мусульманской Грузии», Борчало, Абхазии, Закатальском округе и Южной Осетии.

В отличие от Армении, земли исторической Грузии в значительной мере уже давно собраны внутри одного государства — России, и потому формирование границ независимой Грузинской республики проектируется и осуществляется почти целиком внутри бывших имперских границ. В отношении «внешних территорий» (Лазистан и других), остающихся под эффективным турецким контролем и населенных почти исключительно мусульманами, Грузия проводит осторожную политику. Эти районы несут отчетливо периферийное значение в грузинском национально-государственном проекте, к тому же попытка их силового возвращения обещает серьезные военно-политические издержки. Формально оспаривая часть районов Турции в границах 1878–1918 годов, грузинское правительство не предпринимает каких-либо односторонних действий для овладения ими. В частности, Грузия воздерживается от вовлечения в армяно-турецкую войну осени 1920 года.

Еще в конце 1918 года победа Антанты над Германией и ее союзниками и вывод из Закавказья турецких войск позволили правительству Грузии интегрировать в состав страны часть «мусульманской Грузии», входившую в состав России в 1829–1918 годах и потерянных по Батумскому миру от 4 июня 1918 года: Мес-

¹ И, тем более, территориальные конфликты, в значительной мере обострившиеся благодаря стремлению

хетию и северную часть Карсской области. Батумский округ оказывается под прямым управлением англичан. Одновременно здесь сохраняется и местное автономное правительство, и перспективы распространения грузинской юрисдикции.

Военный конфликт 1919 года между Грузией и Арменией из-за спорных районов в Борчало и Джавахетии быстро купирован Антантой: Джавахетия остается за Грузией, Борчало разделен на три зоны — грузинскую, армянскую и нейтральную (Лори). В период турецкого наступления на Армению осенью 1920 года зона Лори также занята грузинскими силами (по договору с правительством Армянской республики и в упреждение очередной турецкой оккупации).

Обещая Абхазии автономию, Грузия контролирует территорию бывшего Сухумского округа, занятую с июня 1918 года. Одним из неясных следствий «сочинского конфликта» между Грузией и ВСЮР становится фактическое изменение западной границы Абхазии. Ко времени разгрома деникинцев и занятия Красной армией Сочинского округа, линия фактического контроля грузинских сил проходит в районе Мехадыр-Псоу. В советско-грузинском Договоре 1920 года линия государственной границы двух стран определяется именно по Псоу, а не по Бзыби (где проходила прежняя административная граница Сочинского и Сухумского округов). Присоединение самого Сочинского округа грузинскому правительству осуществить не удалось. Именно овладение округа Деникиным в 1919 году фактически сохранило Сочи за Россией.

Весной 1920 года правительственные войска Грузии подавляют восстание в Южной Осетии. Эта территория стала проблемной для Тбилиси еще в 1918 году, когда социальный конфликт в населенных осетинами районах при его подавлении быстро приобрел признаки национального, а именно — конфликта между осетин-

ским населением и грузинским правительством. Эта конфликтная связка приобретает устойчивость, а провозглашение советской власти в Южной Осетии в марте 1920 года уже явно выступает как форма осетинского национального самоопределения вне грузинского государства. После правительственного погрома 1920 года советизация и самоопределение для Южной Осетии выступают как одна единая стратегия.

Нейтралитет в армяно-азербайджанских распрях, налаживание отношений с кемалистской Турцией и советской Россией¹ создают иллюзию некоторой стабилизации внешнеполитического положения страны. Но судьба Азербайджана и Армении в 1920 году показывает, что советизация Грузии является лишь делом времени. У российских большевиков был длинный счет к меньшевистскому правительству Грузии: оккупация Сочи-Туапсе в 1918, выдача деникинцам интернированных руководителей Терской советской республики в 1919, подавление просоветского восстания в Южной Осетии в 1920, предоставление плацдарма для отрядов Гоцинского в 1920–21, репрессии против грузинской компартии. Но все это лишь повод. Главное в том, что «мировая революция — чтобы развиваться — должна переходить границы», тем более — внутренние границы бывшей империи; и особенно если для этого есть прецеденты и подходящие условия. В феврале 1921 начинается просоветское восстание в Лорийской нейтральной зоне. Идя на помощь этому восстанию/вне зависимости от него, Красная Армия вступает в Грузию. 25 февраля 1921 декларируется создание Грузинской советской республики.

Если Азербайджан и Армения советизированы на фоне своих серьезных военных по-

¹ В советско-грузинском Договоре от 7 мая 1920 года, в частности, была определена советско-грузинская граница. Отнесение Закатальского округа и южной части Борчало к Грузии вызвало протесты, соответственно, со стороны Азербайджана (уже советского) и Армении.

ражений на внешних фронтах и обваливающихся внешних границ, то Грузия не ведет никаких войн к февралю 1921 года. Композиция и границы грузинской государственной территории ко времени советизации имеют большую определенность: оспариваемые районы или устойчиво контролируются, или решение об их статусе вынесено в сферу международных согласительных процедур. Северная граница советской Грузии отчетливо преемственна в отношении границ независимой Грузии: эта граница была «советски определена» уже в Договоре от 7 мая 1920 года. Однако статусные трансформации некоторых грузинских областей, а также изменения прочих границ Грузии в 1921–23 годах свидетельствуют о серьезных проблемах в степени консолидации грузинской территории:

- ♦ Лорийская зона: остается сначала в составе Грузии, сохраняя тем самым какие-то основания для исторического мифа о «внутригрузинском восстании февраля 1921 года»; в 1922–23 году включена в состав Армянской республики «по этническому критерию».
- ♦ В то же время Грузия сохраняет районы Борчало, где грузинское население составляет также лишь незначительное меньшинство. Одновременно Закатальский округ включен в состав Азербайджана именно на основании «этнического критерия».
- ♦ Абхазия: при советизации здесь формируется самостоятельная республика, инкорпорируемая позже в состав советской Грузии сначала экономически, а затем — юридически (посредством двустороннего договора: отсюда официальный статус Абхазии с декабря 1921 года — «договорная советская республика» или ДССР).
- ♦ Южная Осетия: советизация этой территории оказалась тождественна обеспечению ее автономии. В 1921–22 году определяются статус и границы автономии — она остается областью в составе Грузии.

♦ Советско-турецкие договоры 1921 года разделяют территорию «мусульманской Грузии» на две части: Северная Аджария (с Батумом) и Месхет-Джавахетия остаются в составе Грузии, Артвинский, Олтинский и Ардаганский округа отходят к Турции. По этим договорам Аджария получает статус автономии в составе советской Грузии. Если за уступкой Ардагана и Артвина прослеживаются миро-революционные иллюзии большевиков насчет кемалистской Турции, то при формировании автономии Аджарии превалируют другие советские расчеты и идеологемы: батумский порт/нефтяные терминалы и мусульманское население края, отличающее себя от грузин и потому «нуждающееся в самоопределении».

Советизация Грузии завершает процесс советизации государств Закавказья.¹ Рисунок их границ еще будет меняться, но внешние границы четко определены в рамках недолговечного советско-турецкого военно-политического партнерства и закреплены соответствующими договорами. Изменение границ и формирование этнических автономий в составе Грузии есть советское решение проблем консолидации грузинской национально-государственной территории. Вероятная альтернатива такой советской модели — новые пограничные войны или внутренние конфликты. Потеря Лори — возможная плата за сохранение Джавахетии, потеря Ардагана и Артвина — за сохранение Батума и т.д. Создание советских автономий Абхазии и Южной Осетии в значительной степени позволило сохранить эти территории в составе Грузии, избегая эксцессов военно-карательных операций и партизанских войн.

Карта 21 (1921)

Советский Кавказ — первый административно- территориальный вариант

К осени 1921 года весь Кавказский регион (за вычетом уступленных Турции территорий) включается в сферу советского национально-государственного строительства. Такое строительство, со свойственными ему критериями организации населения и территорий, разворачивается не на пустом месте. Новая композиция региона — это динамичное и противоречивое воплощение советского проекта в насыщенных социально-политическими проблемами, исторически структурированном человеческом ландшафте. Ясно, что советское упорядочение Кавказа не может быть названо «гармоничным и непротиворечивым»: слишком много соперничающих интересов и локальных проблем необходимо было переплавить внутри этого исторического проекта, который сам соткан из различных политических идеологем и управленческих принципов. Существенно и то, что с нарастанием авторитарных тенденций в самой большевистской партии принятие стратегических решений все более сосредоточивается в кулуарных баталиях узкого круга большевистского/советского руководства и становится зависимым от политического разума немногих влиятельных фигур.

Тем не менее, общая логика конструирования новой политико-административной карты очевидна. Наряду с учетом военных и хозяйственно-экономических приоритетов, она включает создание институтов *контролируемого национального самоопределения*. Национальные группы, подобно группам социальным, воспринимаются как коллективные субъекты исторического процесса («объекты угнетения», «субъекты национально-освободительного дви-

жения»). Во многом, эти группы — как «объекты управления» — выступают значимыми категориями уже в имперское время. Затем в период Гражданской войны и советизации эти группы обретают свое политико-организационное представительство в деятельности различного рода национальных советов и ревкомов. В Закавказье процесс институционализации национальных категорий доведен усилиями этнических элит до кондиции международно признанных государств. Большевики не ликвидируют полностью эту институциональную форму, но используют ее символическое значение. Новая власть именно использует уже существующие национальные солидарности, изрядно политизированные в ходе Гражданской войны, в качестве своих исторических партнеров — как аудиторию для своих социально-мессианских апелляций: «революция несет народам освобождение». Там, где социальное освобождение устойчиво ожидается как национальное, большевики оправдывают это ожидание. Советская власть организует форму такого освобождения-самоопределения по серьезно подготовленным контурам массовых социальных устремлений. В свою очередь, сама новая власть нуждается в создании устойчивой социальной и кадровой базы в «национальных районах». В территориальных и статусных характеристиках такого самоопределения воплощена генеральная двуединая задача ленинской партии/советского государства в регионе — укрепление советской власти и проведение коренных социальных преобразований.

В 1920–21 году формируется первая советская композиция кавказских национальных республик и автономий. Как формы коллективного самоопределения, они неявно выступают и предметами «коллективной собственности» соответствующих национальных групп.² Наи-

¹ Точнее, этот процесс завершается выдавливанием дашнаков из Зангезура и его включением в состав советской Армении летом 1921 года.

² Подобная характеристика автономий отражается в неформально используемых названиях: «республика горцев»,

более явственной для новых властей категорией, отражающей коллективную историческую субъектность на Северном Кавказе, являются *горцы*. В ноябре 1920 года на Съезде народов Терка во Владикавказе и Съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре провозглашается создание двух горских советских республик в составе РСФСР. На базе горских округов бывшей Терской области возникает *Горская советская республика*, на базе Дагестанской области — *Дагестанская* (законодательно оформлены постановлением ВЦИК РСФСР от 20 января 1921 года). Горская республика составляется из шести (фактически — семи) национальных округов и двух городов республиканского подчинения — Владикавказа (столица) и Грозного.

Границы национально-государственных и административных образований, равно как и их статус, не являются результатом политического произвола большевиков, но скорее эффектом противоречивого использования и комбинирования нескольких критериев: идеологических, этнических, хозяйственно-экономических. Вряд ли было бы обоснованным утверждение, что в процессе советского национально-государственного строительства и создания национально-территориальных единиц не учитывались особенности этнического расселения. Просто учет этого критерия никогда не был и не мог быть абсолютно самостоятельным.

Во внутренней композиции Горской республики отчетливо сохранены границы округов бывшей Терской области. Важные административно-территориальные новации связаны с решением вопроса о землях терского казачества, оказавшихся в пределах Горреспублики. Земли депортированных станиц включены в состав

«автономия кабардинского народа» или в официальном названии такого региона, правда далекого от Кавказа, как «Трудовая коммуна (затем — автономная республика) Немец Поволжья».

Назрановского (Ингушского) и Грозненского (Чеченского) округов. Оставшиеся станицы сначала предполагалось объединить в одном Сунженском (Казачьем) округе. Но затем эти станицы были разделены на три территориальных сегмента. Первые два, вклинивающиеся в территории Нальчикского (Кабардинского) и Владикавказского (Осетинского) округов, были включены в их состав и образовали внутри этих национальных округов отдельные национально-административные районы. Третья группа станиц, вклинивающаяся в территории двух вайнахских округов, была выделена в отдельный Сунженский округ.¹ В случае с терским казачеством видно, что фактически власти применяют три варианта «разрешения горско-казачьих поземельных противоречий»:

- т. н. ликвидация чересполосицы за счет земель казачьих станиц и выселения казачества была проведена в районах острого горско-казачьего противостояния (Чечня, Ингушетия);
- ликвидация чересполосицы путем слияния казачьих и горских территорий в одних национально-административных единицах (там, где горско-казачьи отношения не были враждебными) и выравнивание земельных наделов. Именно в это время рядом с казачьими станицами в Осетии и на их землях появляются новые осетинские равнинные села;
- невозможность новых выселений станиц и одновременно невозможность их объединения с вайнахами в одних округах обуславливает сохранение самостоятельного Сунженского казачьего округа; лишь с ослаблением вайнахо-казачьего «антагонизма» и укреплением советской власти территория этого округа будет включена в Чечню.

«Произвольность» советского упорядочения территории на деле оказывается реализацией

вполне определенной логики, учитывающей комплекс социально-политических условий и временную конъюнктуру. Идеологема национального самоопределения в ее применении к Горской республике обуславливает еще ряд советских административно-территориальных корректив. К Горской республике при ее образовании отходит населенная карачаевцами часть Кубанской области, где образован Карачаевский округ. Образуются два новых округа по этническому основанию — Балкарский (впервые административно отделяя балкарские общества от Кабарды и объединяя их в одну административную единицу) и Дигорский. Существование последнего было недолгим: в осетинской политической элите возобладала объединительные взгляды, и Дигория осталась частью Осетии, а дигорцы — осетинами.

Сразу при образовании горских республик Хасавюртовский (Кумыкский) округ бывшей Терской области с кумыкским, аварским и ауховским (чеченским) населением включается в состав Дагреспублики. В этом сыграли свою роль и этнические критерии советской национально-государственной инженерии, и интегративные тенденции среди кумыков. Ауховцы, тяготеющие к Хасавюрту и опасющиеся остаться без доступа к зимним пастбищам на равнине, также вынуждены были — не без проблем — перейти в состав Дагестана. Сама внутренняя структура Дагреспублики воспроизводит с небольшими изменениями окружное административно-территориальное деление бывшей Дагестанской области.

В начальном советском составе русских областей Северного Кавказа также воспроизведена прежняя административно-территориальная композиция. Лишь Кубанская область и Черноморская губерния объединены в одну область. Большедербетовский улус Ставропольской губернии отходит к новообразованной Калмыцкой автономии. Усеченная Терская область после выделения Горской республики

¹ Карабулакская, Троицкая, Ассинская, Нестеровская, Самашкинская, Вознесенская, Терская (западная часть округа) и Петропавловская, Горячеводская и Ильинская (восточная часть округа).

Горный Карабах (фрагмент карты 1925 года)
 Рисунок советских национально-административных границ отражает неоднозначность советского разрешения территориальных противоречий. "Лачинский сток" задумывался скорее, как компромисс и их паллиативное решение, нежели провокация таких противоречий в будущем.

- Административно-территориальное деление на 1921 г.**
- Кубано-Черноморская область
 - Ставропольская губерния
 - Терская область / губерния (1.4.21)
 - Горская советская республика (20.1.21)
 - Кабардинская автономная область (с 1.9.21)
 - Дагестанская советская республика (20.1.21)
 - Грузинская советская республика (25.2.21), в том числе:
 - Аджарская автономная республика (16.7.21)
 - Территория, оспариваемая Реваком Южной Осетии ко включению в пределы автономии
 - Абхазская советская республика (31.3.21), договорная сов. республика (16.12.21)
 - Армянская советская республика (29.11.20)
 - Азербайджанская советская республика (28.4.20), в том числе:
 - территория Нагорного Карабаха (спорн. с Арменией до июля 1921)
 - Нахичеванская советская республика (под протекцией Азербайджана с 16.3.21)
 - Территории, уступленные Турции в 1921 году
- Цифры на карте обозначены:**
 Округа Горской автономной республики (по состоянию на 1 сентября 1921 года)
 1 - Карачаевский, 2 - Балкарский, 3 - Нальчикский (Кабардинский), 4 - Дигорский,
 5 - Владикавказский (Осетинский), 6 - Назрановский (Игулуский), 7 - Сунженский (Кавачий),
 8 - Грозненский (Чеченский), 9 - гор. Владикавказ, 10 - гор. Грозный

Цифры на карте обозначены:
 1. Гор. Владикавказ (на правах округа)
 2. Гор. Грозный (на правах округа)
Национальные районы Северо-Кавказского края:
 3. Шагсунский район Черноморского округа (образован в сентябре 1924, центр - Туапсе)
 4. Туркменский район Ставропольского округа (с июня 1925, Петляев Става)
 5. Армянский район Майкопского округа (с августа 1925, Елисаветпольское)
 6. Виноградский немецкий район Армавирского округа (с февраля 1928, Ванювский/Эйгенфельд)
 7. Греческий район Черноморского округа (с декабря 1928, Крымск)
 8. Баталашинский русский район Карачаево-Черкесской АО (Баталашинск)
 9. Казанский район Кабардино-Балкарской АО (Майское)
 10. Пригрозненский район Северо-Осетинской АО (Арданская)
 11. Петропавловский район Чеченской АО (Петропавловская)
Прочие территории:
 12. [Хаскут] - в Карачаево-Черкесской АО с 1924
 13. [Аллага] - в Чеченской АО с 1927
 14. Проектируемый Степнянский немецкий район (центр - Солоненское)
Примечания:
 Автономная Область Нагорного Карабаха показана в границах 1923 года.
 Национальные районы Северо-Кавказского края показаны в границах 1924 года.

Административно-территориальное деление на 1.9.1928

- Северо-Кавказский край (с октября 1924) [Русские] округа
- [Национальные] автономные области
- Территория упраздненной в 1924 году Герцогской АССР
- Территория упраздненной в 1926 году Карачаево-Черкесской АО
- Дагестанская АССР
- ССР Грузии, в том числе:
 АССР Аджаристана и Юго-Осетинская АО
- ССР Абхазии
- ССР Армении
- Азербайджанская ССР, в том числе:
 Автономная область Нагорного Карабаха
 Нахичеванская ССР (февр. 1923 - февр. 1924 - Автономный край)
- Государственная граница Союза ССР

Российская
ФССР

Закавказская
ФССР

вместе с Владикавказом и Грозным превращается в «кишку», вытянутую от Кубани до Каспия. Перенос центра области в Георгиевск смещает всю систему хозяйственно-экономических связей области: кизлярско-ногайские степи/зимние пастбища окажутся глубоко периферийными и станут возможным их передача Дагестану, а сам Георгиевск начнет претендовать на тяготеющие к нему районы восточного Ставрополя.

В первой советской композиции русских областей Северного Кавказа существенна, пожалуй, только одна новация: упразднены Кубанское и Терское казачьи войска, а их области теряют свое специфическое военно-сословное административно-территориальное лицо.

Карта 22 (1922–1928)

Советское национально-государственное строительство

В декабре 1922 года создается Союз ССР. Сама парадигма советского национально-государственного строительства появляется несколько позже, когда идея экспорта пролетарской революции уступает место идее и практике укрепления пролетарского отечества, а в советском пространстве возникает иерархия национально-территориальных образований.

Административно-территориальная реорганизация края — один из элементов советского национально-государственного строительства. В этом «строительстве» реализуется комплекс советских идеологем, военно-политических и хозяйственно-экономических стратегий. Оно не предполагает заранее подготовленного плана с выверенной структурой территории и четким рисунком внутренних границ. В ор-

ганизации края с самого начала сталкиваются различные принципы экономического районирования, местные групповые интересы, политико-идеологические и хозяйственно-экономические приоритеты. В административную композицию края вносятся постоянные коррективы, принятые институциональные решения пересматриваются. Но в целом, в этот период реализованы две главные стратегии:

(а) формируются советские этнические автономии (постепенно идеологема самоопределения или этнической спецификации управления/территории разворачивается в диапазоне от национальных «союзных республик» вплоть до «национальных сельсоветов и колхозов»);

(б) реорганизуется базовые административные единицы государства (чего требуют приоритеты развития экономической инфраструктуры страны).

«Национальный принцип» и автономизация

Принцип национального самоопределения воплощается в использовании этнического критерия при организации власти и территории. Тот же самый подход, определивший появление в 1921 году Горской АССР как формы *национального самоопределения горцев*, становится идеологическим основанием демонстрации республики. Кабардинская партийная элита во главе с Калмыковым, подталкиваемая угрозой перераспределения земель в пользу соседних округов, стремится выйти на более высокую и обособленную траекторию самоопределения, уже собственно кабардинского. Получив влиятельную поддержку в Москве, округ выходит из Горской АССР — со статусом *Кабардинской автономной области (АО)*. Политическая идеологема использована здесь как инструмент защиты экономических интересов национальной группы: хотя и не в полной мере, но упреждается осуществление соперничающих идеологем (предполагающих

уравнительное распределение земли). Выход Кабарды влечет за собой постепенную дезинтеграцию Горской АССР. В 1922 году от нее отходят последовательно Карачаевский, Балкарский, Чеченский округа и Грозный. Наконец, 7 июля 1924 года республика упраздняется с разделением на Северо-Осетинскую АО, Ингушскую АО, Сунженский округ и Владикавказ.

Именно внутренние противоречия в Горской республике определили ее краткую историческую судьбу: стратегия Москвы в данном случае следует за развитием этих противоречий. Отсутствие таковых в другой горской автономии — Дагестане, обуславливает там иной сценарий. К началу советской эпохи Дагестан избежал той меры политизации этнического соперничества, что оказалась свойственна Терской области. Хозяйственно-поселенческое «сползание» горских аулов в равнинные кумыкские районы еще не началось, и земельные споры не имеют остроты и значения этнотерриториальных конфликтов. Оставаясь в своих горных ландшафтных ареалах, дагестанское население по-прежнему является ансамблем множества джамаатов и соответствующих им локальных идентичностей. Структура этого ансамбля политически более важна и психологически более существенна, нежели конфигурация этнических ареалов, которые лишь начинают прочерчиваться едва заметным политическим пунктиром. Композиция внутренних окружных границ ДагАССР почти полностью воспроизводит дореволюционную (также не «копирующую» рисунок условных этнических границ), что тоже не способствует упрощению ансамбля дагестанских джамаатов до состояния грубой этнической карты. Однако национальный принцип в административном районировании затрагивает и Дагестан: к 1928–29 году подготавливается и проводится реформа, основной целью которой является создание моноэтнических районов в республике.

Изначально национально-государственное строительство не форсирует образования новых автономий, но, скорее, конструирует в молодых институтах и практике советской системы уже очерченные ранее — в досоветских границах и соперничестве — политические проекты. Это конструирование автономий, их границ и статуса противоречиво: оно несет признаки колебаний центра и столкновения местных интересов и групп. В 1922–23 оформляются Юго-Осетинская и Нагорно-Карабахская автономии. Их образование, статус и границы есть паллиативное и во многом культурное решение острых конфликтов 1918–1920 годов. Решение Кавбюро ВКП (б) по Нагорному Карабаху реализует «национальный принцип» (предусматривая образование автономии карабахских армян) и одновременно игнорирует его (оставляя территорию в составе Азербайджана). Это решение уже не столько большевистский реверанс в сторону кемалистской Турции, сколько внутренний компромисс. Территория, подконтрольная отрядам Нжде, после их вытеснения летом 1921 большей частью инкорпорируется в Армению: так возникает стратегически важный *Мегринский перешийек*, разделяющий Азербайджан с Турцией и Нахичеванью и связывающий Армению с Ираном. Между самой Арменией и Автономной областью Нагорного Карабаха возникает Курдистанский национальный уезд (т. н. Красный Курдистан) в составе Азербайджана. При образовании уезда создается анклавное положение автономии Нагорного Карабаха (вероятно, начальный проект предполагал стыковую границу между Арменией и АОНК и между двумя частями курдского Зангезура).

Появление вслед за национальными областями национальных районов можно назвать нисходящим копированием модели этнической автономии. Очевидно, что первые советские образцы автономизации идут «по следу» прежних конфликтов и соперничества. И лишь

затем этот, уже собственно советский, опыт становится модельным: начинается воспроизводство автономий (этнической спецификации власти и территории) на уровне отдельных районов с компактным или относительно гомогенным этническим расселением. Но этот процесс не является автоматическим: в каждом случае присутствует группа факторов — от персонального упорства этнических лидеров и до социально-политической и экономической конъюнктуры. В 1922 из ряда адыгских анклавов в Кубано-Черноморской области образуется Черкесская (Адыгейская) АО. Причерноморские шапсугские аулы остаются за рамками этой автономии и все же определяются в 1927 в отдельный национальный район. В этот же период на Северном Кавказе образуются два армянских, туркменский, немецкий и греческий национальные районы. Создаются и национальные сельские советы. Процесс территориальной автономизации развивается не только в русском политико-административном окружении. Но аналогичные районные примеры в Закавказье быстро сходят на нет, как и русские (казачьи) районы и иноэтничные сельсоветы внутри горских автономных областей. Автономия русской Мугани или Духобории в рамках советской модели этнического самоопределения вообще немыслима. Отсутствие Талышской или Татской автономии (при наличии Курдской), наличие Аджарской (и отсутствие Мегрельской) показывает, что «национальный принцип» не работает самостоятельно и встроен в комплекс иных политических, культурных и экономических стратегий как на уровне общесоюзной, так и республиканских партийно-советских администраций.

Принцип экономической целесообразности и укрупнение регионов

Военные и экономические приоритеты в развитии советского государства обуслов-

ливают следование не-этническим принципам в административно-территориальной организации края и проведение соответствующих реформ. Первая из них осуществляется в 1923–24 годах. При этом композиция национальных образований и сам процесс этнической автономизации в РСФСР встроены в реформу «русских» территорий в качестве их относительно устойчивой периферии. Прежняя административная структура [область/губерния — округ/уезд — волость] сменяется укрупненной [край — округ+автономные области — район+национальный район]. В 1924 происходит слияние Кубано-Черноморской и Донской областей в Юго-Восточную, которая поглощает затем Ставропольскую и Терскую губернии и, включая все горские автономии (кроме Дагестана), оформляется как *Северо-Кавказский край*. Край составляется из округов, почти официально называемых русскими, и шести национальных автономных областей. Хозяйственно-экономические факторы существенно влияют на композицию самих национальных автономий. Включение в 1922 Балкарии в одну автономию с Кабардой — неизбежно по хозяйственно-экономическим основаниям (и нелогично лишь с точки зрения «чистоты этнического самоопределения»). Тогда же возникает Карачаево-Черкесская АО, вся последующая история которой — попытка комбинировать этнический принцип в организации власти/территории с социально-экономическим. Уже в 1926 автономия разделяется по национальному признаку на три части: Карачаевскую АО, Черкесский округ (с 1928 — АО) и русский Балташинский район, который отходит к Армавирскому округу. Хозяйственно-экономические аргументы лежат в основании значительного расширения территории Дагестана (присоединение Кизляра и огромного массива отгонных пастбищ в Ногайской степи). Сама ДагАССР воздерживается от вероятного перехода в состав Закавказской СФСР в 1924 году,

во многом лишь столкнувшись с риском утраты этих земель: таким образом, данный локальный хозяйственный фактор сказывается на общем составе «союзных» республик и итоговой конфигурации национально-государственных границ.

Карта 23 (1926)

Этническая карта и национально-административная инженерия

Кроме сдвигов в расселении, вызванных потрясениями Гражданской войны и межнациональными войнами в 1918–1920 годы, существенное влияние на структуру кавказской этнополитической карты оказывают ряд факторов: советская административная этнизация территорий, «коренизация» школы и управления на этих территориях, а также изменения в номенклатуре народностей (официальных рамок национальной идентификации).

Осуществление «национального принципа» в 1920-е более жестко привязывает административно-территориальное деление Северного Кавказа к ареалам этнического расселения. Возникают, или получают советскую легитимацию, *титульные национальные территории* с высокой степенью этнической гомогенности. Советская практика упорядочения территории, опирающаяся на национальный принцип и соответствующую позитивную дискриминацию нерусских меньшинств, придает этничности новый инструментальный и символический вес. Известно, что культурный комплекс «своей земли» и символическая связь общности с территорией у многих кавказских групп в серьезной мере были развернуты в досоветскую и даже доимперскую эпоху. Но советское на-

циональное строительство выводит эту связь на качественно более высокий, институционально оснащенный уровень. Советская власть дает мощную санкцию на использование этничности как властного основания, основания для реализации несословных коллективных привилегий (а затем и коллективной ответственности). Уничтожая сословные рамки, большевики «сворачивают» внутреннюю социальную структуру меньшинств и конструируют эти меньшинства в качестве гомогенного идентификационного поля. «Коренизация» школы и кадров управления призваны создать новую — советскую — культурную и политическую инфраструктуру этого поля.

При этом власть функционально нуждается в ясном определении народностей как отчужденных, непересекающихся образований. Таким образом, *стратегия упорядочения территории* по этническому критерию, будучи воплощена в некую административную сетку и властную практику, сама становится фактором определения этнических категорий/границ. Властное определение этнических категорий/границ есть подвижный итог соперничества между различно обоснованными этнополитическими проектами — интеграционными или автономистскими, имеющими к тому же различную институциональную оснащенность (республика vs район). Советское национальное строительство внутренне противоречиво — некоторые из народностей (категорий) объединяются, относительное различие других становится более жестким. Перечень народностей, который использован во Всесоюзной переписи населения 1926 года, в целом преемствен имперской номенклатуре. Изменения в номинациях народностей связаны с формирующейся национально-государственной и административно-территориальной композицией страны. Скажем, появление Украины требует внесения поправок в устоявшиеся идентификационные образчики по всей

стране, в том числе и прочерчивания границ внутри уже сильно интегрированного славянского массива на Кавказе.

Служебный циркуляр для переписчиков 1926 года требует, в частности, «уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях». Для тех местностей, «где словом «русский» определяют свою народность представители трех этих народностей», от переписываемых лиц истребован однозначный выбор: к какой именно народности из трех они себя причисляют. Другой циркуляр предписывает противоположную идентификационную операцию: причисление всех картвелоязычных народов (грузины, аджарцы, мегрелы, сваны, лазы) к общей группе грузин.

Наличие таких институциональных рамок как республика, область и даже национальный район, становится фактором культурной инженерии. Формирование новых границ грузинской национальной общности подкрепляется серьезным административным ресурсом. В частности, в этот период самурзаканцы, будучи уже преимущественно мегрелоязычными, решающим образом определяются грузинами. С другой стороны, закрепление в советской номенклатуре за абхазским населением именно такого внешнего этнонима (абхаз), пришедшего в имперское употребление из грузинского именованья территории, упрочило саму властную идентификационную связь *ансуа* с их родиной. Учитывая характер грузинских претензий на укорененность и титульность в Абхазии, ясно, что во многом благодаря этой русско-советской этнонимической канонизации абхазам удастся остаться здесь и титульной, и коренной группой.

Категория «закавказские татары» сменяется категорией «азербайджанские тюрки», а затем «азербайджанцы». К последней будут отнесены все тюркоязычные мусульмане Закавказья — от месхетинцев до терекемейцев и ассимилируемых татов и талышей. Вероят-

но, временная номинальная азербайджанизация месхов в 1920-е годы связана с наличием административной рамки Закавказской федерации (с Азербайджаном в качестве образующего субъекта). Возможности соответствующей культурно-образовательной политики — административно подкрепленного развития национальной школы с обучением на родном языке — ослабили перспективу грузинизации этой группы мусульман. В то же время глубина тюркской ассимиляции татского и талышского населения в самом Азербайджане позволяет проигнорировать проект их автономизации, но не позволяет исключить их полностью из номенклатуры народностей. Даже несмотря на упразднение в 1929 году «Красного Курдистана» (по внешнеполитическим основаниям), советская национальная инженерия будет серьезно сдерживать соблазн следовать кемалистскому шаблону в строительстве азербайджанского народа, объявив все мусульманское население республики азербайджанским.

Образование Юго-Осетинской автономии сказывается на фиксации и ужесточении идентификационных границ внутри осетинского массива в Грузии. Институт автономии целом сдерживает исторически продолжительный процесс смены этничности среди южных осетин, их грузинскую ассимиляцию.

Сегментарное расселение адыгских групп административно закрепляется в четырех титульных районах — в Кабардино-Балкарской АО, Черкесской АО, Адыгейской АО и Шапсугском районе. Автономия адыгов Кубано-Черноморской области, образованная в 1922 году и названная Черкесской (Адыгейской) АО, дабы не «вносить путаницу от смешения ее в разных ведомствах с Карачаево-Черкесской АО», меняет свое название на Адыгейско-Черкесскую, а позже — на Адыгейскую АО. Такое административное различие становится основанием для последующего идентификационного различия. На прежнюю внутрен-

нюю структуру адыгских племенных различий будет наложена советская административная карта, образуя при этом четыре «разных» народа — кабардинцев, адыгейцев, черкесов и шапсугов.

Тюркский массив *горских татар* (или «пяти горских обществ Большой Кабарды») определяется как балкарская народность. Тем самым упрочивается использование имени одного из пяти обществ в качестве этнонима всей этнической категории. Одновременно карачаевская часть этого же массива, отделенная от него не столько ландшафтной громадой Эльбруса, сколько старой административной границей Кубанской области и иным вектором экономического тяготения, определяется в качестве другого народа — карачаевского.

Раннее советское административное разделение чеченцев и ингушей также продолжает дореволюционную административную традицию, питая идентификационные различия среди самих вайнахов и, в свою очередь, ясно опираясь на их собственные различия. Перспективы раздельного политико-административного развития вайнахов не исключают перспективы их административной и этнокультурной интеграции: эти противоположные исторические проекции в равной мере наличествуют в самом обществе и его элите.

Советское упорядочение списка народов (как номенклатурная «нормализация» этнической карты), имеет в своем репертуаре противоположные операции: с одной стороны, административное и идентификационное закрепление/ужесточение этнических границ, с другой стороны — их административное упразднение. Но такие операции вряд ли могут быть названы примерами произвольного политико-административного жонглирования существующими группами и их солидарностями. Советская инженерия национальностей способна лишь избрать и форсировать некоторые траектории возможной эволю-

ции из тех, что уже наличествуют в самих этнических идентификационных комплексах. За произвольностью такого властного избрания-конструирования всегда кроется комбинация субъективных и объективных факторов. К первым можно отнести борьбу локальных этнических элит или доминирующую политическую конъюнктуру. Ко вторым — языковые дистанции, характер расселения, хозяйственно-экономическую связность и т.д. Сама этничность также превращается в «объективность»: ее административное определение закреплено в 1931 году обязательной *записью о национальности* во внутренних паспортах граждан СССР.

Карта 25 (1929–34)

**«Коренизация»
в административно-
территориальном делении —
осуществление и преодоление
принципа**

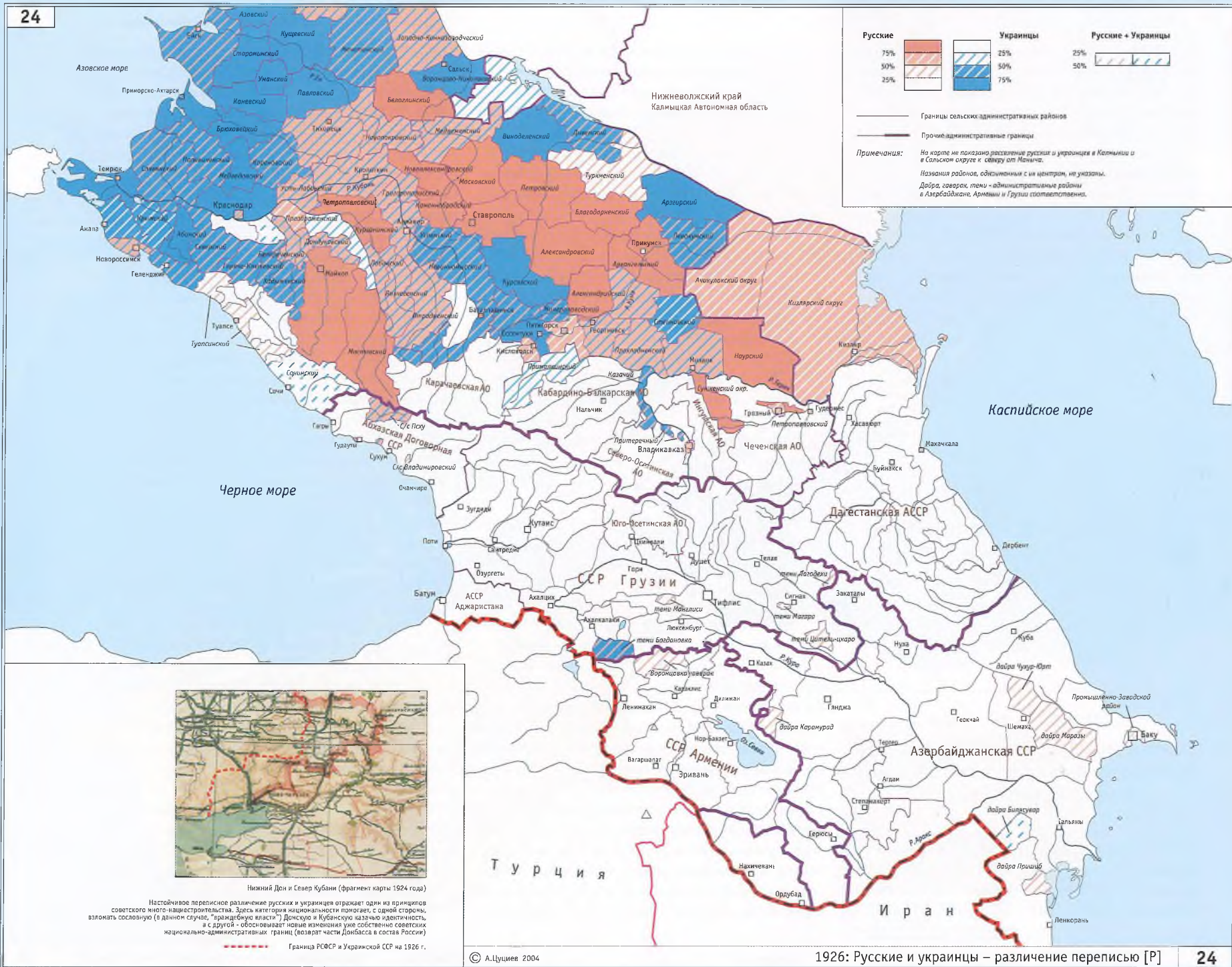
Карта 26 (1936–38)

**Формально-конституционное
определение статусной иерархии
народов и территорий**

Вторая половина 1920-х и начало 30-х годов — эпоха советского культурного подъема, *коренизации* школы и становления партийно-советских бюрократий в национальных авто-

Кавказь Сунжа и Грозный (фрагмент карты 1925 года)
 Грозндансал лойна на Терекэ делает неизбжымм хоть бы времённое сопрожождение этническя границь границь национально-административнымь

Нижний Дон и Север Кубани (фрагмент карты 1924 года)
Настойчивое переловное различие русских и украинцев отражает один из принципов советского много-национального государства. Здесь категория национальности помогает, с одной стороны, влиять сословную (в данном случае, "враждебную власти") Донскую и Кубанскую казачью идентичность, а с другой - обосновывает новые изменения уже собственно советских национально-административных границ (восточная часть Донбасса в составе России)
----- Граница РСФСР и Украинской ССР на 1926 г.

Адыгейская АО (фрагмент карты 1938 года)

Включение Майкопа в состав национальной автономии (как и предшествующие изменения в статусе Грозного, Прородненьского, Орджоникидзского, Баталпатинского в 1930-34 гг.) отражают политику экономического ускорения автономий. Национальный критерий, уступая асимилирующую роль в административно-территориальных переменах экономическим расчетам, остается мотивом самих "экономических" стратегий.

Административно-территориальное деление на 1938 г.

- Ростовская область
- Краснодарский край, в том числе:
- Адыгейская АО
- Орджоникидзевский край, в том числе:
- Черкесская АО, Карачаевская АО и Кизлярский округ
- Кабардино-Балкарская АССР
- Северо-Осетинская АССР
- Чечено-Ингушская АССР
- Дагестанская АССР
- Грузинская ССР, в том числе:
- Юго-Осетинская АО
- Абхазская АССР и Аджарская АССР
- Армянская ССР
- Азербайджанская ССР, в том числе:
- Нагорно-Карабахская АО
- Нахичеванская АССР
- Административные границы
- Государственная граница Союза ССР

Российская СФСР

номиях. Многие из кавказских народностей впервые обретают письменность и развивают национальную литературу. В регионе постепенно ликвидируется безграмотность, появляются советские национальные кадры, вовлеченные прежде всего в культурное строительство. Политика коренизации означает и укоренение самого советского проекта, его идеологии и практики среди национальных меньшинств. Но чем более настоятельно советское государство стремится к подъему автономий, тем более явственным оказывается ограниченность их внутренних экономических и инфраструктурных ресурсов. Еще в период образования автономных областей некоторые из их административных центров вынуждены были размещаться вне областных территории: Адыгейско-Черкесской АО — в Краснодаре, Северной Осетии и Ингушетии — во Владикавказе, Чечни — в Грозном, отдельные районные центры Карачая и Кабарды, соответственно, — в Кисловодске и Пятигорске. В разделенных в 1926 году Карачае и Черкесии начинается строительство новых областных центров. И если Микоян-Шахар отчасти состоит как столица автономии, то Эркен-Шахар останется только ее проектом, а центр Черкесской АО будет размещен в Баталпашинске. Импульс к слову этнического критерия в определении административных границ, равно как и отход от принципа коренизации, оказался заложен в самой стратегии строительства национальных автономий. Автономиям как площадкам для национального развития надлежит обладать соответствующей хозяйственно-экономической инфраструктурой. Эта хозяйственно-политическая стратегия обуславливает цепь последующих территориальных приращений к автономиям за счет русских округов и городских центров.

Отход от национального принципа в административно-территориальной организации края начинается еще в 1928, когда Чеченская

АО укрепляется за счет присоединения к ней Грозного с нефтепромыслами (а еще раньше — отчислений от их эксплуатации). Тогда же к Чечне отходит территория Сунженского округа (кроме станицы Терской). В 1931 большая часть бывшего Баталпашинского района с поясом предгорных казачьих станиц между Карачаем и Черкесией разделяется между этими двумя автономиями, что также серьезно укрепляет их экономическую базу. В 1932 в состав Кабардино-Балкарской АО включается часть Прохладненского района (возможно, как альтернатива включению Пятигорска, который еще в 1922 рассматривался как возможный центр Кабардино-Балкарской автономии). Соперничество Северной Осетии и Ингушетии за Владикавказ (с 1931 — Орджоникидзе) завершается в 1933–34 включением города в Северо-Осетинскую АО и объединением Ингушетии в одну общевайнахскую автономию с Чечней. В 1936 к Адыгейской АО присоединены Гиагинский район, часть Майкопского района, а также сам Майкоп, куда переносится административный центр области.

Расширение национальных областей приводит к сокращению доли титульных групп в составе их населения. Однако общий советский социальный динамизм и разворачивание новых проектов (борьба с национал-уклонизмом, коллективизация, удары по духовенству и интеллигенции) начинают ослаблять восприятие титульных территорий как коллективного этнического достояния. Национализация земли, принимающая форму колхозного строительства, «уничтожает собственника» (как персонального, так и коллективного) и тем самым надолго сворачивает поземельные конфликты. Сам институт автономии из формы национального самоопределения трансформируется в организацию коллективной лояльности меньшинств советскому государству, становится институтом их адаптации к новым горизонтам советской эпохи.

Территориальные изменения в 1928–1936 гг.	Доля титульной группы ¹ в составе населения области, %	
	До изменений (1926)	После изменений
Адыгейская АО (включение Майкопа, Гиагинской и др.)	55,7	23,1 (данные 1959 года)
Карачаевская АО (включение части Баталпашинского района)	81,3	60,7 (данные 1933 года)
Черкесская АО (включение части Баталпашинского района)	70,3	38,2 (данные 1933 года)
Кабардино-Балкарская АО (включение Прохладненского района)	76,3	64,1 (данные 1935 года)
Северо-Осетинская АО (включение города Орджоникидзе)	84,2	50,3 (данные 1934 года)
Чеченская АО (включение города Грозного и Сунженского округа)	94,0	64,0 (данные 1930 года)

Сдвиги в политическом содержании института автономий обуславливают то, что включение русских районов в их пределы не сопровождается возникновением явных иерархических отношений между титульными группами (номинальными субъектами автономий) и русским населением. Режим коренизации и этнические преференции, встроенные в прежнюю модель, уже не работают, и русские воспринимают национальные автономии как административно-территориальные единицы — части единого политического пространства страны.

¹ Титульной группой для Адыгеи и Черкесии отмечены адыгейцы, черкесы, кабардинцы и абазинцы, для Кабардино-Балкарии — кабардинцы и балкарцы.

Сами автономии заинтересованы в территориальных приращениях как по экономическим, так и культурно-символическим причинам. Обретение новых хозяйственных возможностей и столичных городов открывает новые перспективы для национальных элит и административных бюрократий.

Таким образом, к середине 30-х годов, вполне укоренившись в национальных областях, советская система отбрасывает идеи автономизации и коренизации как отжившее политическое орудие. Происходит поворот от коренизации к уместной для новой эпохи социализма социально-экономической целесообразности. Экономическое укрепление автономий сопровождается кадровым укреплением их администраций и развертыванием репрессий, направленных на культурно-идеологическую гомогенизацию страны.

В 1938 году миноритарные языки переводятся с латиницы на кириллицу (абхазский и осетинский в Грузии — на грузинскую графику). В Европе уже марширует фашизм, и в СССР идея мировой революции окончательно уступает место стратегии советской державной консолидации. При этом автономии не только не упраздняются, но часть из них даже формально выводится на более высокий уровень национально-государственного развития. В 1936 году вместе с принятием новой советской Конституции и во многом в соответствии с различиями своих экономических возможностей Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия получают статус АССР, самостоятельно представленных в составе РСФСР, а Адыгея, Черкесия и Карачай остаются автономными областями, включенными в русские административные края. Одновременно национальные районы постепенно упраздняются, хозяйственно и административно растворяясь в соседних русских районах.

Административная композиция русских округов Северо-Кавказского края также пре-

терпевает серьезные изменения. В июле 1930 окружное звено упраздняется, а территория края — за исключением автономных областей — разбивается на 87 сельских районов и 10 городов. Административный акцент на районном звене связан с задачами проведения коллективизации. Однако слабая управляемость таким числом районов, бюрократизация и отрыв районного звена от краевого управления создают серьезные проблемы. Включение в 1931 году в состав края Дагестанской АССР только приближает его необходимое разукрупнение.

В январе 1934 году происходит разделение края на Азово-Черноморский край и Северо-Кавказский край (центр — Пятигорск, с января 1936 по май 1937 — Орджоникидзе). В 1936 году, после повышения конституционного статуса трех автономий до уровня автономных республик, они выводятся вместе с Дагестанской АССР из состава Северо-Кавказского края (с марта 1937 переименован в Орджоникидзевский). Центр края, оставшийся в декабре 1936 вне его территории, переносится в Ставрополь (Ворошиловск). Азово-Черноморский край в сентябре 1937 разделяется на Краснодарский край и Ростовскую область (отличие края и области связано с присутствием автономной области в составе края). Таким образом, русский субрегион Кавказа к концу 30-х годов фактически возвращается к прежней революционной административной композиции из трех областей: Кубанской (Краснодарский край), Донской (Ростовская область) и Ставропольской губернии (Орджоникидзевский край).

Устойчивой остается композиция республик Закавказья: границы и территории здесь значительно более связаны с чувствительными сюжетами национально-государственного размежевания. Кроме того, для авторитарного маневрирования здесь нет русских округов с их ресурсами. В конце 1920–30 годы лишь незначительно меняется линия границ, уточня-

ясь по хозяйственному контуру и этническому составу приграничных сел. Появляются анклав типа армянского Арцвашена/Башкенда. В 1929 году по внешнеполитическим основаниям ликвидируется Курдистанский уезд в Азербайджане; вместе с тем исчезает и перспектива самой курдской автономии. В 1931 в Абхазию включена Пиленковская волость — своего рода плата за потерю республикой статуса «договорной» и превращения ее в АССР в составе Грузинской ССР. Наконец, с упразднением ЗСФСР три закавказские республики повышают свой статус до «союзных».

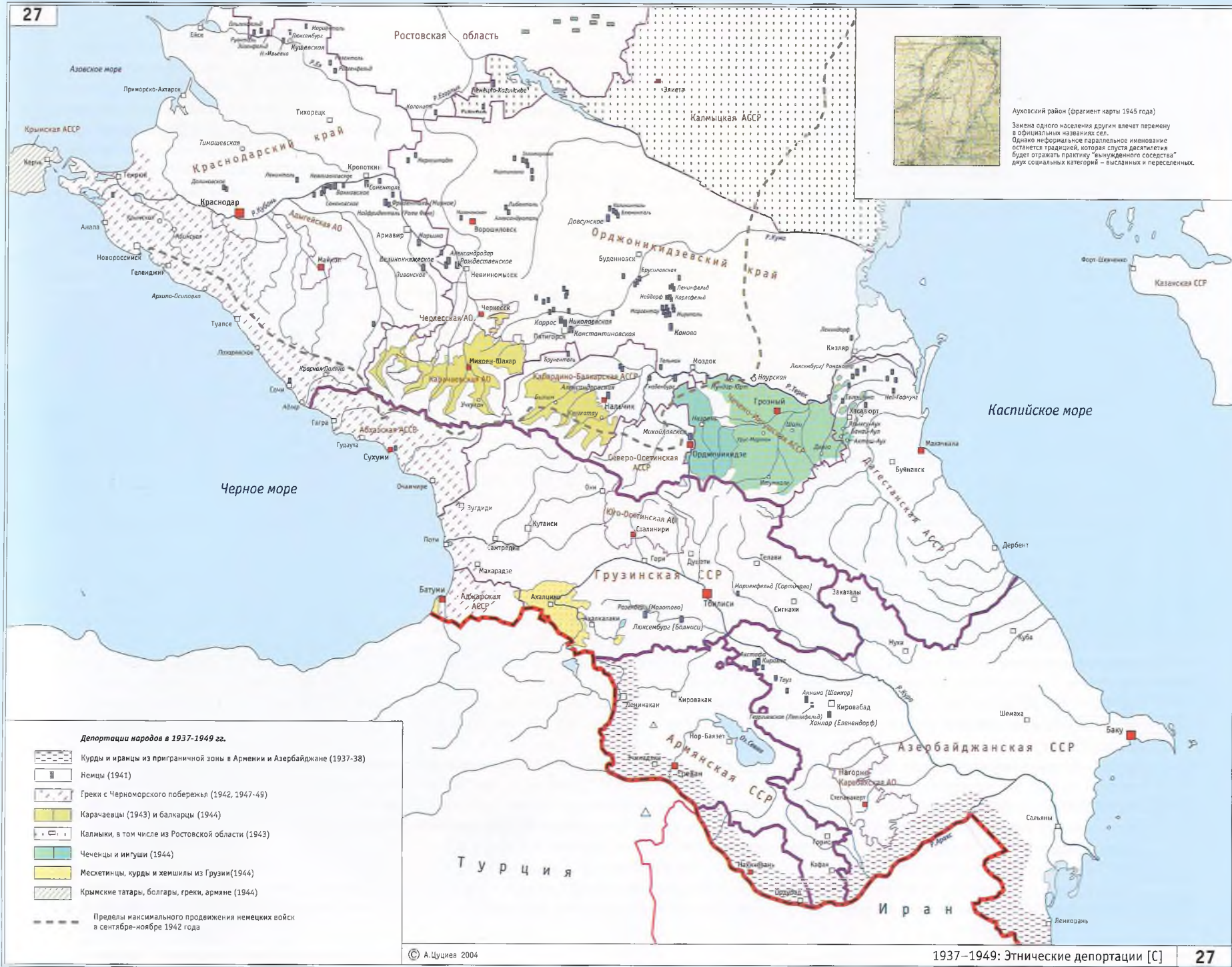
Карта 27 (1937–49)

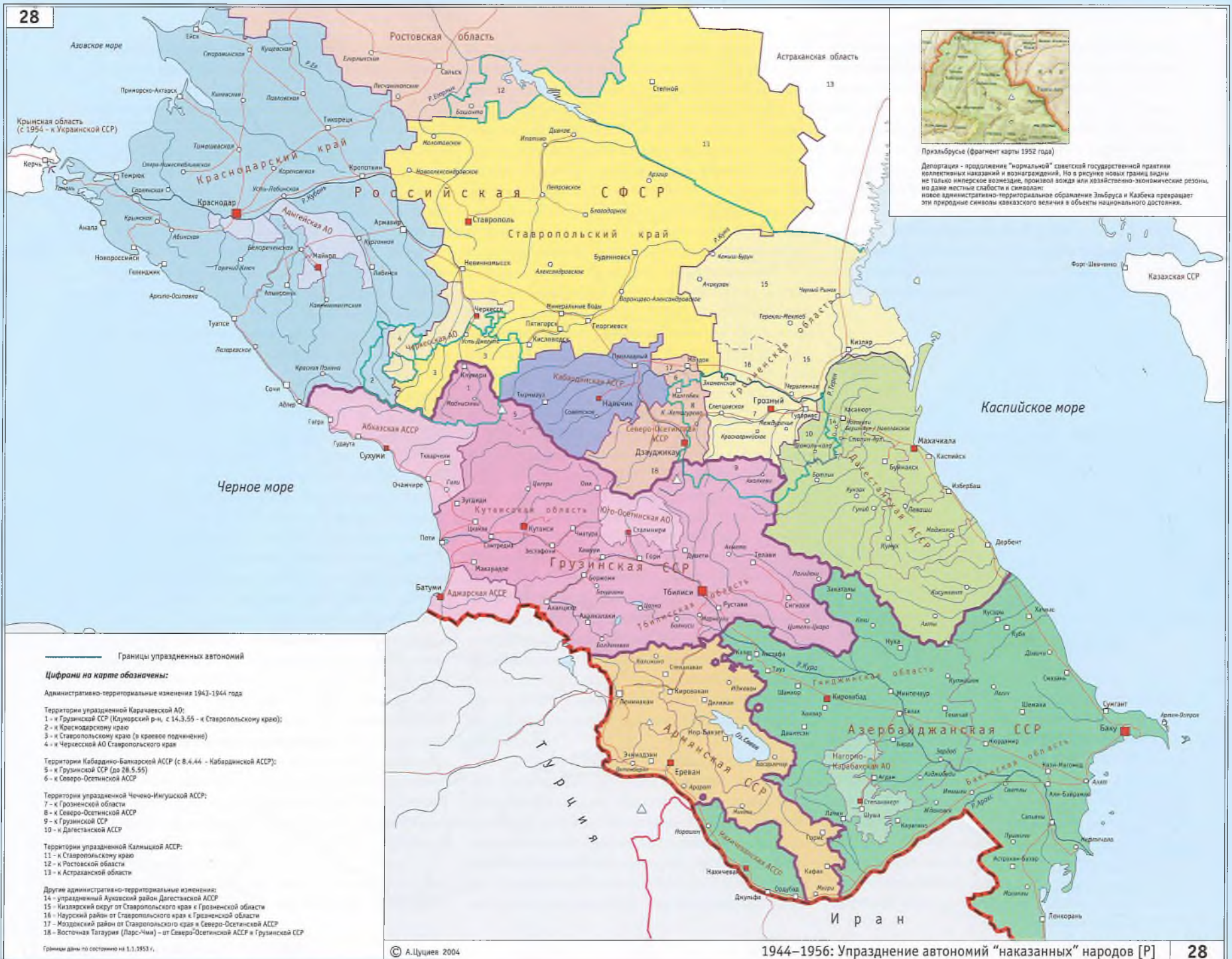
Депортации — война — депортации

Карта 28 (1943–44)

Упразднение нескольких автономий

В тридцатые годы развиваются социальные и внешнеполитические процессы, которые приведут к «депортационным» сдвигам в этнической и административно-территориальной композиции края. Избранные для выселения категории определяются сначала самой логикой строительства социализма советского образца, его масштабными гуманитарными издержками, а затем и последствиями социальных потрясений тридцатых годов в великом военном противостоянии СССР и Германии.

Приэльбрусье (фрагмент карты 1952 года)

Депортация - продолжение "нормальной" светской государственной практики коллективных наказаний и возмездий. Но в рисунке новых границ видны не только имперские возмездия, провозвод вождя или хозяйственно-экономические резоны, но даже местные слабости и символы: новое административно-территориальное обрамление Эльбруса и Казбека превращает эти природные символы кавказского величия в объекты национального достояния.

Коллективизация как один из таких социальных процессов «создает» кулачество в качестве очередной категории, угрожающей успеху советского строительства. Именно кулачество становится первым коллективным объектом масштабных репрессий 30-х годов. Удаление данной категории из социальной структуры обеспечивается депортацией в 1930–33 десятков тысяч семей в отдаленные регионы Урала и Сибири. Коллективная ответственность определена здесь по социальному адресу, так же, как это было в случае с казачеством в годы Гражданской войны. Но социальные категории не являются единственным типом коллективных агентов, обретающих свои государственно-обусловленные роли. Другим типом на Кавказе изначально были определены или самоопределились национальные группы. Их коллективная субъектность — вместе с их общими привилегиями и ответственностью — прочно встроена в советское мировосприятие и политику.

Пограничные «превентивные депортации»

С началом колхозного эксперимента и организованным голодом во многих аграрных регионах СССР серьезно ослабевает притягательность страны как модели социально-экономического и политического развития. Потеря страной этого модельного статуса и ухудшение международного положения во многом изменяет и социальную функцию внешних границ советского государства. Стремление обеспечить их миграционную непроницаемость и военные соображения обуславливают начало серии пограничных депортационных «зачисток». Среди политических неблагонадежных элементов — этих групп риска — оказываются иностранные граждане и граждане СССР, имеющие «внешнее отечество» по ту сторону границы. Первыми этническими депортантами становятся поляки на западной границе

страны и корейцы на Дальнем Востоке. На Кавказе первая депортация связана с выселением в 1937–38 годах курдов (1,3 тыс.) и иранцев (6,7 тыс.) из приграничной полосы в Азербайджане и Армении.

Военные «превентивные депортации»

Начало Великой Отечественной войны определяет новую категорию для коллективного наказания — это советские/российские немцы. В сентябре-октябре 1941 осуществляется их выселение с территорий Кавказского региона, в том числе: 23,6 тыс. — из Грузии, 22,8 тыс. — из Азербайджана, 0,2 тыс. — из Армении, 33,3 тыс. — из Ростовской обл., 5,3 тыс. — из КБАССР, 2,9 тыс. — из СОАССР, 35,5 тыс. из Орджоникидзевского края и 34,3 тыс. — из Краснодарского края. В апреле 1942 выселяются греки с Черноморского побережья. Вероятное основание, использованное в качестве причины их выселения, — «хозяйственный» коллаборационизм греков с немецкими оккупационными властями в Крыму.

«Депортации возмездия»

Прямые обвинения в иной форме коллаборационизма — «политическом бандитизме» — предъявляются в 1943–44 годах сразу нескольким национальным группам. Карачаевцы и балкарцы обвиняются в прямом пособничестве врагу: предоставлении наступающим немецким частям проводников на горные перевалы и помощи в уничтожении советского партизанского движения. Осенью 1943, спустя несколько месяцев после разгрома немецких войск под Сталинградом и их вытеснения с Кавказа, проводится тотальная депортация карачаевцев. В марте 1944 года выселяются балкарцы, составляющие с карачаевцами одну этнокультурную группу. Всего депортировано 69,3 тыс. карачаевцев и 40,7 тыс. балкарцев. Совет-

ское депортационное возмездие затрагивает еще один народ, обвиненный в «пособничестве врагу» — калмыков. В декабре 1943 года из Калмыцкой АССР и марте 1944 года из Ростовской области выселяются 107,3 тыс. калмыков.

Зимой 1943–44 годов НКВД готовит операцию по выселению чеченцев и ингушей. В отличие от карачаевцев и балкарцев, вайнахам предъявлено обвинение в тыловом (Чечено-Ингушетия не была оккупирована) и даже в довоенном бандитизме. Очевидно, что особый проблемный характер интеграции вайнахов в советскую реальность начал формироваться еще в довоенные годы, в период принудительной коллективизации и борьбы с религией. Народы Кавказского региона втягиваются в историческую орбиту советского государственного социализма, обладая различными внутренними социальными кондициями. Тип социальной структуры, характер внутренней социальной организации серьезно влияют на формы адаптации этих народностей к новым советским экспериментам и потрясениям. Отсутствие или слабость просоветской элиты внутри некоторых из этнических групп создает ситуацию постоянного кризиса в отношениях между властью и этими группами, а эксцессы коллективизации и борьбы с религией лишь усугубляют зреющий конфликт. По ходу репрессий против «кулацко-мульских элементов» в 30-е годы устойчивость советской власти на территории Чечено-Ингушетии становится все более сомнительной. Удары по органичной и далеко не советской социальной и культурной элите вайнахов, приводят к радикальному ослаблению среди них лояльности в отношении советского государства. Еще до начала войны на территории автономии формируются очаги активного противостояния власти, созревает инфраструктура и идеология антисоветского повстанчества. Война 1941–45 годов и приближение германских армий лишь способствуют активизации этого повстанче-

ства, которое в 1944 году становится «основанием» для предъявления всему чечено-ингушскому населению коллективного обвинения и его тотальной депортации. 23 февраля 1944 начинается операция НКВД «Чечевица», в ходе которой высланы 387,2 тыс. чеченцев, включая чеченцев-аккинцев из Ауховского района Дагестанской АССР, и 91,3 тыс. ингушей.

Послевоенные «превентивные депортации»

Выселение турок-месхетинцев осуществляется еще во время войны — осенью 1944 года, но связано оно, вероятно, с подготовкой возможного военного удара по Турции. В ходе новой зачистки советско-турецкой границы осуществляются депортации не только тюркоязычных месхов (79,2 тыс.), но также курдов (8,7 тыс.) и хемшилов (1,4 тыс.) из Месхет-Джавахетии и Аджарии. В течение нескольких послевоенных лет с Черноморского побережья и из республик Закавказья осуществляется выселение «дашнаков», турок и греков (имеющих или бывших ранее в греческом подданстве, в том числе 8,3 тыс. из Краснодарского края и 16,4 тыс. из Грузии).

Депортации серьезно изменяют состав населения многих районов Кавказа и сопровождаются изменением его административно-территориальной композиции. За тотальным выселением титульных национальных групп Чечено-Ингушской, Карачаевской и Калмыцкой автономий следует ликвидация этих образований и расчленение их территорий.

• Территория упраздненной 12 октября 1943 года Карачаевской АО разделяется на четыре части. Учкуланский и часть Микояновского района отходят к Грузии (образуя Клухорский район); Усть-Джегутинский, Мало-Карачаевский и Зеленчукский районы остаются в составе Ставропольского края; бассейн Большой Лабы — в состав Краснодарского края; и оставшаяся часть со станицей

Преградной — в состав Черкесской АО Ставропольского края.

- Территория упраздненной 27 декабря 1943 года Калмыцкой АССР разделена между новообразованной Астраханской областью и соседними Ставрополем, Сталинградской и Ростовской областями.
- Территория упраздненной 7 марта 1944 года Чечено-Ингушской АССР разделяется на четыре части. Центральные районы сначала образуют Грозненский округ (в составе Ставропольского края), но уже 22 марта 1944 вместе с Кизлярским округом и Наурским районом составляют новообразованную Грозненскую область. Остальная территория отходит к соседним Северо-Осетинской и Дагестанской АССР, а также Грузинской ССР.
- Выселение балкарцев влечет за собой преобразование 8 апреля 1944 года Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР и передачу балкарского Приэльбрусья в состав Грузинской ССР.

Соответственно их административному разделению, опустевшие территории упраздненных автономий в организованно-принудительном порядке заселяются жителями соседних регионов и переселенцами из других областей СССР. В Карачай и Приэльбрусье переселялись сваны, в западные районы Чечено-Ингушетии — осетины (как из Северной Осетии, так и осетины из Грузии), в южные районы Чечено-Ингушетии — хевсур и тушины, в восточные — аварцы и даргинцы. Бывшие чеченские (аккинские) села на территории самого Дагестана (упраздненный Ауховский район) заселяются лакцами и аварцами. Греческие села в Абхазии и месхетинские в Месхет-Джавахетии заселяются преимущественно грузинами. Грозненская область заселяется переселенцами из многих областей Центральной России.

Карта 29 (1957)

Возвращение высланных народов и восстановление их автономий

За послевоенное десятилетие в пределы упраздненных автономий и других депортационных районов были переселены десятки тысяч человек. Проводя коллективные репрессии по национальному признаку, государство внятно отделяет одну категорию народов — «наказанных», — от остальных, составляющих прочную «семью советских народов». Наказанные народы исчезают из социальной реальности и истории. Следы их присутствия изымаются из печатной и ландшафтной памяти — из энциклопедий и топонимики. Институционально определенная и идеологически обоснованная дискриминация углубляет отчуждение между народами: для одних советское государство действует как враждебная сила, для других это же государство выступает как орудие справедливого возмездия. Позже, когда наступит время десталинизации и возвращения высланных групп домой, это отчуждение станет одной из главных линий межэтнической напряженности. Депортация серьезно осложнит и без того непростые отношения между репрессированными и переселенцами. Советское государство, вовлекая тысячи семей в хозяйственно-поселенческое освоение депортационной территории, переносит на них и свою ответственность за совершенные политические преступления, делает их заложниками будущих конфликтов.

После смерти Сталина и смещения Берии центральные партийно-государственные органы начинают пересматривать решения, принятые по депортациям различных категорий населения. В 1955–56 году снимаются ограничения в правах с этнических ссыльных. Они

освобождаются из-под административного надзора органов МВД. Хотя реабилитация опирается на правовые основания, связанные с невиновностью подавляющего большинства репрессированных и незаконностью их высылки, но мотивирует ее общий политический курс советского руководства на восстановление и укрепление «социалистической законности». Реальная реабилитация, опирающаяся во многом на собственные усилия высланных групп, оказывается ограниченной комплексом конъюнктурных политических резонансов и хозяйственно-экономических соображений властей различного уровня.

Первоначально реабилитация даже не предполагала возвращения ссыльных на родину (в частности, обсуждалась перспектива создания Чечено-Ингушской автономии в пределах Казахстана, фактически — в районах ссылки). Нежелание властей — как союзных, так и региональных — санкционировать возвращение немцев, связано во многом с политическим решением о невозможности восстановления поволжской автономии немцев как «исторически не принадлежащих к коренным народам». Сказалось и нежелание властей терять более 1 млн. дисциплинированного населения с развитой культурой аграрного труда в районах освоения целины. Лишь в 1972 с немцев будут сняты ограничения в выборе места жительства. Судьба крымских татар оказалась увязана с общесоюзного значения военным и рекреационным статусом Крыма. Сдержанность союзных властей в принятии решений по возвращению кавказских групп связана с другим обстоятельством — с риском межэтнических эксцессов между ссыльными и поселенцами на Кавказе, а также с вероятной необходимостью проводить обратные переселения последних. Однако фактически уже начавшийся отъезд чеченцев, ингушей и представителей ряда других групп из районов ссылки на родину вынуждает власти к осени 1956 года перейти к восстановле-

нию ликвидированных автономий. 9 января 1957 года указами Президиума Верховного Совета СССР большинство из депортированных национальных групп получает разрешение вернуться на родину. Теми же правовыми актами восстанавливаются Чечено-Ингушская АССР и Калмыцкая автономия (с 1958 — АССР). Кабардинская АССР преобразуется в Кабардино-Балкарскую АССР, а Черкесская АО — в Карачаево-Черкесскую АО (что восстанавливает статус балкарцев и карачаевцев как титульных групп, обладающих своей национально-территориальной автономией).

Государство восстанавливает «наказанные» национальные группы в их статусе лояльных советских народов, предоставляет средства на обустройство хозяйством и жильем (там, где оно было утрачено или не было возвращено). Переселенцы начинают покидать депортационные районы, переходящие в состав возрождаемых автономий. Но это восстановление автономий в 1957 не сопровождается полным возвращением административно-территориальной композиции к положению на 1943–1944 годы.

♦ Карачаевская автономия восстанавливается в форме объединенной Карачаево-Черкесской АО, с включением полосы казачьих станиц от [Баталпашинской] до Преградной. Границы КЧАО в целом совпадают с внешними границами Черкесской и Карачаевской АО на 1943 год. Восстановление автономии в таком виде связано с хозяйственно-экономической интеграцией этих районов Ставрополя и расселением значительной части карачаевцев (еще до войны) вне нагорной полосы.

♦ В восстанавливаемой КБАССР балкарские районы оказываются включены в более обширные районы с преобладающим кабардинским населением. Таким образом, внутреннее административное деление республики также перестает следовать этническому принципу и опирается на принципы экономического районирования.

♦ Часть бывшего Курпского района (со смешанным этническим составом) остается в составе Моздокского района СОАССР.

♦ При восстановлении ЧИАССР в ее состав не возвращена часть Пригородного района, входившая в пределы Чечено-Ингушетии до 1944 года. Эта часть, примыкающая к Орджоникидзе, столице СОАССР и хозяйственно связанная с городом, оставлена в составе этой республики. Сюда перемещаются осетины-переселенцы из других районов, передаваемых в ЧИАССР. Одновременно предпринимаются административные меры, ограничивающие возвращение в Пригородный район ингушского населения. В составе Северной Осетии оставлен также узкий перешийек, связывающий ее основную территорию с Моздокским районом, который после возвращения Чечено-Ингушетии Малгобекского и Назрановского районов мог оказать анклавом.

♦ В пределах восстанавливаемой Чечено-Ингушетии оставлены Наурский, Шелковской и Каргалинский районы упраздненной Грозненской области с казачьим и ногайским населением, экономически тяготеющие к Грозному — столице ЧИАССР. Ачикулакский и Каясулинский районы упраздненной Грозненской области включены в состав Ставропольского края, а Караногайский, Кизлярский и Крайновский — в состав Дагестанской АССР. Тем самым территория бывшего Кизлярского округа оказалась административно расчлененной между Дагестаном, Чечено-Ингушетией и Ставрополем.

♦ Не был восстановлен Ауховский (чеченский) район Дагестанской АССР, созданный в конце 1943 года и ликвидированный вместе с депортацией чеченцев. В 1957 году власти предпочли не затевать кампании по обратному переселению лакцев и аварцев, предоставив аккинцам возможности обустройства в соседних районах Дагестана и одновременно

ограничивая их возвращение в бывший Ауховский (Новолакский) район.

После 1957 года, помимо немцев и некоторых других групп, в районах высылки остается значительная часть депортированных [турок-]месхетинцев. Снятие административных препятствий в возвращении на Кавказ коснулось лишь тех из них, кто еще до депортации официально значился азербайджанцем: осенью 1957 им было предоставлено право переселиться на территорию Азербайджанской ССР. В указе союзного Верховного Совета содержится ссылка на основания для такого решения — заявление правительства Грузинской ССР об «отсутствии возможностей к размещению и устройству» месхетинцев в районах, откуда они были высланы. Политика региональных властей, таким образом, активно включена в определение общего рисунка реабилитационной кампании 1956–57 годов. Ограниченность этой реабилитации связана с ограниченностью самой социалистической законности. Но еще более — с сохранением подхода к этническим группам как категориям различного уровня лояльности и, соответственно, как объектам политических калькуляций в стратегиях поддержания «предпочтительного» этнодемографического баланса. Этот баланс не звучит в качестве явного административного принципа, но его противоречивое использование читается как в союзной, так и региональной политике. Власти нацелены к общей эффективной реинтеграции групп в доминирующую советскую культуру/общество, будь это включение проведено в Казахстане или на Кавказе (отсюда комбинация элементов позитивной дискриминации прежних этнических ссыльных и некоторых ограничений в их правах). Но одновременно власти стремятся сократить риски, связанные с проблемной реинтеграцией на конкретных территориях — вплоть до прямого недопущения высланных в родные села в тех случаях, где это чревато активным противостоянием с но-

вым населением (фактически создается «черта оседлости» на местном уровне).

Несмотря на определенные сложности при возвращении репрессированных народов домой¹, советскому государству удается в целом сохранить стабильность и с 1960-х годов приступить к разворачиванию новой политической доктрины — строительству «единого советского народа».

Карта 30 (1958–1991)

Устойчивость и противоречия «развитого социализма»

Отличительной чертой данного этапа является устойчивость административно-территориального деления региона². С 1958 года и до конца советской эпохи на Кавказе не происходит каких-либо политических существенных изменений внутренних границ. Меняется лишь композиция административных районов в самих республиках, краях и областях в русле различных общесоюзных хозяйственно-политических кампаний (как это было, в частности, в период хрущевских экспериментов с перестройкой управления народным хозяйством по производственному принципу в 1963–65 годах).

¹ В частности, следует упомянуть «Грозненские события 1958 года», когда часть русского населения выдвигала требования об отделении Грозного от ЧИАССР и/или воссоздании Грозненской области.

² Одна из последних советских поправок в административно-территориальное деление Кавказа — расширение в 1962 пределов Адыгейской АО: включение предгорной/нагорной части бассейна реки Белой (со станциями Тульской, Курджипской, Каменноостской, Дагестанской, Даховской и Севастопольской) и части Кавказского климатического заповедника.

Укрепляя социально-экономическую инфраструктуру регионов, в том числе и национально-государственных образований, государство одновременно стремится снизить политический вес региональных границ. Их устойчивость позволяет поддерживать иллюзию их нарастающей условности. На политическую повестку дня в СССР выносятся вопросы о становлении единого советского народа как этнополитической общности (нации). В этом контексте все национально-административные границы должны постепенно потерять свое значение неких территориальных рамок для проведения специфической культурной и языковой политики. Однако вместе со стратегией формирования единого советского народа развиваются процессы, которые оставляют этот единый народ во многом лишь идеологической иллюзией, исторически уязвимым национально-государственным проектом. Данный гражданский проект, будучи тесно связан с идеологическим ядром «реального социализма», оказался заложником исторической несостоятельности самой советской модели общественного и экономического развития.

Одно из противоречий периода «развитого социализма» выражается в том, что стратегия упрочения единства советского народа, содержащая элементы унификации в сфере образования и культуры, развивается одновременно с постепенным наращиванием значения национальной принадлежности и института «тительности». Русификационная волна длится с начала 1960-х годов и уже к 1977 году — времени принятия новой Конституции СССР — речь будет идти о законодательном признании за русским языком статуса единственного официального языка на всей территории страны. В то же самое время государство стремится к углублению интеграции меньшинств в общесоветскую гражданскую общность с русским культурным ядром и активно способствует подъему образовательного и жизненного уровня населения

Российская СФСР

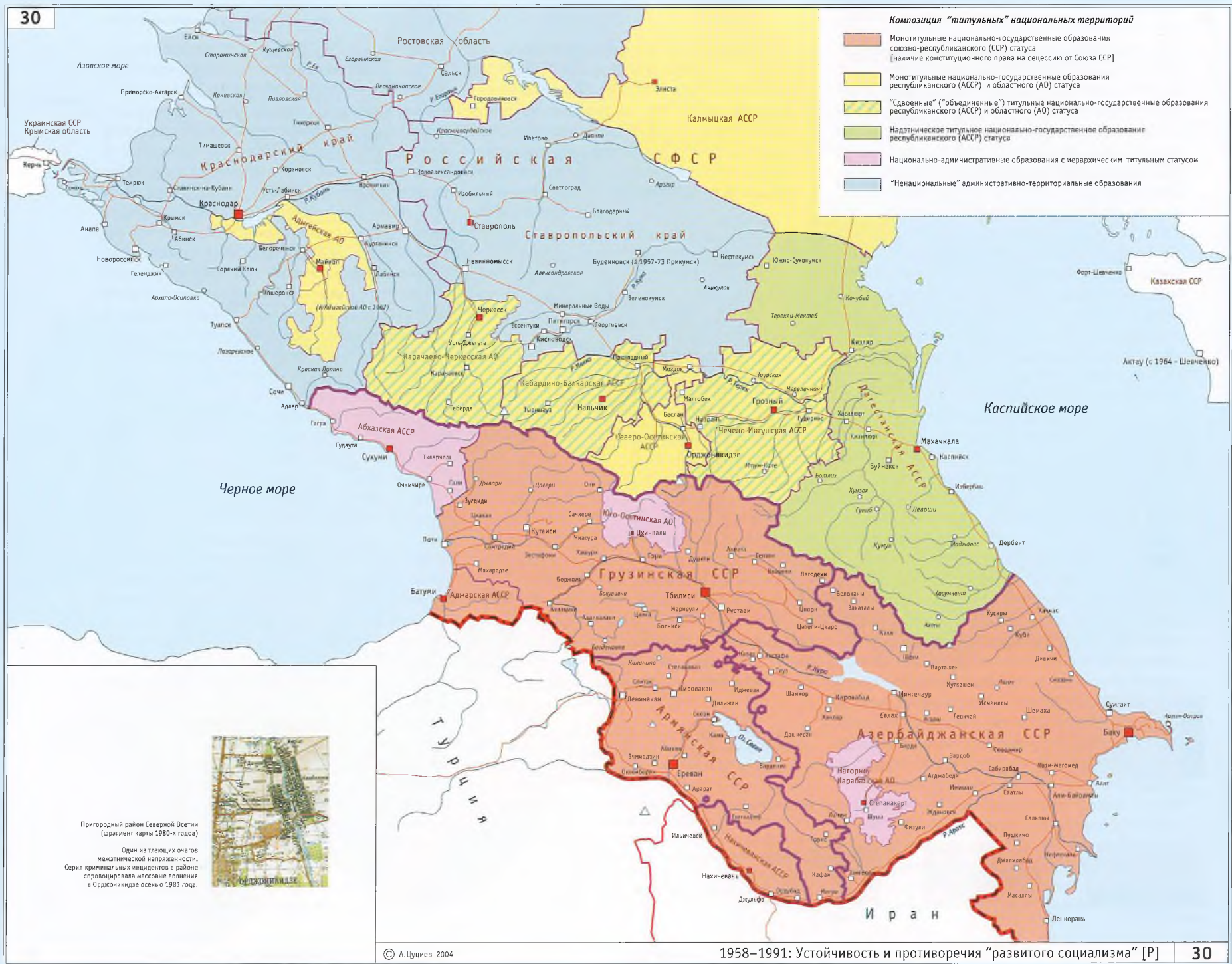
Азербайджанская ССР

Армянская ССР

Грузинская ССР

Пригородный район Северной Осетии (фрагмент карты 1980-х годов)
 Один из тлеющих очагов межэтнической напряженности. Серия криминальных инцидентов в районе спровоцировала массовые волнения в Орджоникидзе осенью 1981 года.

национальных республик. Расширенное воспроизводство советизированных национальных элит, которые станут позже «носителями национального суверенитета», — один из эффектов такой стратегии. В этих элитах развиваются противоречивые рефлексии над траекториями своей внутрисоветской судьбы, расширяется поле/интенсивность неформальной этнической конкуренции в структурах властного и духовного производства.

В целом данный этап в истории Кавказа выступает как тщательно контролируемое сползание к коренизации, где роль коренных управленческих кадров играют представители титульных групп, прошедшие селекцию в системе партийных/комсомольских школ и освоившие базовые навыки партийно-советской управленческой культуры, в частности навыки использования этничности как инструмента политической власти. Советское государство стремится создать приемлемую для себя национальную бюрократию/интеллигенцию и опереться на них в контроле и поглощении национальной периферии. Однако этот контроль имеет своей оборотной стороной усиление политического влияния представителей титульных этнических групп и усиление самого института титульности — системы неформального обеспечения приоритета коллективных прав одних групп над подобными правами других.

В конце 1970–80 годы титульные группы начинают более определенно мыслить себя и свои республики в качестве национальных протополитий. Блокируя издержки такой тенденции, союзные власти склоняются к тактике полуофициального квотирования как способу поддержания внутриаппаратного этнического баланса. Но тем самым государство еще больше акцентирует значение этничности в качестве критерия негативной или позитивной дискриминации. И федеральный проект (стремящийся к кадровому этническому балансу),

и местные национальные бюрократии придают национальной принадлежности значение важнейшего ресурса/препятствия в вертикальной мобильности. Национальная принадлежность все более превращается в весомую характеристику в коллективном и индивидуальном соперничестве за престижные аппаратные должности или за выгодные позиции в иерархических конструкциях распределительной экономики.

В течение значительного времени советскому государству удается не допускать коллизии между двумя проектами национально-этнического строительства — общесоветским и этнонациональным (выраженным в терминах «созревания социалистических наций»). Национально-государственная зрелость этнических наций в СССР остается лишь потенциальной угрозой для целостности страны — пока сохраняется доктринальная энергетика коммунистической идеологии и относительная эффективность центральных институтов государственной власти. Кризис идеологии, ее легитимирующей функции, а затем и нарастающая дезинтеграция центральных институтов влекут за собой разрушение единого идентификационного поля советских народов.

К концу 1980-х годов начинают обостряться противоречия в нескольких зонах потенциального этнополитического соперничества. Состав и типология этих зон определяется прежде всего претензиями двух или более этнических групп на исключительный *статус титульного народа* в пределах одной и той же территории. «Титульность» означает обладание институционально оправданным советской системой, но и вполне неформальным, контролем над органами власти в республике, наличие «контрольного пакета властных акций» на данной территории. Титульное перетягивание усугубляется наличием у групп-соперников конфликтных версий национальной истории, в которых утверждаются взаимоис-

ключающие представления об «исторических, исконных территориях», о первовладении этими территориями и т.д. Обладание *статусом коренного народа* предъясняется как историческое обоснование претензий на статус титульного народа. Наконец, третий коллективный ресурс в статусном соперничестве — обладание численным большинством на данной территории. *Статус большинства* позволяет рассматривать зреющие в надеждах горбачевской перестройки демократические процедуры как важный механизм защиты коллективных этнических прав.

В Кавказском регионе, чья административно-территориальная композиция складывалась как неоднозначный итог различных эпох и стратегий национально-государственного упорядочения, обнаруживается целая сеть потенциальных статусных противоречий.

- ♦ Моно-титульные административные территории (автономии/республики с одной титульной группой). Вызов их легитимности, в виде оспоренных границ или статуса отдельных районов, предъясняется со стороны групп, считающих себя коренными, но несправедливо лишенными титульного статуса [ингуши в Северной Осетии, отчасти в Чечено-Ингушетии], или групп, составляющих большинство, но также лишенных титульного статуса (и соответствующего доступа к власти) [русские в Адыгее].
- ♦ Паритетные («объединенные») титульные территории с двумя титульными группами. Противоречия возникают между титульными группами относительно режима распределения власти в данных автономиях. Демографическое различие между группами придает балансу власти в этих автономиях устойчиво асимметричный характер. Кризис вокруг проблем «паритетности» актуализирует перспективы разделения этих автономий по национальному признаку и вопрос о должных границах такого разделения

[Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Чечено-Ингушетия].

- Надэтническая титульная территория, где имя республики/территории определено не этнически, а ее историко-культурным и ландшафтным своеобразием. Здесь противоречия также формируются вокруг режима распределения власти между этническими группами-субъектами коллективной автономии [Дагестан].
- «Иерархические» титульные территории, когда в пределы национально-государственного образования одного народа входит как подчиненная часть автономия другого народа. Противоречия связаны здесь со стремлениями элит обеих титульных групп достроить свой статус до состояния гарантированного исключительного приоритета на данной территории [Грузия — Абхазия, Грузия — Южная Осетия, Азербайджан — Нагорный Карабах].

Эти зоны статусных противоречий — лишь матрица потенциальных конфликтов. Их эскалация в насильственные формы есть во многом функция активности национальных элит, связана с их собственной структурой и конкретными траекториями утверждения во власти в условиях кризиса и разрушения несущих институтов советского государства к концу 1980-х годов.

Карта 31 (1989–1991)

«Парад суверенитетов»
Панорама этнополитических
противоречий на закате
советской эпохи

Карта 32 (1991-...)

Эскалация вооруженных
конфликтов

Кризис советского государства к концу 1980-х годов сопровождается манифестацией целой серии соперничающих проектов по ревизии политико-административной карты Кавказского региона. Нарастание экономических проблем в стране увеличивает социальный контингент, готовый поддержать желанные перемены под лозунгами защиты «национального суверенитета» или «восстановления исторической справедливости». Моральная катастрофа советского социализма, его институтов и солидарностей обеспечивает широкий идеологический простор для определений исторической и политической картин мира в категориях соперничества этнических групп как субъектов консолидированного действия. Должное будущее рисуется исключительно в терминах защиты интересов таких коллективных субъектов. В частности, для обеспечения этих интересов (интересов «национального расцвета», «паритета», «выживания», «территориальной реабилитации» и т.д.) надлежит изменить административные и политические границы как границы власти и легитимных привилегий.

В общей панораме этнотерриториальных и этностатусных противоречий, определившихся к началу 1990-х годов, можно выделить следующие:

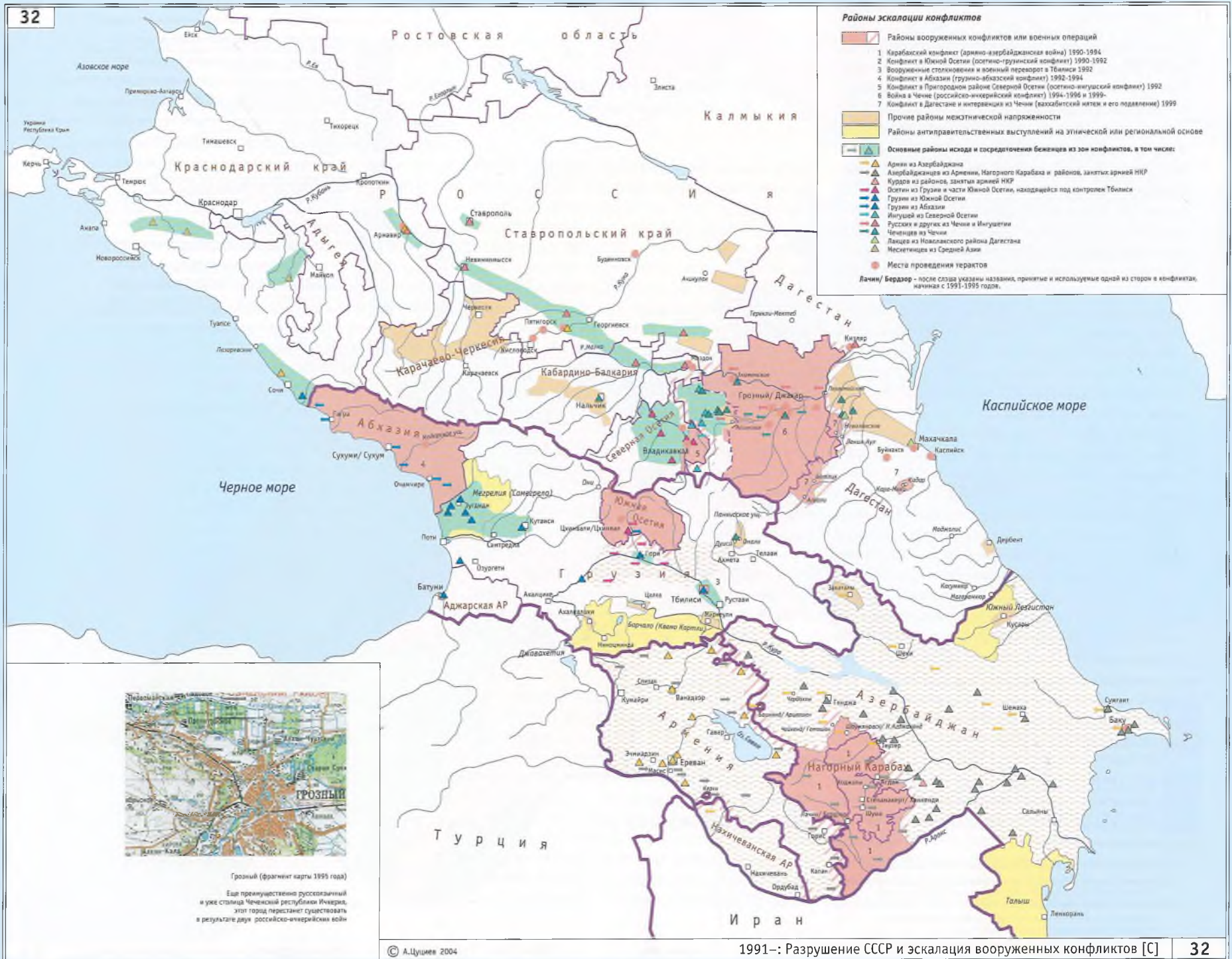
«Шапсугский вопрос», состоящий в стремлении адыгских политических групп, объединенных в общественный парламент — *Адыге Хасэ*, восстановить существовавший в 1924–45 гг. Шапсугский национальный район (или даже образовать национальную республику) с центром в пос. Лазаревском на территории Краснодарского края. Проекти-

рующиеся в 1990 г. пределы Шапсугии охватывают территорию, на которой адыгское/шапсугское население составляет незначительное меньшинство. Данное обстоятельство является одним из основных препятствий на пути реализации идеи национально-территориальной автономии Шапсугии, хотя и не главной. Шапсугия находится в пределах курортной зоны федерального значения. Кроме того, неочевидная траектория распространения и развития такого «восстановительного» прецедента явно ограничивает местные краевые власти в готовности пойти навстречу шапсугам.

Противоречия вокруг территориального состава **Адыгеи**, стремящейся усилиями адыгской политической элиты данной автономии к выходу из Краснодарского края и получившей в 1990 году статус национальной республики. В районах с преимущественно русским населением выдвигаются требования о сохранении этих районов в пределах края. С середины 1990-х годов проекты и риски движения суверенитета Адыгеи за рамки российского национально-государственного строительства сходят на нет. Однако политическая конструкция самой Адыгеи испытывает напряжения, связанные с противоречием между статусом республики как национально-государственного образования и этнической структурой населения, в составе которого титульная группа как «носитель национальной государственности» составляет абсолютное меньшинство.

Конфликтная ситуация, зреющая в **Карачаево-Черкесии** вокруг политико-правового статуса/представительства во власти пяти основных этнических групп, населяющих автономиию. Будучи номинально «двухтитульной», общая автономия испытывает целый комплекс взаимоисключающих статусных претензий. В начале 1990-х годов Карачаевское общественно-политическое движение *Джамагат* требует восстановления отдельной Карачаевской автономии/республики в пределах 1943 года,

включающих земли казачьих станиц. Казачьи организации стремятся к собственному «территориальному самоопределению», нацеливаясь на создание русских автономий (Баталпашинская и Зеленчукско-Урупская республики) или к присоединению районов со станицами к Краснодарскому или собственно Ставропольскому краю. Черкесские/адыгские политические группы нацелены на повышение титульного статуса черкесов и созданию/восстановлению отдельной от Карачая автономии, тем самым, нацеливаясь на преодоление перспективы устойчивого политического доминирования карачаевцев в «объединенной» Карачаево-Черкесии. В свою очередь абазины и ногайцы, формально лишённые статуса титульных групп в автономии, выдвигают требования о создании своих национально-территориальных образований. Нарастающий вал внутреннего этнического самоопределения и связанные с ним конфликтные ситуации отчасти сдерживаются проведенным в 1992 г. республиканским референдумом, в ходе которого 76% проголосовавших высказались за сохранение единой КЧР. Тем не менее политические проблемы, имеющие этнотерриториальную составную, остаются достаточно актуальными и к 2004 году.

В 1990–92 году, в связи с кажущейся вероятной перспективой разделения **Кабардино-Балкарии** по этническому признаку, кристаллизуются кабардино-балкарские территориальные противоречия. Широкий пояс условной границы между горной Балкарией и предгорно-равнинной Кабардой, становится объектом «историко-идеологического» соперничества общественно-политических организаций (Конгресса кабардинского народа с одной стороны и Национального совета балкарского народа и *Тёре*, с другой). Угроза разделения республики провоцирует и казачество в Прохладненском и, частично, в Майском районах на выдвижение требований о пере-

даче территории станиц в состав Ставрополя. В 1991 году формулируется и внешняя территориальная претензия — на южную часть нынешнего Моздокского района Северной Осетии (до 1944 года — часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР). Однако эта претензия остается лишь эпизодом в стабильных отношениях между Кабардино-Балкарией и Северной Осетией. Показательным эпизодом среди проектов ревизии этнополитической картины Кавказа начала 1990-х годов предстают и идеи перекройки двух «адыго-тюркских» республик по этнолингвистическому критерию, то есть проекты образования Карачаево-Балкарской и Адыгской республик (в составе Кабарды, Черкесии, Адыгеи с присоединением Шапсугского района).

К началу 1990-х годов разворачивается ингушское общественно-политическое движение, нацеленное на восстановление/создание отдельной **Ингушской автономии/республики**. Выдвигаются требования о включении в проектируемые границы этой республики части **Пригородного района** и Моздокского районов **Северной Осетии** (частей, входивших в 1924–1944 годах в состав Ингушской АО/Чечено-Ингушской АССР), а также правобережной половины Владикавказа. Этнотерриториальные противоречия между Северной Осетией и образованной летом 1992 года Ингушской республикой достигают своей кульминации в вооруженном конфликте осенью этого же года. Попытка ингушских вооруженных групп установить силовой контроль (т. н. «явочным порядком») над оспариваемой частью Пригородного района сопровождается столкновениями с североосетинской милицией, осетинским населением и завершается введением в зону конфликта федеральной армии. Итоги «недельной войны» составили более 600 погибших и более 40 тыс. беженцев, абсолютное большинство которых ингуши Северной Осетии.

Кризис советского государства позволяет состояться осенью 1991 года чеченской «этнической революции», возглавляемой **Объединенным конгрессом чеченского народа** под лозунгами национального суверенитета/отделения от России, а затем и строительства исламского государства. Становление нового политического режима в **Чечне** сопровождается разрушением социальной инфраструктуры, ростом преступности и исходом нечеченского населения из республики. В декабре 1994 года начинается длящийся и поныне период вооруженного противостояния российского федерального центра и лояльных общероссийскому проекту чеченских сил с одной стороны и структур чеченского сепаратистского режима, с другой. К 2002–2003 году эти структуры выдавливаются в состояние горной и поселенческой герильи, опирающейся на поддержку части местного населения и организационно-финансовую помощь некоторых общественных институтов и политических групп в арабском/исламском зарубежье. Уже первая война в Чечне является самыми тяжелыми по своим гуманитарным последствиям этнополитическим конфликтом в постсоветском пространстве: около 35 тыс. погибших и более 350 тыс. беженцев. Масштабы военно-политической и гуманитарной катастрофы на территории Чеченской республики в 1991–2003... году, скрывают в своей драматической тени целый ряд проектов по ревизии границ этой республики. Вместе с почти полным исходом русских из Чечни, в том числе из ее затерченных Наурского и Шелковского районов, лишаются своей социальной основы требования о возвращении этих районов в состав Ставрополя. Еще раньше, в 1991–1992 году, теряет свою этническую базу политический проект по восстановлению **Сунженского казачьего округа**. Территория, некогда входившая в этот округ, формально оспаривается между Чечней и Ингушетией, но фактически — по принципу преобладающего этнического расселения — яв-

ляется сегодня частью Республики Ингушетия (кроме Ассин[ов]ской и Серноводска).

В начале 1990-х годов в политической повестке возникает вопрос о создании **Ногайской автономии**, включающей все территории Ногайской степи, разделенной с 1957 года между Ставропольским краем, Дагестаном и бывшей Чечено-Ингушетией. Более умеренный проект предполагает создание национальной автономии на основе Ногайского района Дагестана и прилегающей к нему части Ставрополя (бывший Каясулинский район). Вопрос Ногайской автономии в значительной мере питается миграционными процессами внутри Дагестана и существенным изменением этнической структуры левобережных/затеречных районов этой республики. Бывшие некогда преимущественно казачьими (Потеречье) и ногайскими, степные районы нынешнего Северного Дагестана становятся зоной все более внушительного хозяйственно-экономического и поселенческого присутствия выходцев из обществ Дагестана Нагорного. Политической реакцией на эти процессы в конце 1980-х годов становятся проекты образования Ногайской автономии, восстановления Кизлярского округа как территориальной автономии нижнетерского казачества и ногайцев и, как более радикальный вариант, возврат территории бывшего **Кизлярского округа** в состав Ставрополя.

К проектам казачьего и ногайского автономизма/отделения от Дагестана на рубеже 1980-х и 90-х годов примыкает еще ряд проектов по реконструкции всей национально-государственной структуры Республики Дагестан. В 1990 году Кумыкское национальное движение *Тенглик* провозглашает своей задачей «национально-государственное самоопределение **кумыкского народа** в пределах его исторических территорий», на которых проектируется создание автономии или даже самостоятельной республики в составе России. Данные территории определяются как охватывающие

нынешние Бабаюртовский, Буйнакский, Карабудахкентский, Каякентский, Кизилюртовский, Хасавюртовский районы и Махачкалу (более четверти всей территории Дагестана). В 1950–80-е годы состоялось хозяйственно-поселенческое освоение значительных сегментов кумыкской равнины переселенцами из горных аварских, даргинских и лакских обществ. Сегодня территория гипотетической кумыкской автономии — это мозаичный пояс, состоящий из кумыкских, аварских, даргинских, чеченских, ногайских, лакских сел и прикутаных отселков. Если Нагорный Дагестан, с его устойчивой историко-территориальной композицией *джаммаатов*, еще можно в какой-то степени мыслить в категориях размежевания и «этнической кантонизации», то ситуация в равнинном и приморском Дагестане ставит на повестку дня поиск иных моделей дальнейшего развития республики. Дефрагментация этого пояса и сочленение в этнически однородные и компактные образования — затея заведомо катастрофическая по своим последствиям. Именно чересполосное расселение основных этнических групп в равнинной и приморской частях республики и смешанное население городов является важным композиционным фактором для единства Дагестана.

Острой этнополитической проблемой Дагестана в течение всего десятилетия 90-х годов остается «**Ауховский вопрос**», или лакско- и аварско-чеченские противоречия в Новолакском и прилегающей части Казбековского района Дагестана. Чеченцы-аккинцы/ауховцы выдвигают требование о восстановлении Ауховского (чеченского) района в границах 1944 года, когда район был упразднен, а чеченское население депортировано. Более радикальный вариант этих требований состоит в расширении района и его передаче в состав Чеченской республики. Дагестанское правительство в 1992 году принимает решение о поэтапном восстановлении чеченского рай-

она в составе Дагестана и отселении лакцев на другие территории (специально отведенные под новую переселенческую кампанию). Однако финансовые проблемы, а также недовольство кумыкских хозяйств новым изъятием земли под эту кампанию задерживают ее осуществление. Наконец, события августа-сентября 1999 года (ваххабитский мятеж в Цумадинском и Ботлихском районах и последующая интервенция в Новолакском районе, осуществленная с территории Чечни) фактически приостанавливают реализацию правительственной кампании по переселению лакцев.

Трансграничным автономистским/ирредентистским движением, которое в начале 1990-х годов пытается бросить вызов сложившейся политической карте региона, является лезгинский *Садвал*. Его целью провозглашается создание лезгинской национальной автономии/республики в составе Дагестана (или непосредственно России) и включающей лезгинонаселенные районы Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана. Лезгины считают себя «разделенным народом», сохранение историко-культурного единства которого и политическая стабильность в районах проживания которого во многом будут зависеть не только от внутренней национальной политики России и Азербайджана, но от качества взаимоотношений двух государств (включая уровень прозрачности границы для приграничных коммуникаций). «**Лезгинский вопрос**» отражает одну из нескольких этнополитических проблем на Кавказе, выходящих за рамки отдельных государств и связывающих эти государства в общем поле конфликтных ситуаций и их возможных решений.

Одна из таких острых ситуаций складывается в 1988–90 году вокруг политико-правового статуса **Южной Осетии**, разворачиваясь с января 1991 года в вооруженный этнополитический конфликт на ее территории. Назревающая сецессия Грузии от СССР-России и дрейф

грузинской политической элиты к доктрине и практике создания унитарного национального государства в границах Грузинской ССР провоцирует среди этнических меньшинств этой республики проекты ревизии национально-государственного устройства Грузии, а затем и ревизии самих ее внешних границ. Представительная ассамблея (Областной Совет) Южной Осетии провозглашает сначала образование «республики в составе Грузинской ССР», а в сентябре 1990 года, после прекращения грузинским парламентом действия общесоюзных/советских конституционных актов на территории Грузии, в Цхинвали принимается Декларация о национальном суверенитете Южной Осетии и сохранении на ее территории действия союзной Конституции. В декабре 1990 года постановлением парламента Грузии Юго-Осетинская автономная область упраздняется, а 6 января 1991 года грузинская милиция и вооруженные группы различных политических партий Грузии занимают Цхинвали — центр автономии. Эта акция определяет переход конфликта из его политической в военную фазу. Более года длятся вооруженные столкновения грузинских формирований с отрядами осетинской самообороны практически во всех секторах стыка осетинских и грузинских сел на территории автономии и, прежде всего, вокруг Цхинвали (грузинские части были вытеснены из города в марте 1991 года, но сам город был блокирован грузинскими отрядами с севера, юга и востока). Вооруженные действия на территории автономии сопровождаются исходом более 60 тыс. осетин из Грузии и Южной Осетии в Северную Осетию и 10 тыс. грузин из Южной Осетии в собственно Грузию. В июне 1992 года в ходе четырехсторонних переговоров (стороны конфликта плюс Россия и Северная Осетия как посредники) достигается соглашение о прекращении огня, вводе Смешанных сил по поддержанию мира в зону конфликта и началу процесса урегулирования.

Еще ранее юго-осетинского конфликта развивается конфликт в **Абхазии**, имеющий сходную логику своей эскалации (но не генезиса): распад СССР как единой и общезначимо «навязанной» для всех национальных элит картины мира; траектория движения Грузии к унитарному национальному государству, формирование радикального политического режима с идеологией этнического нацистроительства и, как параллельно зреющий процесс, трансформация национальных движений в автономиях Абхазии и Южной Осетии в «статусо-сохраняющие», а значит — сепаратистские в отношении грузинского государства. Политический конфликт в Абхазии переходит в военную фазу 14 августа 1992 года, когда грузинские власти («Госссовет») принимают решение ввести войска на территорию Абхазии. В течение нескольких дней грузинскими вооруженными силами заняты Гали, Очамчира, Сухуми, а также значительный плацдарм в западной Абхазии (от Гагры до Псоу). Эта военная акция сопровождается всеми «гуманитарными издержками», свойственными молодым национальным армиям. Абхазскому сопротивлению удается сохранить за собой Гудаутский район, долину Бзыби, а также анклав вокруг Ткварчели. Через полгода позиционных боев абхазы возвращают себе контроль над Гагрой, а в сентябре 1993 года при активной поддержке добровольцев из России, главным образом, северокавказцев входят в Сухуми и в течение дней занимают остальную Абхазию до Ингури. Только в верхней части Кодорского ущелья, населенной сванами, сохраняется зона контроля официальных грузинских властей. Вместе с отступающей грузинской армией Абхазию покидает более 230 тыс. местного грузинского населения. Соглашение о прекращении огня и введение разделительного российского миротворческого контингента (формально — контингента СНГ) позволяют «заморозить» военную фазу, равно как и сами военные итоги конфликта

1992–93 годов и одновременно создают перспективу для начала переговорного процесса.

Движение Грузии к независимости и перспективы грузинского национального государства определяют в качестве актуального вопрос о том, каким будет режим интеграции в это государство территорий компактного расселения двух наиболее многочисленных меньшинств в республике — азербайджанского (в Квемо Картли/Борчало) и армянского (в Джавахетии). Столкновения в **Борчало** в июне 1989 году удается быстро локализовать по масштабам и последствиям, а после января 1992 года азербайджанское население остается устойчиво лояльным грузинскому государству. В армянонаселенной **Джавахетии** в 1990 годах складывается фактическое самоуправление, хотя административно район поглощен в Месхет-Джавахетском крае с грузинским численным преобладанием. В целом осторожно прагматичная позиция Тбилиси и особенно Еревана в «джавахетском вопросе» удерживают фактическое армянское самоуправление на местном уровне от форсирования претензий на конституционно-правовое оформление в качестве армянской автономии. Аналогичные претензии на тальшскую автономию в Азербайджане в 1990-годы, не имея массовой поддержки и организованного носителя, быстро нейтрализованы властями Баку.

Еще в 1986–87 годах, по мере либерализации политического режима в СССР, в Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и других армяно-населенных районах Азербайджана обостряется статусное соперничество армянской и азербайджанской общин. Эффектом этого соперничества становится институционализация движения («Крунк») за переход армянской национально-территориальной автономии из состава Азербайджанской ССР в Армянскую ССР. 20 февраля 1988 депутаты Областного Совета НКАО принимают решение обратиться с просьбой к властям двух

республик «рассмотреть вопрос» о таком переходе. Последующие столкновения, армянский погром в Сумгаите начинают целую цепь актов взаимного этнически-сфокусированного насилия и массовых изгнаний. В 1988–90 годах происходит исход более 260 тыс. армян из Азербайджана и около 200 тыс. азербайджанцев из Армении и Степанакерта. Союзные власти постепенно теряют возможности для эффективного воздействия на конфликтующие стороны. Ни организационно-политические меры (введение в январе-ноябре 1989 особого управления в НКАО), ни военно-полицейские акции оказываются не способны нейтрализовать поляризацию армянского и азербайджанского населения вокруг взаимоисключающих целей и нарастающее насилие. 1 декабря 1989 года на фоне sporadических столкновений в Нагорном Карабахе и его фактической блокады совместная сессия Верховного Совета Армянской ССР и Облсовета НКАО принимает постановление о присоединении НКАО к Армении — решение, признанное Верховным Советом СССР недействительным. Бакинские события января 1990 года (допущение нового погрома и неадекватное применение войск) окончательно лишают союзные власти необходимого ресурса политической и моральной легитимности в глазах обеих конфликтующих сторон. При этом сами стороны лишаются последних общих институтов, которые могли бы воспрепятствовать эскалации гражданского конфликта в полномасштабную межгосударственную войну. После депортационных операций в Шаумяновском районе, на фоне все более активно вооруженного противостояния в Карабахе и вслед за послепутчевой суверенизацией Азербайджана (31 августа 1991 года) следует суверенизация самой Нагорно-Карабахской автономии. 2 сентября ее Облсовет провозглашает Нагорно-Карабахскую республику (НКР). 26 ноября 1991 года Парламент Азербайджанской республики формально упраздняет автономию,

отряды самообороны которой — как это покажет ближайшее будущее — обретают все большую поддержку Армении, наращивают опыт и ресурсы для эффективного обеспечения фактической независимости Нагорного Карабаха от Баку.

Карта 33

Зона конфликта в Нагорном Карабахе (1988–1994...)

Этническая принадлежность выступает главным критерием для (само)идентификации сторон в этом конфликте и служит «основанием» для мобилизации населения вокруг взаимоисключающих политических, а затем и военно-организационных целей. Этническая солидарность становится не только ясным прогнозом гипотетического референдума на спорных территориях, но весомым военным ресурсом. Сама конфигурация этнического расселения начинает оцениваться в координатах военного противостояния, в котором «свое население» становится удобным для оперирования поселенческим ландшафтом, обеспечивающим серьезные преимущества над «противником». Зоны устойчивого военного или административного контроля в таких конфликтах имеют тенденцию совпасть с ареалами этнического доминирования. Отсюда этнический состав становится объектом прямых военно-полицейских усилий — охранительных или, напротив, усилий депортационных, всегда имеющих трагические гуманитарные последствия (Башкенд/Арцвашен, Чайкенд/Геташен, Ходжалы, Марара). Депортации и война 1990–94 гг. привели к «окончательному» территориальному размежеванию армянского и азербайджанско-

го населения в субрегионе по этническим зонам контроля, завершая, таким образом, становление национальных государств и соответственно двух политических/гражданских наций по жесткому этническому, точнее «взаимоисключающему», основанию (Армения и НКР фактически являются единым целым).

К 12 мая 1994 г., когда противоборствующие стороны заключают Соглашение о прекращении огня, карабахская армия занимает значительную территорию Азербайджана вне пределов НКР: полностью — Кельбаджарский, Лачинский, Зангиланский, Джебраильский, Кубатлинский, большую часть Агдамского и часть Физулинского районов. Из этих районов, покинутых азербайджанским населением (около 350 тыс. чел.), формируется внешний «пояс безопасности» НКР. Под контролем азербайджанских сил остаются восточные окраины Мардакертского и Мартунинского районов бывшей НКАО, а также весь Шаумяновский район. Линия прекращения огня в Карабахе, а также позиции, разделяющие стороны вдоль северного и нахичеванского участков армяно-азербайджанской границы, в течение прошедших десяти лет остаются полосой взаимного отчуждения и полностью блокированных коммуникаций: Армения и НКР с «поясом безопасности» блокированы со стороны Азербайджана и Турции, в свою очередь лишая Азербайджан транспортного доступа к Нахичеванской республике и Турции. В течение десяти лет стороны конфликта остаются практически в полной изоляции друг от друга, ограничиваясь эпизодическими встречами на высшем уровне, контактами в рамках вялотекущего «Минского процесса» урегулирования, встречами гуманитарного профиля (ученые, журналисты, правозащитники) и сотрудничеством в ходе инспекций ОБСЕ за режимом прекращения огня.

С 1992 г. попытки посредничества и урегулирования конфликта предпринимаются в международном формате солидарными и соперни-

чающими усилиями стран-членов т.н. Минской группы ОБСЕ (главным образом, ее сопредседателей — России и США). Позиции сторон в конфликте и сами перспективы его урегулирования касаются нескольких взаимосвязанных проблем, прежде всего, освобождения оккупированных территорий, определения статуса Нагорного Карабаха, разблокирования коммуникаций, возвращения беженцев и социально-экономической реабилитации зоны конфликта. Однако ни «пакетный», ни «позитивный» принцип рассмотрения/разрешения этих проблем не удалось развернуть на практике, а единственным успехом в течение десяти лет после Соглашения прекращения огня остается соблюдение этого соглашения. Стороны до сих пор не могут прийти к компромиссной формуле, определяющей, кто же выступает в качестве таковых сторон в конфликте и кто должен представлять стороны на переговорах. Азербайджан настаивает на том, что стороной конфликта является Армения, а не карабахское армянское население/его автономия. Отсюда конфликт определяется как межгосударственный и территориальный, а Армения — как государство-агрессор, оккупирующее часть территории Азербайджана. Иной вариант азербайджанской позиции — признание Карабаха стороной внутривнутриполитического конфликта, которая должна быть квалифицирована в качестве сепаратистского движения, бросающего вызов принципу территориальной целостности государств. Азербайджанский алгоритм урегулирования включает осуждение/обуздание агрессора (освобождение оккупированных им территорий) в качестве условия, а затем разворачивание самого урегулирования в режиме налаживания отношений между государством и этническим меньшинством (различные формы автономии, включая территориальную, как механизм обеспечения прав армянского населения Карабаха).

Армянская/карабахская сторона оспаривает сам факт пребывания Нагорного Карабаха

в составе независимого Азербайджана, исходя из того, что советские границы Азербайджана, включающие Нагорный Карабах, были упрямлены актом о восстановлении независимости Азербайджанской республики (тем самым, Баку ликвидировал само советское конституционно-правовое основание, позволившее включить в 1921 г. Нагорный Карабах в состав АзССР). Отсюда сторонами конфликта определяются два государства — Азербайджан и НКР, а алгоритм урегулирования предполагает равноправное, не-иерархическое взаимодействие обеих сторон/государств во всех процессах урегулирования. (Номинальное самоустранение Армении как стороны конфликта носит политико-дипломатический характер, но реальная позиция Армении в конфликте изначально встроена в карабахскую позицию).

Определение сторон-в-конфликте имеет непосредственное отношение к ключевой проблеме урегулирования и может восприниматься как фактор, влияющий на перспективу определения взаимного политико-правового статуса Азербайджана и НКР. В перечне обсуждаемых вариантов, в частности: (а) НКР — автономия в составе Азербайджана (позиция Азербайджана); (б) НКР — ассоциированное [государство/территория] с Азербайджаном, или формирование конфедерации с Азербайджаном; (в) формирование «общего государства» Азербайджана и НКР (позиция, поддерживаемая Арменией); (г) НКР — кондоминиум Азербайджана и Армении. С международно-правовой точки зрения, государственный статус НКР и изменение границ Азербайджана образца 1991 года вряд ли будут признаны. Границы постсоветских государств отчетливо «преемственны» границам союзных республик по принципу *uti possidetis*, в соответствии с которым предыдущее административное деление приобретает характер границ, защищенных международным правом, даже если прекращают свое действие правовые акты, неко-

гда определившие данные границы.¹ Наиболее вероятная траектория движения сторон к согласительной формуле по статусу НКР с одной стороны ограничена этим принципом, с другой стороны она ограничена фактической невозможностью интеграции НКР в состав Азербайджана (Степанакерту удастся достаточно эффективно использовать внешнюю поддержку, усилия самого армянского населения Карабаха для воспроизводства устойчивой военно-политической конструкции НКР). Отсюда согласительная формула по статусу будет определяться в рамках между номинальным сохранением территориальной целостности Азербайджана и фактической независимостью НКР от Баку. Такие рамки могут ограничивать/наполнять статус НКР следующими полномочиями: самоуправление; наличие своих вооруженных, затем — только полицейских сил; сохранение ряда внешнеполитических прерогатив (особые отношения с Арменией); право регулировать миграцию; наличие особого карабахского гражданства, сопровождающего общее азербайджанское или наличие двойного гражданства Армении и Азербайджана; фискальная автономия и использование двух национальных валют. Согласование этого пакета полномочий, гарантированных международными соглашениями, могло бы сопровождаться освобождением/демилитаризацией шести из семи занятых карабахскими силами районов Азербайджана (кроме Лачинского) и возвращением туда азербайджанских беженцев.

К проблеме статуса примыкает проблема безопасности, ясно связанная с конфигурацией зон контроля и коммуникаций. Степанакерт отклоняет требования об освобождении заня-

¹ Кроме того, цессия НКАО от АзССР в 1991 г., хотя и проведенная формально на основе союзного законодательства, не была признана ни союзными, ни азербайджанскими республиканскими властями (речь идет о Законе СССР от 3 апреля 1990 г., регулирующий вопросы, связанные с выходом союзных республик из состава СССР).

тых районов вне НКР до выработки адекватных гарантий безопасности. Кроме того, «Лачинский коридор», обеспечивающий прямой доступ НКР к территории Армении, рассматривается армянской/карабахской стороной как стратегический сектор, который не должен находиться под каким-либо контролем Азербайджана. Для решения Лачинской проблемы выдвигаются предложения об обмене территориями (в рамках т.н. «планов Гоббла»¹) и альтернативные предложения о параллельном создании особого режима открытых коммуникаций под международной протекцией в Лачинском коридоре и в секторе Мегринского транзитного «перекрестка». Такое взаимное разблокирование в ключевых узлах могло бы сопровождаться открытием армяно-турецкой и армяно-азербайджанской границ для перемещения людей и товаров. Позитивные сдвиги по проблемам статуса и оккупированных территорий, начало возвращения беженцев и разблокирование коммуникаций открывают возможности общего урегулирования и возвращения беженцев вне зон своего «этнического» контроля/доминирования. Однако сегодня не просматривается перспектива, которая могла бы связываться с возвращением беженцев в зоны «чужого» контроля/юрисдикции и тем более перспектива реинтеграции армян/азербайджанцев в качестве этнических меньшинств в азербайджанскую/армянскую гражданские нации. В ближайшие годы НКР останется самопровозглашенным государственным образованием — реципиентом внешнеполитической поддержки Армении и армянской диаспоры, а сам конфликт имеет все шансы замораживания по «кипрскому» сценарию, в котором стороны имеют минимум взаимных контактов

¹ Предлагается обмен Мегри (открывающий Азербайджану связь с Нахичеванью) на Лачинский коридор; в ином варианте — Мегри на Лачинский коридор плюс сектор в районе Садарака, возвращающий Армении прямой доступ к иранской территории.

как на государственном, так и на обыденном, человеческом уровне.

Карта 34

Зоны конфликтов в Южной Осетии (1990–1992...) и Северной Осетии (1992...)

Военная фаза осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии была завершена в июле 1992 года, когда в соответствии с Сочинским российско-грузинским соглашением от 24 июня 1992 (делегации России, Грузии, Северной Осетии и Южной Осетии) на территории автономии были введены *Смешанные силы по поддержанию мира*, состоящие из российского, североосетинского и грузинского батальонов. Батальоны были размещены в различных секторах ответственности, география которых в значительной степени совпадает с зонами контроля осетинской и грузинской сторон к исходу военной фазы конфликта и, соответственно, со сложившимися — отчасти по ходу вооруженных столкновений и погромов — зонами поселенческого размежевания осетин и грузин в Южной Осетии. Территориальная композиция зон контроля представляет собой «слоеный пирог», где полосы/анклавы грузинского и осетинского контроля соседствуют и чередуют друг друга. Осетинская администрация (Республика Южная Осетия/РЮО) осуществляет функции управления в секторах ответственности российского и осетинского батальонов ССПМ, грузинская (в лице местных органов власти области Шида Картли) — в секторе ответственности грузинского батальона. Де факто сложившаяся практика координации между структурами власти осуществля-

ется как непосредственно между сторонами, так и через Смешанную контрольную комиссию, созданную в рамках Сочинского соглашения и включающую, помимо грузинского и юго-осетинского представительства, российское и североосетинское. СКК выступает также «площадкой» для организации переговорного процесса, в котором стороны конфликта, при посредничестве России и при участии ОБСЕ, стремятся согласовывать дальнейшие шаги на пути к урегулированию и постконфликтному восстановлению.

В течение уже более десяти лет созданная Сочинским соглашением и последующей практикой конструкция по поддержанию мира остается достаточно эффективным механизмом, позволяющим не допускать какой-либо эскалации насилия в Южной Осетии. Межэтническая напряженность в зоне конфликта значительно ослабла, и к настоящему времени (апрель 2004) население свободно и без опасений перемещается по обоим условным этническим секторам и вне их границ. Местная экономика складывается вокруг транзитной Транскавказской автомагистрали, соединяющей Россию с Закавказьем и позволяющей Южной Осетии интегрироваться в хозяйственно-экономические связи Юга России. Бюджет непризнанной Республики Южная Осетия в значительной степени формируется функционированием этой дороги, а также финансовой поддержкой Российской Федерации. Неформальная хозяйственная и финансово-экономическая интеграция Южной Осетии в Россию сопровождается отчасти и гражданской интеграцией: абсолютное большинство осетинского населения РЮО являются гражданами РФ. Для всех жителей Южной Осетии сохраняется безвизовый режим пересечения российской границы. Таким образом, к настоящему времени РЮО существует как фактический российский протекторат в международно-признанных границах Грузии.

Проблемы и перспективы урегулирования конфликта связаны во многом с траекторией трансформации фактически сложившейся конструкции власти (две зоны контроля, в одной из которых сформированы и действуют органы государственной власти, не признающие юрисдикцию грузинского государства и являющиеся преемственной формой самоуправления Южной Осетии). Позиции сторон конфликта по вопросу о статусе Южной Осетии весьма далеки от компромиссной модели, создавая серьезный риск для продвинутой практики неформального, человеческого урегулирования осетино-грузинских отношений. Официальная грузинская позиция по-прежнему исходит из представления о «незаконности» какой-либо национально-территориальной осетинской автономии в Грузии, из необходимости демонтажа институтов этой автономии и включения ее территории в состав административных областей собственно Грузии (главным образом, Шида Картли). Отвергается правомочность употребления самого термина Южная Осетия. Официальная югоосетинская позиция состоит из представления об исторической обоснованности и состоявшемся институционально-правовом факте существования автономии. При этом угрозы для автономии рассматриваются как главный фактор развития самостоятельной государственности Южной Осетии вне Грузии, определяющий стратегию поддержания только горизонтальных отношений с Грузией и ожидания принятия Южной Осетии в состав России (с последующим объединением с Северной Осетией).

Перспектива признания цессии для Южной Осетии (в международно-правовом отношении) представляется маловероятной. Ее территория останется в пределах международно-признанных границ Грузии. Варианты решения статусного вопроса будут касаться только определения степени и международных гарантий для самостоятельности Южной Осетии

в этих номинальных границах Грузии и в отношении центральных властей Грузии. Наиболее вероятной может быть такая модель, которая в согласованной конституционно-договорной форме будет воспроизводить уже фактически сложившуюся конструкцию. Общая шапка этой конструкции может быть обозначена следующим образом: Южная Осетия как ассоциированное с Грузией государственное образование, статус которого закреплён в рамках трехсторонних соглашений/договоров и, таким образом, обладает внешними для Грузии гарантиями (международным анкором). Этот статус должен иметь свою правовую нишу в Грузинской конституции и проработанный механизм интегрированного или параллельного функционирования администраций РЮО и грузинского сектора Южной Осетии. В «пакете суверенитета» для РЮО могут присутствовать: весь набор органов и символов государственной власти; наличие своих полицейских сил; на территории Южной Осетии не могут размещаться иные войска, кроме ССПМ или иных миротворческих контингентов с обязательным российским участием; наличие внешнеполитических полномочий, исчерпываемых отношениями с Северной Осетией и другими регионами России; двойное российско-грузинское гражданство или наличие собственного югоосетинского гражданства, сопровождающего российское или грузинское; фискальная и таможненная автономия.

Конфликт в Южной Осетии и вокруг нее отозвался эхом в эскалации осетино-ингушского конфликта осенью 1992 года. Наплыв осетинских беженцев из Грузии в Северную Осетию, в том числе в села Пригородного района, начал серьезно менять этнодемографические траектории этого района и остроту восприятия осетино-ингушских статусно-территориальных противоречий. Целый ряд правовых актов, в том числе принятых на федеральном уровне, вкуче с целью криминальных и бытовых ин-

цидентов, обваливают ситуацию в Пригородном районе и Владикавказе в массовых противоправных действиях и этнически сфокусированном насилии в конце октября 1992 года. Вооруженная фаза конфликта продолжается около недели и подавляется силовым путем — введением федеральных войск, которые, однако, не могут воспрепятствовать вытеснению вместе с вооруженными ингушскими отрядами большей части самого ингушского населения Северной Осетии (30–32 тыс. чел). Вынуждены покинуть свои дома и 7 тыс. осетин и русских (из сел, занятых 1–3 ноября ингушскими вооруженными группами и из Майского, оставшегося под их контролем). После Столкновения 1992 года оставляют после себя предельное поселенческое размежевание осетин и ингушей. Даже на уровне отдельных сел, сохраняющих или вновь обретающих обе общины, складываются этнически гомогенные сектора (Чермен, Тарское). В течение 1993–1999 годов сохраняется режим фактической взаимной изоляции Северной Осетии и Ингушетии, а граница между двумя республиками, даже будучи полосой развернутого военного присутствия федеральных сил, остается зоной этнически нацеленного террора и диверсий.

Еще в ходе силового подавления конфликта создаются федеральные военные и административные структуры, функцией которых становится восстановление отношений между двумя народами/республиками и урегулирование конфликта. Общими усилиями федерального центра, властей Северной Осетии и Ингушетии, некоторых гражданских объединений этих республик, постепенно удается изменить ситуацию в зоне осетино-ингушского конфликта к лучшему. Прямое федеральное финансирование позволяет развернуть восстановление социальной инфраструктуры, разрушенного жилья, а также строительство нового жилья для лиц, утративших его в ходе конфликта. К 2002–2003 годам на территорию

Северной Осетии возвращается 60–70% вынужденных переселенцев-ингушей. Расширяются прямые контакты между двумя республиками, правительственными ведомствами, местными сельскими администрациями, гражданскими объединениями. Прекращается практика сопровождения милицией автотранспорта (принадлежащего «противоположной стороне») при ее прохождении через «чужую территорию» (такое сопровождение колонн долгое время осуществлялось в целях безопасности)¹. Осенью 2002 года подписывается Соглашение о добрососедстве и сотрудничестве между Северной Осетией и Ингушетией. Продвижение к урегулированию конфликта развивается несмотря на сохраняющиеся острые взаимные фобии в осетинской и ингушской среде. Происходит оттеснение конфликтных представлений и действий на периферию повседневных забот и перспектив. При этом коммуникативный фокус смещается с политической «макропроблемы» — проблемы оспариваемых территорий — к рутинному воспроизводству хозяйственных, деловых и соседских отношений. На уровне политических элит происходит некоторый сдвиг в понимании того, что же, собственно, является ключевой проблемой в осетино-ингушских отношениях. Территориальная проблема перестает быть таковой: «два общества» формируют стратегии более-менее сносного конструктивного соседства в условиях сложившегося административно-территориального деления. Однако территориальная проблема сохраняется как фактор конфликта, потенциально достаточный для нового разрушения осетино-ингушского соседства в массовом взаимном насилии. Статья о «возвращении исконных территорий» остается в Конституции Республики Ингушетия, равно как и статьи

¹ Тем не менее, по-прежнему сообщение между североосетинскими Владикавказом и Моздоком осуществляется круглым путем — через территорию Кабардино-Балкарии, а не прямо через Ингушетию.

«о территориальной реабилитации» остаются в Законе РФ «О реабилитации репрессированных народов»² (создавая, тем самым, «правовую» почву для традиционных представлений о территории как этнической собственности и провоцируя новые конфликты).

Карта 35

Зона конфликта в Абхазии (1992–1993...)

Конфликт в Абхазии имеет отчетливое этническое измерение, в котором отражено давнее статусное соперничество грузинской и абхазской [частей] элиты этой республики. Этнические аргументы были привычно встроены еще в советские определения того, каким образом должна быть организована власть в автономии, как должны распределяться престижные позиции/ресурсы, какими должны быть приоритеты в культурной и образовательной сферах республики. Именно этничность выступает привычным мобилизационным ресурсом ко времени кризиса и разрушения несущих институтов советской системы.

В имперскую и советскую эпохи в Абхазии сложилась многоэтничная поселенческая мозаика, в которой абхазы остались в меньшинстве, а величина грузинской общины приблизилась к половине численности населения республики. Финальный советский кризис застает автономию в ситуации уже сложившейся национально-идеологической оппозиции между абхазским национальным проектом, с его

² Закон принят Верховным Советом РСФСР 4 апреля 1991 года и фактически предполагает изменение административных границ [субъектов РФ] без их согласия, что противоречит действующей Конституции РФ.

мотивами сохранения тающей Абхазии, и грузинским проектом, отражающим перспективу постепенной реконструкции автономии в соответствии с демографическими и экономическими реалиями грузинского доминирования. Паритетная модель формирования парламента Абхазии, возникшая в 1991 году в качестве временного компромисса между Тбилиси и Сухуми, оказалась в итоге не способна нейтрализовать растущие противоречия грузинской и абхазской элит. Введение грузинских правительственных войск в автономию в августе 1992 года, сам характер оккупации и ожесточение войны вносят качественно иную степень отчуждения в грузино-абхазские отношения, кардинально меняют всю актуальную политическую повестку для Абхазии. Гуманитарные издержки грузинской оккупации части территории автономии, связанные с погромами и внесудебными расправами над гражданским населением, способствуют солидаризации — в том числе военной — армянского и других общин в Абхазии с позицией абхазской стороны в конфликте. Моральное и военное поражение грузинской армии в 1993 году влечет за собой исход из республики грузинского гражданского населения, которое использовалось как социальная база оккупационных сил и в итоге остается сегодня главным заложником силовой авантюры августа 1992 года.

К моменту окончания военных действий 30 сентября 1993 года силы абхазской армии (при поддержке добровольческих формирований) занимают всю территорию автономии от Псоу до Ингури (исключая «Абхазскую Сванетию», т.е. Кодорское ущелье выше Латы). В полосе соприкосновения сторон, в соответствии с Соглашением, достигнутым в апреле 1994 года, размещаются *Коллективные силы по поддержанию мира* (созданы под эгидой СНГ, но состоят только из российского контингента). КСПМ выполняет свои функции при мониторинге ООН, оставаясь буфером между дву-

33 Нагорный Карабах

- Границы государственные
- Границы НКР / бывший НКАО
- - - - - Границы Шаумяновского района
- - - - - Линия разделения сторон (фактического контроля вооруженных сил НКР)
- Основные автодороги
- Населенные пункты с преимущественно армянским населением (к 1989 г.)
- Населенные пункты с преимущественно азербайджанским населением (к 1989 г.)

Примечание: этнический состав населенных пунктов показан только в пределах бывшего НКАО, Шаумяновского района и Чабандаров / Гетатинского государств

- Лачин/Бердзор (а) (б)
- Данные названия населенных пунктов, в том числе:
 - (а) официальные к 1990 году
 - (б) название, введённое и используемое одной из сторон конфликта
 - ★ Локализация основных столкновений в 1991-94 гг.

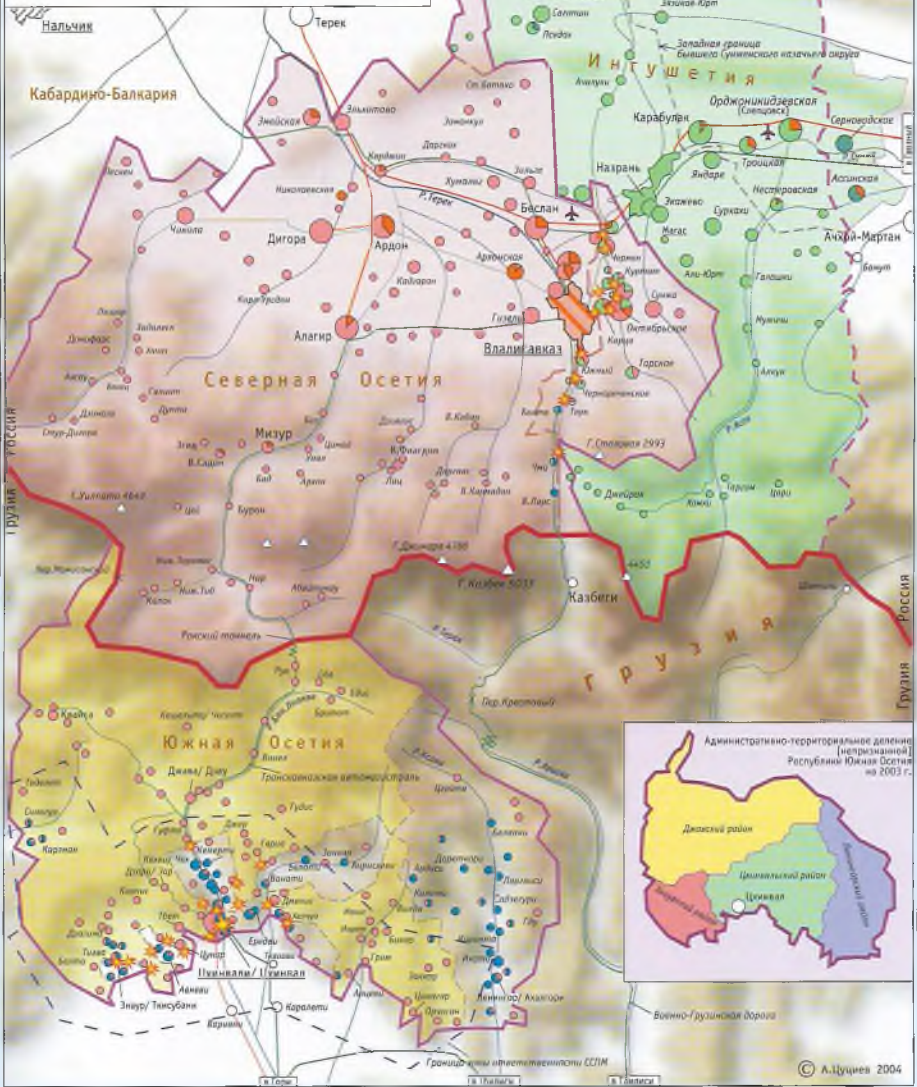
34 Осетия и Ингушетия [Р]

- Границы государственные
- Границы автономий / республик
- - - - - Фактическая граница Ингушетии и Чечни
- Пределы оспариваемых территорий Северной Осетии в зоне осетино-ингушского конфликта
- - - - - Территория, контролируемая властями Южной Осетии в зоне осетино-грузинского конфликта
- - - - - Границы зоны ответственности Сил вооруженных сил по поддержанию мира (ССМ) в зоне осетино-грузинского конфликта

Этнический состав населенных пунктов обеих Осетий и Ингушетии (к 1989 г.)

- Русские
- Грузины
- Осетины
- Ингуши
- Лужины
- Чеченцы
- Армяне
- Кабардинцы
- Тури

★ Локализация вооруженных столкновений в Южной Осетии в 1990-92 и в Северной Осетии в 1992 г.

мья сторонами. В полосе ответственности КСПМ устанавливается демилитаризованная зона (это пункт соглашения фактически нарушается).

В отличие от ситуации в Южной Осетии, в зоне грузино-абхазского конфликта сохраняется атмосфера жесткого военно-политического противостояния. Процессы урегулирования не продвинулись ни на политическом уровне, ни сколько-нибудь заметно на уровне повседневного человеческого соседства или элементарного хозяйственно-экономиче-

ского взаимодействия¹. Районы, прилегающие к линии разъединения сторон, остаются зоной активности грузинских диверсионных групп, мишенью которых являются не только абхазская милиция, но и военнослужащие российского контингента КСПМ. Отсутствие доверия сторон к предпринимаемым шагам в рамках урегулирования, снижает эффективность при-

¹ Исключением можно назвать эксплуатацию Ингури ГЭС, расположение которой делает взаимодействие сторон неизбежным.

сутствия КСПМ, что проявилось, в частности, в 1998 году в период возвращения грузинских беженцев в Гальский район. В 2003 году грузинская сторона предпринимает неудачную попытку использовать отряд чеченского полевого командира Р.Гелаева для эскалации партизанской войны в Абхазии и очередной пробы сил в возможной стратегии военного решения конфликта в свою пользу. Такие попытки еще более отдаляют стороны от перспективы нахождения действенной программы урегулирования.

Ст...
 диам...
 как п...
 венно...
 го пр...
 ский...
 двух...
 опред...
 чиван...
 ва бол...
 пасно...
 что ст...
 родно...
 нется...
 персе...
 мигра...
 митея...
 статус...
 ладан...
 жет б...
 абхаз...
 мокр...
 рател...
 ных о...
 прои...
 сти н...
 Гру...
 ривит...
 цев о...
 туса...
 фран...
 даже...
 тично...
 ческо...
 режи...
 нацел...
 между...
 конф...
 Вмест...
 стран...

Стороны конфликта придерживаются диаметрально противоположных позиций как на политико-правовое будущее государственности Абхазии, так и на приоритеты самого процесса урегулирования. Этнополитический характер конфликта обуславливает связь двух ключевых проблем его урегулирования: определения статуса территории и разворачивание процесса возвращения/обустройства беженцев (и обеспечения гарантий их безопасности). Абхазская сторона исходит из того, что статус республики должен быть [международно] определен и признан до того, как начнется процесс возвращения беженцев. Опасаясь перспективы восстановления грузинского демографического доминирования¹, Сухум стремится обеспечить признание государственного статуса Абхазии до того, как численное преобладание грузинской общины в республике сможет бросить вызов национальному характеру абхазской государственности на рутинных демократических выборах. Очевидно, что избирательная демократия в этнически разделенных обществах несет в себе вполне отчетливые прогнозы и опасения, касающиеся состава власти и ее национальной политики.

Грузинская сторона предпочитает рассматривать и решать вопросы возвращения беженцев отдельно от проблемы согласования статуса Абхазии или прежде нее. Трудности с возвращением беженцев и отсутствие гарантий даже для тех из них, кто смог вернуться (частично — Гальский район), определяют критическое отношение Грузии к существующему режиму поддержания мира в Абхазии. Тбилиси нацелен на замену российских миротворцев международными силами и изменение самой конфигурации зоны ответственности КСПМ. Вместо буферной модели предлагается распространить зону ответственности миротворцев

на всю территорию Абхазии, превращая КСПМ в военного гаранта возвращения и обустройства беженцев.

Отстаиваемые сторонами позиции по самой проблеме статуса далеки от компромиссной модели и выглядят следующим образом. Абхазская позиция, допускающая до войны 1992–93 гг. вхождение республики в состав Грузии на федеративных или конфедеративных началах, затем становится более и более радикальной: сегодня Сухум исходит из возможности налаживания только горизонтальных отношений с Грузией в качестве независимых государств. Тбилиси предлагает Абхазии «самую широкую автономию в составе Грузинского государства», границы которого международно признаны в качестве преемственных границам Грузинской ССР на 21 декабря 1991 года (дата официального упразднения Союза ССР). При этом обещается конституционная реформа государственного устройства Грузии на федеративных началах (Шеварднадзе, 1995). Международные посредники² в т.н. «проекте Бодена» определяют следующие рамочные характеристики возможной компромиссной модели: признание территориальной целостности Грузии в ее советских границах; признание Абхазии «суверенным образованием» в составе Грузии, обладающим особым статусом, который базируется на Федеративном соглашении; разграничение полномочий между Тбилиси и Сухуми также определяется Федеральным соглашением, имеющем силу конституционного закона. Россия предлагает сторонам прийти к согласованию менее иерархической модели «общего государства» или конфедерации. Озвучиваются и иные варианты решения проблемы статуса Абхазии. В частности, предлагается идея раздела Абхазии/кантонизации на абхазский и грузинский сектора, причем

последний (один общий в Южной/Восточной Абхазии или несколько, анклавно расположенных) предусматривается как гарантированная зона возвращения грузинских беженцев.

Патовая ситуация в конфликте связана во многом с внешнеполитическим контекстом урегулирования, который задается разнонаправленными векторами геополитического тяготения Абхазии и Грузии. Пытаясь обеспечить себе искомую дистанцию с грузинским государством, Абхазия стремится к максимальной экономической и политической интеграции в Россию, которая рассматривается как страна — фактический гарант абхазской государственности. Режим экономической блокады Абхазии, обеспечения которого Грузия добивается в рамках СНГ, не действует не столько по политическим, сколько по гуманитарным основаниям. Более того, Россия сохраняет безвизовый режим для жителей Абхазии, значительная часть которых к тому же являются гражданами РФ. В свою очередь, Грузия нацелена на постепенную и неуклонную интеграцию в НАТО и Европейский союз, рассчитывая, что ослабление позиций Россией будет способствовать восстановлению территориальной целостности страны в режиме «принуждения Абхазии к миру», форсированному возвращению беженцев под силовым прикрытием и в итоге ликвидации этнодемографического основания абхазской государственности вне Грузии.

Внутриполитический кризис в Грузии в конце 2003 года и обновление ее политической элиты оставляют вопросы о возможных изменениях в подходе Тбилиси к урегулированию абхазского конфликта. Этот подход может меняться как в сторону более радикально-военственной позиции и предприятия новых силовых авантюр, так и в сторону компромиссно-прагматичной позиции. Спектр возможных

¹ Надежды на массовую репатриацию абхазских махаджиров из Турции оказались несостоятельными.

² В лице «Группы друзей Генсека ООН / Совета по решению грузино-абхазского конфликта под эгидой ООН».

перемен, однако, ограничен неизменностью самих оснований абхазского конфликта, равно как и других сецессионистских конфликтов на Южном Кавказе. Неизменным остается геополитический контекст этих конфликтов, но — самое существенное — в регионе сохраняется общая траектория нации-строительства по этническому основанию. Внутри такой траектории снова ставится и «решается» старый советский вопрос об иерархической композиции коллективных агентов истории — этнических групп в лице своих политических элит.

Карта 36

Зона военных кампаний в Чечне и Дагестане (1994–2004...)

Длющийся уже более десяти лет военно-политический конфликт¹ в Чечне можно разделить на несколько этапов: [мир] 1991–1994, [война] 1995–1996, [мир] 1997–1999, [война] 1999–..., где «мир» и «война» различаются интенсивностью и географией боестолкновений, структурой противоборствующих сторон и динамикой преобладающих лояльностей среди чеченского населения.

Эскалация конфликта начинается еще осенью 1991 года, когда *ОКЧН* силой отстраняет действующие власти Чечено-Ингушской рес-

¹ Конфликт в Чечне условно может быть определен как этнополитический, потому что участники и наблюдатели конфликта устойчиво идентифицируют стороны в конфликте в этнических категориях — как на политическом, так и обыденном, человеческом уровне. Однако ограниченность такой этнической привязки становится все более очевидной по ходу развития конфликта и реконфигурации участвующих в нем сторон.

публики, овладевает значительной частью находившихся на ее территории вооружений и военной техники Советской армии. Сложившийся в 1991–1994 гг. политический режим во главе с Д. Дудаевым фактически выводит Чечню из состава России, создавая прецедентную угрозу для всего российского Северного Кавказа. Непродуманная военная кампания федеральных сил в республике, начатая в декабре 1994 г., способствует консолидации широких слоев чеченского общества вокруг Дудаева и разворачиванию политического конфликта между Москвой и Грозным в войну с масштабным гражданским участием и массовыми жертвами. Федеральная армия превращается в оккупационную силу, отчужденную от населения (как чеченского, так и российского в целом) и тем самым обреченную на «хасавюртовское поражение» (май 1997).

В мирный период 1997–1999 гг. фактическая независимость Чеченской республики Ичкерия (ЧРИ), номинально оформленная рядом российско-чеченских соглашений, наполняется противоречивым опытом внутренней и внешней политики Грозного. Властям республики во главе с А. Масхадовым не удается преодолеть высокую децентрализацию, свойственную структуре чеченского сопротивления времен первой военной кампании. Чеченское общество оказывается не готово обнаружить в себе ни институциональные (государство), ни культурные ресурсы для обуздания криминального насилия, распространившегося как в самой республике, так и в прилегающих к ней регионах России уже после войны 1994–1996 годов. Сама организационная структура национального движения и этос прошедшей войны становятся не столько основой национальной государственности, сколько инструментами для легитимации криминального бизнеса различных группировок/полевых командиров в глазах чеченского населения. Широкое распространение практики захвата заложни-

ков способствует дальнейшему разрушению состоятельности сепаратистского национально-государственного проекта, как среди самих чеченцев, так и других народов. Попытка экспортировать этот проект в соседние регионы России уже прочно ассоциируется местным населением этих регионов с его неизбежными криминальными издержками и общей архаизацией общественной жизни.

Не имея надежных внутренних ресурсов для эффективной централизации власти и обуздания криминального насилия, чеченская политическая элита в лице некоторых лидеров обращается к радикальному политическому исламу как возможному пути преодоления внутреннего кризиса. Однако стремление к огосударствлению ислама в республике, и тем более попытки преодоления/прикрытия кризиса через распространение «чистого ислама», вносят лишь новый, дополнительный разлом в чеченское общество. Ваххабизм вступает в конфликт с национальной традицией ислама в Чечне и превращается в угрозу для самого чеченского культурного багажа — угрозу большую, нежели пребывание Чечни в орбите российского государственного развития.

Политизация ислама с ваххабитским уклоном не способствует ни формированию чеченской государственности, ни, тем более, росту ее авторитета в соседних республиках. Все напряжение, обусловленное внутренним кризисом, функциональной несостоятельностью институтов государственной власти республики и региональной изоляцией республики, начинает питать иллюзии чеченских лидеров о спасительной необходимости «экспорта исламской революции» в соседние горские регионы России, прежде всего, в Дагестан. В 1996–1999 гг. на территории Чечни формируется идеология и организационная инфраструктура такого экспорта (главным образом, в лагерях военной подготовки, где обучается значительное число выходцев из Дагестана).

Однако собственно чечено-дагестанские отношения уже к середине 1990-х годов году далеки от безоблачных. По всей приграничной полосе Дагестана, а это главным образом Новолакский, Хасавюртовский и Казбековский районы, прослеживается напряжение между чеченцами-аккинцами с одной стороны и аварцами и лакцами, с другой. Такое внутреннее для Дагестана напряжение и «зависание» попыток решения ауховской проблемы способствует росту недоверия и нагнетанию атмосферы подозрительности между политическими элитами на уровне республик. В дагестанском общественном мнении (прежде всего, среди аварцев и лакцев) складываются отчетливые античеченские настроения. Радикализм Грозного способствует росту подозрений, что сецессия Чечни от России подстегнет претензии аккинцев и таким образом усугубит этно-территориальные проблемы внутри Дагестана. Существенно то, что нарастание внутречеченского кризиса в 1997–1999 гг. совпадает по времени с постепенным укреплением в соседних республиках политических элит, лояльных российскому национально-государственному проекту. В частности, Ботлихско-Цумадинские события 1999 года происходят через некоторое время после выборов в Дагестане, выборов, в которых дагестанской политической элите удастся значительно продвинуться в процессе консолидации, в выработке и апробировании «постсоветских правил игры» в регулировании внутренних противоречий. Социальный кризис в Дагестане удастся канализировать в борьбу против общего врага — «ваххабитской угрозы».

В августе 1999 г. начинаются столкновения между ваххабитскими группами и местной милицией в Цумадинском районе Дагестана, расширяющиеся затем на Ботлихский район с активным вовлечением чеченских сил на стороне ваххабитов. Вслед за разгромом федеральными силами и дагестанской милицией вахха-

битских джамаатов и их чеченских союзников в Дагестане в сентябре 1999 г. (Карамахи-Чабанмахи, Новолакский район), следует начало второй чеченской военной кампании. Серия операций, проведенных федеральной армией и внутренними войсками на территории Чеченской республики в 1999–2000 гг., приводит к ликвидации сецессионистского режима. В 2001–2003 гг. чеченское радикальное движение продолжает свою активность, окончательно переходя к диверсионно-террористической тактике и постепенно теряя политическую доминанту своей деятельности. На этом фоне в Чечне укрепляются структуры и силы, лояльные российскому государству и становящиеся деятельными оппонентами самому радикальному сецессионистскому движению в Чеченской республике.

Любой современный политический проект, претендующий на создание самостоятельного национального государства и дистанцирование от «империи» (как «чужого государства»), может быть рассмотрен как форма ирреденты — цивилизационной, идеологической, геополитической. Государственные образования, рожденные такими проектами, стремятся присоединиться к значительно более масштабным, нежели национальное государство, историческим проектам (европейскому, российскому, исламскому etc.), которые рассматриваются как более обещающие, исторически обоснованные или просто как соответствующие «менталитету народа». «За спиной» у абхазской, карабахской или юго-осетинской ирреденты оказались устойчивые государства-патроны, в серьезной степени влияющие на характер режимов и политических практик, обеспечивающие относительную устойчивость этих образований, и тем самым, вводящие их в рамки международно-правовых, согласительных процедур и перспектив. Центром тяготения чеченской ирреденты оказалось не государство и не цивилизационное оформление ка-

кой-то группы государств, а исламистский радикализм, базирующийся в ряде арабских стран, но бросающий вызов им самим, характеру их интеграции в современный миропорядок. Опора на такой «цивилизационный выбор», сделанный в контексте гуманитарной катастрофы в Чечне, способствует политической маргинализации чеченского проекта: идеология движения вырождается в оправдание террористических акций против гражданского населения, ассоциируемого с российским государством и/или обвиненного в лояльности ему. В итоге, общая траектория чеченского радикального движения фактически лишает его перспективы политического диалога с федеральным центром.

Проблема статуса Чеченской республики к 2003–2004 гг. уходит из актуальной политической повестки: республика возвращается в политико-правовое пространство России, занимает свои позиции в качестве субъекта Российской Федерации, с избранными органами власти и процедурно одобренной республиканской Конституцией. Сомнения в правовой полноценности этих процедур вряд ли могут серьезно изменить их итоги, которые в решающей степени зависят от способности федеральных и республиканских властей обеспечить необратимость перехода Чечни к проблемам и заботам мирной жизни. Две серьезные угрозы сохраняются в рамках такого перехода: (а) неизбирательное насилие со стороны федеральных сил, вновь привязывающее симпатии чеченского населения к ячейкам/практике террористического сопротивления и усиливающее, тем самым, опасный «оккупационный эффект» — эффект отчуждения между [Россией] и [чеченцами] как «сторонами конфликта»; и (б) становление в республике закрытого авторитарного режима, легитимированного и защищенного федеральными инстанциями и отчужденного от широких слоев/территориальных или тейповых групп чеченского на-

селения. Эти две угрозы способны культивировать в Чечне почву для возвращения массовых иллюзий и действий, связанных с отделением республики от России.

Карта 37 (1989–2003):

Этническая карта. Миграционные тенденции и их постсоветская кризисная эскалация

Всесоюзная перепись 1989 года отражает этнотерриториальную картину Кавказа к окончанию советской эпохи. В данной картине выражены две противоположные тенденции, начавшие оформляться еще в стабильные 1960–70 годы. Первая из них состоит в сокращении доли «нетитульного» населения в пределах большинства национально-государственных образований и возрастании этнической однородности этих территорий. Данная тенденция связана не только с различием показателей естественного прироста между титульными группами с одной стороны и русскими, с другой (а именно русские составляют большинство нетитульного населения автономий/республик). Ее также питают явно обозначившиеся различия в миграционных направлениях и этническом составе мигрантов.

Развитие неформального режима этнических предпочтений в пределах «национальных» территорий способствует формированию миграционных настроений среди нетитульных групп, особенно среди молодежи и условных этнических элит этих групп. Их социальная структура начинает воспроизводиться в усеченном виде, а лифты вертикальной социаль-

ной мобильности все прочнее увязываются с миграцией за пределы титульных (то есть, «чужих») территорий. Противоположная первой этнодемографическая тенденция связана с усложнением этнической композиции в пределах нетитульных/русских территорий (главным образом за счет хозяйственно-миграционного притока этнических меньшинств), а также в некоторых субрегионах национально-государственных образований.

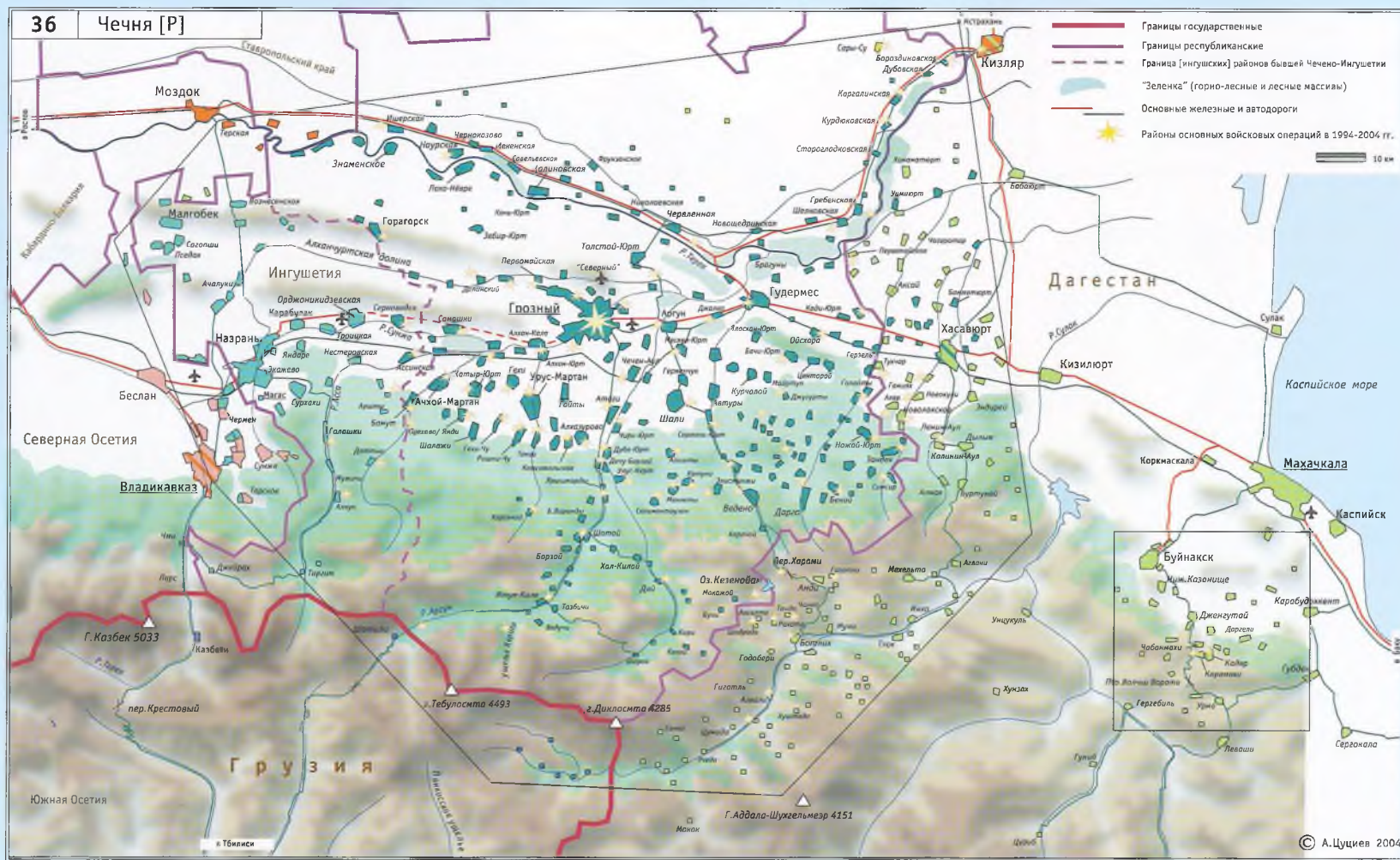
Решающее ослабление в 1980-е годы мотивационной мощи советской идеологии, с ее объединяющей апелляцией к надэтническим мифам и ценностям, все явственнее оставляет этническую проблематику в фокусе массовых политических дискуссий на кавказской периферии СССР. «Национальная идея» становится здесь доминирующим принципом в построении картин будущего, в определении социальных угроз и соответствующих коллективных контрагентов. В 1987–89 годах разворачиваются первые публичные кампании, проходят национальные съезды, на которых эти угрозы определяются по своим иноэтническим адресатам. По этническому признаку возникают общественно-политические объединения. В этничности же обнаруживаются легитимные основания для исключительных претензий на утверждение контроля над властными рычагами грядущего перераспределения собственности. Происходит реанимация комплекса исторических мифов, «травм» и взаимных претензий. Целые категории населения оказываются в режиме «неформально предъявленных обвинений» в определенной доле коллективной ответственности (в злодеяниях царизма, сталинизма и т.д.). Этнополитические дискуссии на фоне нарастающего кризиса советского государства и его экономики способствуют развитию этнофобий, росту насилия в отношении «иноэтнического населения» — насилия сначала символического и бытового, а затем — в нескольких очагах социально-по-

литической напряженности — практического и массово-организованного.

Определение социальной конфликтности в каналах межэтнического соперничества приводит на рубеже 80–90 годов к катастрофическому форсированию/обрушению ряда миграционных тенденции, возникших в предшествующий период советской истории, к кардинальной реконструкции этнического состава населения многих субрегионов Кавказа. Разрушение единого советского государства, эскалация целой цепи насильственных конфликтов (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Северная Осетия/Ингушетия, Чечня) становятся факторами массовых вынужденных миграций, охватывающих значительные пространства Кавказа.

Несколько локальных итогов

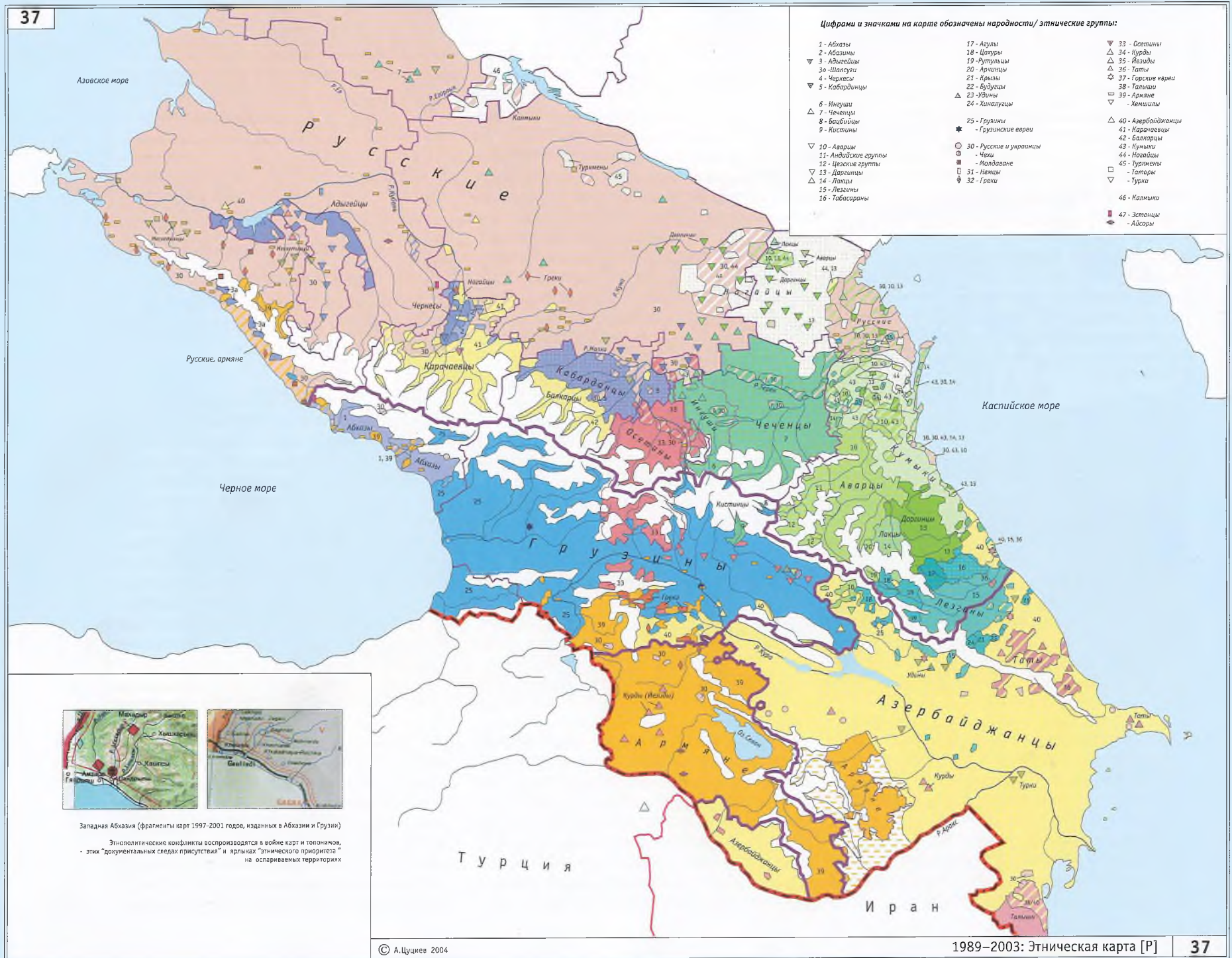
- ♦ После Ферганских событий 1989 и исхода месхетинцев из Узбекистана, на территориях Северного Кавказа формируется значительная «беженская» [турецко-]месхетинская диаспора, часть которой стремится к репатриации в Грузию. Отсутствие ясных перспектив такой репатриации обуславливает фактическое обустройство значительной части месхов на постоянное жительство в пределах российского Северного Кавказа, возникновение комплекса проблем с социальной адаптацией и гражданством данной этнической группы.
- ♦ По возвращении чеченского населения из ссылки в конце 1950-начале 1960-х годов значительная его часть размещается не в селах прежнего проживания в нагорной полосе ЧИАССР, а в преимущественно русских/казахских Наурском, Каргалинском и Шелковском районах (одновременно в станицах Сунженского района расселяются ингуши). В большинстве станиц/сел этих районов формируется смешанное русско-вайнахское население. Постепенно возникает тенденция

к выезду русских из Чечено-Ингушетии. После погрома в Троицкой в 1991 году начинается выезд русских из смешанных русско-ингушских сел/станций, а с победой сепаратистского движения в Чечне и разрушением здесь правопорядка разворачивается массовый исход русских из Чеченской республики. Фактически он завершается уже в ходе военных кампаний в 1994–1996 и 1999–2002.

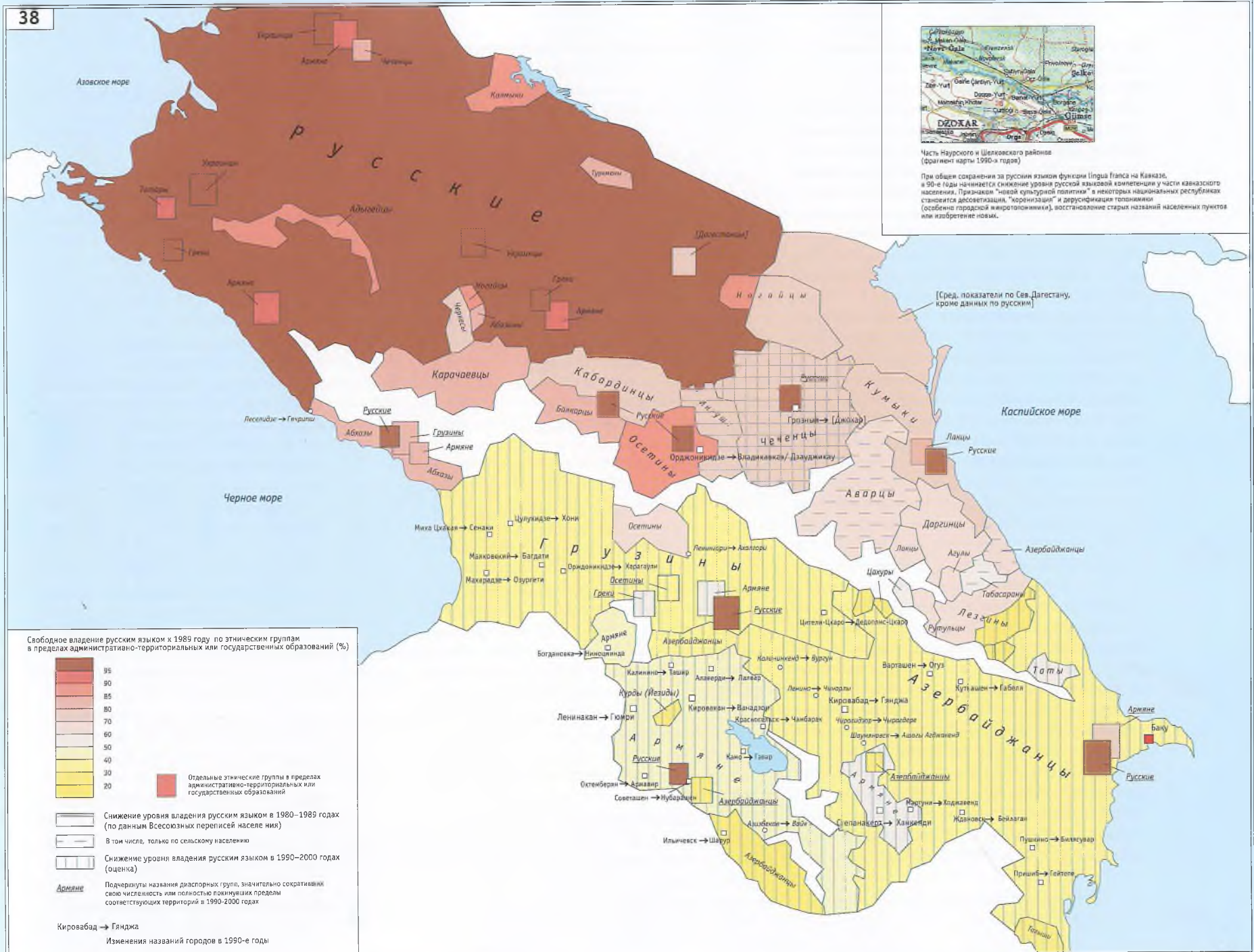
• В 1960–80 годы значительно меняется этническая картина равнинных [кумыкских, казачьих и ногайских] районов Дагестана, куда переселяются группы аварцев, даргинцев и других выходцев из горных районов республики. Возникшая этническая мозаика Кумыкской равнины, Ногайской степи и городов республики становится новым внутренне связующим пространством для народов

Дагестана, — одновременно и фактором развития надэтнического дагестанского сообщества, и новых рисков этнического соперничества внутри него. В 1980-е годы определяется вектор русской миграции из республики, в том числе из Кизлярского и Тарумовского районов. Аналогичные миграционные тенденции формируются с разной степенью выраженности и с разными фазовыми характе-

Западная Абхазия (фрагменты карт 1997-2001 годов, изданных в Абхазии и Грузии)

Этнополитические конфликты воспроизводятся в войне карт и топонимов, - этих "документальных следов присутствия" и являясь "этнического приоритета" на оспариваемых территориях

Часть Наурого и Шелковского районов (фрагмент карты 1990-а годов)

При общем сохранении за русским языком функции lingua franca на Кавказе, в 90-е годы начинается снижение уровня русской языковой компетенции у части кавказского населения. Причиной "новой культурной политики" в некоторых национальных республиках становится десоветизация, "коренизация" и дерусификация топонимии (особенно городской микротопонимии), восстановление старых названий населенных пунктов или избрание новых.

[Сред. показатели по Сев. Дагестану, кроме данных по русским]

ристиками в других автономиях Северного Кавказа.

- Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха сопровождается массовым насильственным обменом населением между Арменией и Азербайджаном. Погромы в городах Азербайджана приводят также к исходу их армянского населения на территорию России. Оккупация армянскими/карабахскими силами ряда районов Азербайджана обуславливает исход из этих районов всего азербайджанского (а также курдского) населения.
- Грузино-осетинский конфликт в Южной Осетии и вокруг нее сопровождается исходом осетин из части внутренних районов Грузии в Северную Осетию, а также встречными потоками беженцев из зон осетинского и грузинского контроля в Южной Осетии. В самой Северной Осетии острый этнополитический конфликт, связанный со статусом оспариваемого Ингушетией Пригородного района республики и вооруженными столкновениями на его территории, приводит к вытеснению большинства ингушского населения Северной Осетии на территорию Ингушетии. К 2003 году в рамках урегулирования конфликта большей части этих вынужденных переселенцев удастся вернуться в свои села.
- Грузино-абхазский конфликт серьезно меняет в 1992–93 годах этническую структуру населения Абхазии. Грузинское население в своем подавляющем большинстве вынуждено покинуть республику вместе с отступлением правительственных сил Грузии из республики. Грузинское население остается в Кодорском ущелье (вне зоны абхазского контроля), а также в Гальском районе, куда возвращена и часть беженцев (покинувших республику в 1993-м и снова в 1998 году) (Табл. 3).

Таблица 3. Соотношение [условно-] титульных групп и первых по численности нетитульных групп, %

Территория	[условно-] титульные группы	Перетисы				
		1959	1970	1979	1989	2002 оценка
Краснодарский край	[Русские]	*94–4 укр	*90–4 укр	*89–4 укр	*87–2 укр	*87–5 арм
Ставропольский край	[Русские]	*91–2 укр	*90–2 укр	*88–2 укр	*84–3 арм	*82–6 арм
Адыгея	Адыгейцы	23–70 рус	21–72 рус	21–71 рус	22–68 рус	24–65 рус
Карачаево-Черкесия	Карачаевцы, черкесы, [абазинцы, ногайцы]	43–51 рус	47–47 рус	49–45 рус	54–42 рус	61–34 рус
Кабардино-Балкария	Кабардинцы, балкарцы	53–39 рус	54–37 рус	55–35 рус	58–32 рус	70–25 рус
Северная Осетия	Осетины	48–40 рус	49–37 рус	51–34 рус	53–30 рус	63–23 рус
Чечено-Ингушетия	Чеченцы, Ингуши	41–49 рус	59–35 рус	65–30 рус	71–23 рус	94–4 рус 93–5 чеч
Дагестан	[Аварцы (в т. ч. андо-цезские народы), агулы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, рутульцы, табасараны, таты, цахуры]	69–20 рус	74–15 рус	78–12 рус	80–9 рус	87–5 рус
Грузия	Грузины	64–11 арм	67–10 арм	69–9 арм	70–8 арм	**88–7 арм
Абхазия	Абхазы	15–39 грз	16–41 грз	17–44 грз	18–46 грз	45–25 арм
Аджария	Грузины	73–14 рус	77–12 рус	80–10 рус	83–10 рус	90–5 рус
Южная Осетия	Осетины	66–28 грз	66–28 грз	66–29 грз	66–29 грз	64–35 грз
Армения	Армяне	88–6 аз	89–6 аз	90–5 аз	93–3 аз	97–2 крд
Азербайджан	Азербайджанцы	68–14 рус	74–10 рус	78–8 рус	83–6 рус	**92–3 лезг
Нахичевань	[Азербайджанцы]	90–7 арм	94–3 арм	96–2 рус	96–1 крд	99–1 крд
Нагорный Карабах	[Армяне]	84–14 аз	81–18 аз	76–23 аз	77–21 аз	99–1 аз

Примечания: * — данные 1959–1989 по Краснодарскому и Ставропольскому краям приведены без учета населения входивших в их состав автономий; ** — оценки по Грузии и Азербайджану приведены без учета Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха.

Сокращения: аз — азербайджанцы, арм — армяне, грз — грузины, крд — курды, лезг — лезгины, рус — русские, укр — украинцы, чеч — чеченцы.

Кавказские коммуникации — геополитический аспект

Геополитическое сжатие России к границам РФ снова превращает Кавказский регион, прежде всего, его южную часть в поле соперничества/сотрудничества мировых и региональных держав. Современные акценты «Большой игры» на этом поле определяются его расположением на маршрутах транспортировки углеводородного сырья из Каспийского бассейна и перспективами превращения Закавказья в коридор, связывающий Евроатлантику с Центральной Азией, минуя при этом Россию, Иран, Китай или беспокойный Афганистан (и обеспечивая тем самым автономный доступ Евроатлантическому блоку в тыловой театр одного из полюсов «многополярного мира»).

Несколько масштабных проектов отражают эту перспективную функцию закавказского коридора. Один из них — ТРАСЕКА, обеспечивающий в будущем связь Европы со Средней Азией и Китаем через черноморские и каспийские коммуникации и наземные коммуникации Грузии и Азербайджана. Функциональная роль Закавказья в обеспечении доступа к альтернативному ОПЕК нефтегазовому резервуару и независимым от России маршрутам его использования воплощена в строительстве нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (Джейхан — турецкий порт на средиземноморском побережье). БТД выводит на мировые рынки нефтяные ресурсы с азербайджанского сектора каспийского шельфа (месторождение Азери-Чираг-Гюнешли и другие)¹. В перспективе БТД может получить серьезную подпитку с крупно-

го казахстанского месторождения Тенгиз на северо-восточном побережье Каспия, с Кашагана или с туркменских месторождений. Такая подпитка особенно существенна на фоне возможной завышенной оценки объема ресурсов в азербайджанском секторе — оценки, которая рискует сделать БТД без казахстанской подпитки нерентабельным маршрутом. Однако в ближайшее время нефть Тенгиза будет выходить на рынки через строящийся трубопровод Каспийского нефтяного консорциума, проходящий через территорию России. Этот маршрут сдерживает тенденцию к ослаблению роли России в «большой игре» за каспийскую нефть и ее транспортировку. Проблема трубопровода КТК в том, что он выводит нефть Тенгиза к терминалу близ Новороссийска, делая этот маршрут зависимым от турецкой позиции, все больше склоняющейся к ужесточению режима прохода танкеров через Босфор. Варианты преодоления этой зависимости открываются через строительство обходных трубопроводов, в частности, Бургас-Александропулис, выводящих нефть к средиземноморскому побережью. Другой вариант — выход на рынки через Одессу и трубопроводную сеть Украины.

Маршрут на Джейхан прямо выводит каспийскую нефть к Средиземному морю, имея своими слабыми местами значительную протяженность и близость к районам вооруженных конфликтов в Южном Кавказе и Восточной Анатолии (территории населенные курдами). Но геополитическое соперничество, отраженное в конкуренции трубопроводных маршрутов, заставляет рассматривать их экономические или экологические параметры, их слабые и преимущества, только в контексте иных аргументов. БТД — весомый фактор независимости Азербайджана и Грузии от России, инструмент ослабления ее влияния на эти государ-

и Баку-Новороссийск (по такой же схеме). После военной ликвидации сепаратистского режима в Чечне устойчиво используются оба маршрута.

ства. Экологические издержки строительства БТД (прохождение через Боржомское ущелье) и военные риски на маршруте блокируются вескими внешними гарантиями, в свою очередь обусловленными стратегической предпочтительностью БТД для США — как маршрута доставки стратегического сырья, независимого от России и Ирана.

Функции южнокавказского коридора противоречиво увязаны с его собственной конфликтной структурой: с одной стороны, фрагментация единого советского Кавказа с начала 1990-х годов, появление новых государств и эскалация внутренних противоречий, создают удобный ландшафт для альтернативного геополитического вовлечения. С другой стороны, политическая нестабильность заставляет забыть о гарантиях, необходимых для масштабных экономических проектов. Последние требуют определенной устойчивости в соотношении геополитических сил и соответствующей стабильности локальных политических режимов. Основы будущей устойчивости Кавказского региона сегодня только прочерчиваются в драматическом определении местными политиями своего места в новом миропорядке. В частности, связка Азербайджан-Грузия обусловлена не только трубопроводной географией и евроатлантическим стремлением отеснить Россию из Закавказского коридора, но также и общностью интересов двух государств в обретении контроля над территорией отделившихся автономий. Интеграция этой связки в нероссийские геополитические проекты/блоки позволяет Баку и Тбилиси рассчитывать на усиление своих позиций именно в отношениях с Москвой, которая, даже лишившись роли исключительного актора в Закавказье, остается ведущей региональной державой и влиятельным устройтеlem постконфликтных перспектив.

Грузия, не имея возможности использовать российский фактор для силовой реинтегра-

¹ В ожидании «основной», ранняя нефть из новых каспийских месторождений направляется сегодня по двум альтернативным маршрутам: Баку-Супса (с выходом на мировые рынки через Босфор или трубопроводную сеть Украины)

ции Абхазии и Южной Осетии, заинтересована в усилении западного присутствия в регионе, равно как и Азербайджан, который рассматривает широтный коридор через Грузию в качестве главного маршрута экспорта своей нефти и обретения транспортной связи с Анкарой. С 2001 года начинает прорабатываться проект строительства железнодорожной ветки Ахалкалаки-Карс, которая связывает Баку-Тбилиси и Эрзурум. Для Грузии эта ветка имеет также и внутривнутриполитическое значение: в перспективе она изменяет периферийное положение армянонаселенной Джавахетии, ориентированной на линию Помри-Ереван, на транзитное, более тесно привязанное к грузинской экономике. В свою очередь, Армения, заинтересованная в том, чтобы ослабить степень своей региональной изоляции, выдвигает предложения о реконструкции старой линии Тбилиси-Помри-Карс. Ереван стремится также способствовать восстановлению транзитного железнодорожного сообщения через Абхазию, однако перспективы разблокирования абхазского участка наталкиваются на сложности в урегулировании абхазо-грузинских отношений. Деблокировать линию Краснодар-Закавказье призван помочь железнодорожный паром «Порт-Кавказ — Поти».

Причерноморская транзитная линия не функционирует с 1992 года и частично разрушена на участке к востоку от Сухуми. Абхазия не проявляет видимого интереса к возобновлению транзита через свою территорию, но настойчиво стремится к восстановлению регулярного сообщения с Адлером. Экономика Абхазии все активнее развивается на основе превращения абхазского побережья в продолжение Сочинского рекреационного комплекса. Реинтеграция Абхазии в «Русскую Ривьеру» возможна и без транзитной трассы. Однако неурегулированность абхазского конфликта явно сдерживает сами русские курортные инвестиции в республику. Со своей стороны, Гру-

зия опасается восстановления транзита через Абхазию ввиду того, что функционирование дороги (таможенные платежи, занятость населения) станет серьезным финансово-экономическим подспорьем для самостоятельности Абхазии. Отсюда Тбилиси сохраняет курс на хозяйственно-экономическую блокаду Абхазии, видя в этом фактор ее сговорчивости в урегулировании конфликта. Неэффективность такой блокады связана с неформальным характером интеграции Абхазии в сферу рекреационных услуг на юге России.

Абхазский тупик усиливает функциональный вес двух транскавказских автодорог на осетинском участке — Военно-Грузинской (через Крестовый перевал) и ТрансКАМА (через Рокский тоннель). Относительная стабилизация ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее открывает возможности для устойчивой эксплуатации обеих трасс. Эти две дороги дополняют друг друга и одновременно являются конкурирующими маршрутами. Грузия более заинтересована в эксплуатации Военно-Грузинской дороги, так как ТрансКАМА фактически является основой автономной от Грузии экономики Южной Осетии и серьезной прорехой в грузинской таможенной границе.

Меридиональное направление Север-Юг имеет на Центральном Кавказе еще один серьезный транспортный ресурс — возобновление строительства перевальной железной дороги, прекращенного в 1988 году по настоянию грузинских общественно-политических организаций. Однако отдаленность такой перспективы на фоне общей нестабильности в грузино-российских отношениях, общей ориентацией Грузии на Запад подталкивает Россию к поиску иных надежных маршрутов, наполняющих стратегическое направление Север-Юг, а именно — к наращиванию роли волжско-каспийских коммуникаций. Новый порт Оля в дельте

Волги обещает сосредоточить значительную часть российско-индийского и российско-иранского товаропотоков. Создание железнодорожной связки России с Ираном через Астару (или паромной переправой из Махачкалы) также будет способствовать усилению линии Север-Юг.

Главный «кавказский» интерес России все же не столько транспортно-транзитный, сколько общеполитический, связанный с недопущением образования в Закавказье каналов и возможностей для дестабилизации российской части Кавказа. Формирование буфера, препятствующего развитию на Северном Кавказе очагов квазиисламского экстремизма — среднесрочный приоритет российской политики в Закавказье, который по существу совместим с евроатлантическим выдвиганием в регион. Однако такой буфер, наполненный чужим влиянием и интересами, всегда будет содержать в себе риск превращения в барьер, ограничивающий российские позиции в товаропотоках, или в плацдарм, с которого будут ограничиваться уже собственно внутривнутриполитические российские возможности (в Северо-Кавказском регионе). Воспроизводство российского влияния в Закавказье предполагает как минимум два фактора — эффективное участие в [у]регулировании региональных конфликтов и устойчивое влияние на базовые сектора региональной экономики. Второй фактор связан со способностью России влиять на характер функционирования закавказского транспортно-энергетического коридора — и в качестве участника, и в качестве альтернативного агента. Позитивный вариант такого влияния предполагает активную интеграцию маршрутов Восток-Запад и Север-Юг в создании их общей региональной инфраструктуры на Кавказе.

Историко-территориальные идеологемы [Приложение к картам/тексту 31–32]

Этнополитические противоречия рубежа 1980–90-х годов формируют повышенный идеологический спрос на реконструкции «исконных границ», на обоснование приоритетных «исторических прав» на оспариваемые территории и/или групповые статусные позиции. Историко-территориальные идеологемы есть образы «исконных национальных территорий», представления о пространстве, занимаемом в некоем великом прошлом. Такие идеологемы различным образом встроены в современный контекст: они могут «дремать» в тиши библиотек или становиться прямой провокацией острых политических противоречий, сформулированных в этнических категориях. Описание «исторических территорий», различных сюжетов, связанных с их обретением или потерей, может носить фактографический характер и не иметь явного идеологического содержания или же, напротив, выступает прямым обоснованием статусно-территориальных претензий, оправданием принимаемых политических решений. Национальные картины прошлого зачастую выстраиваются по лекалам современных фобий и отражают актуальное соперничество за политическую власть в этнически структурированном обществе. Идеологическая функция национальных ретроспекций состоит в утверждении предпочтительной статусной иерархии — отношений исторического «хозяина» и «гостя» — для оправдания иерархических отношений в живом настоящем. Контурные исторических границ и этнических ареалов прочерчиваются как территориальные рамки, в которых должен осуществляться режим некоего признан-

ного этнического доминирования, хотя бы слабо символического.

Исторические реконструкции нередко исходят из допущения о прямой преемственности между современными этническими и/или национальными общностями (народами, нациями) и различными этническими, племенными, государственными образованиями весьма отдаленного прошлого. Историческое прошлое, сокрытое в письменных источниках, архитектурных или археологических памятниках, в самом языке, наделяется значением правовых аргументов. Технология трансформации исторических сюжетов в идеологические конструкции предполагает несколько процедур:

- *Предшествование.* Необходимо показать расселение своей этнической группы как исторически предшествующее на данной территории расселению группы-соперника, формируя представление об должных отношениях между группами по принципу «коренные жители — пришельцы». Древность расселения, автохтонность обеспечивает право первовладения.
- *Преемственность.* Нужно зафиксировать преемственность (языковую, культурную, политическую) между современной этнической или национальной группой и ее могущественными предками, доминирующими на данной территории в прошлом. Необходимо определить таких великих предков или по крайней мере обнаружить какую-либо историческую группу в качестве таковой. Преемственность здесь обеспечивает право наследования.
- *Справедливость и несправедливость.* Необходимо показать негативные изменения исторических границ/этнических ареалов как нарушение преемственности и как попрание исторических прав. Позитивные изменения при этом рассматриваются как «естественные», «исторически оправданные» и сами собой разумеющиеся. (Одной из заметных черт в идеологических версиях многих национальных картин в Кавказском регионе является претен-

зия к России как исторической силе, несущей основную ответственность за несправедливое определение границ и территорий. Бенефициарием же российского имперского вклада в историю Кавказа оказывается соответствующая этническая группа-соперник. При этом Россия и/или ее фавориты выступают объектами предъявляемых историко-правовых претензий).

Карты 41–49 представляют собой краткие реконструкции некоторых доминирующих сюжетов, присутствующих в историко-идеологических текстах. Нужно отметить, что национальные ретроспекции имеют, безусловно, различную источниковую основательность и различный научный уровень своего исполнения. Одни национальные картины/версии представлены солидными профессиональными трудами, успешно интегрированными в мировой академический дискурс. Другие картины/версии есть продукт разложения старых или становления новых национальных школ «исторической науки», зачастую работающих уже на грани профанации. В конструировании карт историко-территориальных идеологем мы стараемся отвлечься от оценок и различий в уровне научности и степени академической признанности тех или иных построений. Главное, что отражено в этих картах, — доминирующие сюжеты, историко-территориальные клише, присутствующие в национальных картинах, какими они выстраиваются в официальных трактовках, учебных или иных популярных изданиях. В том числе, в возникающем в последние годы «этническом Интернете» как круге общения и обмена соответствующими клише. Ясно, что нас интересуют только определенные, «контекстуальные» идеологемы, то есть те, что связаны с актуальными этнополитическими противоречиями современного

Кавказа. Смысл их настоящей картографической презентации (сведения в некий единый пакет) видится в том, чтобы показать общий относительный характер национальных «исторических истин», неизбежную ограниченность взаимных претензий на исконные территории и самой практики обращения к истории как резервуару правовых аргументов в решении современных этнотерриториальных (а точнее, политических) проблем.

[41] Азербайджан и азербайджанцы

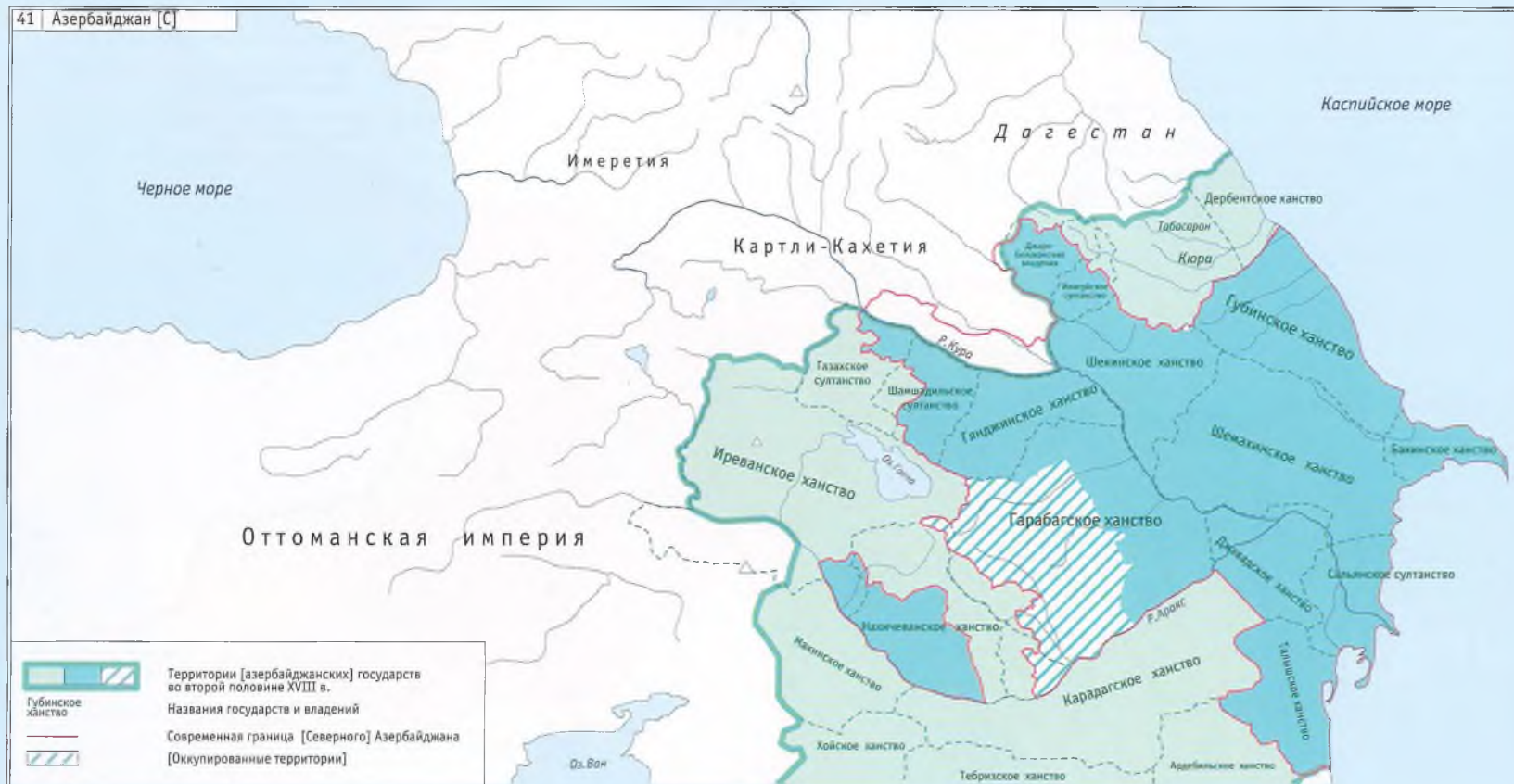
Азербайджанские историко-идеологические построения серьезно нагружены проблематикой конфликта в Нагорном Карабахе и несут отпечаток старого армяно-азербайджанского соперничества за ряд других территорий Закавказья (Зангезур, Нахичевань, Шарур-Даралагез, Эривань и др.). Современная азербайджанская ретроспекция подчеркивает (а) автохтонность азербайджанцев на всех этих территориях; (б) иммиграцию в XIX в. армянского населения как подтверждение его пришлого характера; (в) нахождение этих территорий в составе азербайджанского государства/государств ко времени завоевания Россией (1803–1828). Языковой признак, привязывающий этногенез современных азербайджанцев к истории тюркских миграций в пределы Закавказья (XI–XIV вв.), не создает непреодолимых трудностей для концептуального обоснования азербайджанской автохтонности на Кавказе. Проблема решается в рамках «албанской теории», отражающей процесс культурного и демографического поглощения тюркскими племенными группами местного албанского населения, которое рассматривается как праазербайджанское и, таким образом, представляющее этапом/элементом в формировании азербайджанского народа. Азербайджанская этническая общность возникает в процессе тюркской ассимиляции албанцев и других нетюркских групп, включе-

ния их культурного наследия и ареала расселения в комплекс, который составляет историко-культурное своеобразие и соответствующие исконные территории Азербайджана. Существенную роль в азербайджанской исторической картине играет определение национального характера бывших персидских провинций (беглербейств), позже — тюркских ханств Восточного Закавказья, завоеванных Россией в 1803–1828 гг. (включая Эриванское, Нахичеванское, Гянджинское). Эти ханства, а также султанства в границах/зоне влияния Картли-Кахетии (Казах, Шамшадиль) определяются именно как азербайджанские государства или как части азербайджанского государства. Их включение в состав России рассматривается как раздел Азербайджана между Россией и Ираном, превращающий азербайджанцев в разделенный народ. При этом Северный Азербайджан, оказавшийся в составе России, становится объектом имперской политики вытеснения тюркского/мусульманского населения и потворства армянской миграционной экспансии. В частности, меликства Карабаха определяются как осколки албанских государственных образований, арменизированные с помощью России лишь в XIX в. Присутствие в широкой полосе армяно-тюркского соседства в Закавказье памятников армянской культуры (более раннего периода, чем армянские миграции XIX века) или отрицается, или же сами памятники идентифицируются как албанские, то есть принадлежащие культуре пра-азербайджанского, кавказоязычного населения.

[42] Армения и армяне

Армянская картина прошлого концентрируется вокруг общей тюркской угрозы, связанной с исторической экспансией тюркоязычных племенных групп на древних армянских территориях, включая Арцах/Карабах. Со времен государства Артасесидов (II в. до н. э.) северо-вос-

точные пределы распространения армянского этнического элемента очерчиваются по Куре. По Куре проходит и граница Великой Армении времен Тиграна I с историческим Агванком/Кавказской Албанией. Начиная с XI в. коренное население самой Албании теснится тюркскими миграциями и к XIX в. исчезает с исторической арены. Последними осколками Албании в Закавказье выступают удины, судьба которых иллюстрирует характер трансформации кавказоязычного и христианского Аррана в тюркский и мусульманский Азербайджан. Расселение с XIV в. тюркских массивов кара-коюнлу и ак-коюнлу сопровождается вытеснением самих армян в горные районы Малого Кавказа и разрушением многих памятников армянской культуры. Кульминационными моментами тюркского насилия над Арменией в новейшей истории являются геноцид 1915 года, приведший к уничтожению Анатолийской (Западной) Армении, расширение и/или создание тюркских государств на занятых или контролируемых землях, в том числе в Восточной Армении. Одним из таких политических новообразований в XX в. объявляется Азербайджанская демократическая республика 1918–1920 гг., созданная в результате турецкой интервенции. Подчеркивается этнонимическая новация, связанная с присвоением названий «Азербайджан» и «азербайджанцы» тюркским населением/его государственным образованием в Закавказье лишь в 20-годы XX века. Более ранние исторические сюжеты посвящены отрицанию тюркского характера (по языку политической и культурной элиты) государств Восточного Закавказья, присоединенных к России в 1803–1828 годах. Данные государства показываются как персидские провинции с армянским оседлым/коренным и тюркско-курдским кочевым/пришлым населением. Включение Кавказа в состав России оценивается в армянской ретроспекции в целом положительно, однако советское закрепление политических границ Армении в качестве границ Армянской ССР

(без Нагорного Карабаха, Нахичевани, Сурмалу, Карса и Ардагана) трактуется как итог советско-турецкого раздела армянских исторических территорий. Армяно-грузинское соперничество вокруг «исторических прав» на Джавахетию и, уже в меньшей степени, на Борчалю, Ардаган и бассейн Чороха, также присутствует как устойчивый сюжет в армянской историко-территориальной ретроспекции.

[43] Грузия и грузины

Доминирующей территориальной идеологией грузинской исторической ретроспекции

является представление о границах грузинских государств (уже с VI–IV вв. до н. э. и до времен царицы Тамары) как грузинских национальных/этнических границах. В этом пространственном комплексе актуальными сегодня являются несколько фрагментов, связанных с современными этнополитическими противоречиями. Ведущей темой остаются отношения с Россией как государством, «патронирующим» сепаратизм Абхазии и Южной Осетии. Присоединение грузинских государств/территорий к Российской империи в 1801–1829 гг. (их фактическое собирание в пределах одного государства) оценивается в грузинской ис-

торической картине в целом негативно. Само «собирание» остается в тени, в центр внимания выносятся роль России в общем сокращении национальной грузинской территории. Внутрироссийские/внутрисоветские границы Грузии оказались прочерчены не по кальке бывших государственных, исторических границ Грузии, а значительно более скромно, оставляя за пределами Грузинской ССР, в частности, Саингило — в пользу Азербайджана, Лоре — Армении, Джикети и Двалети — собственно России. Москва обвиняется и в уступке Турции в 1921 году Ардагана и Артина, а также в создании на территории Грузии националь-

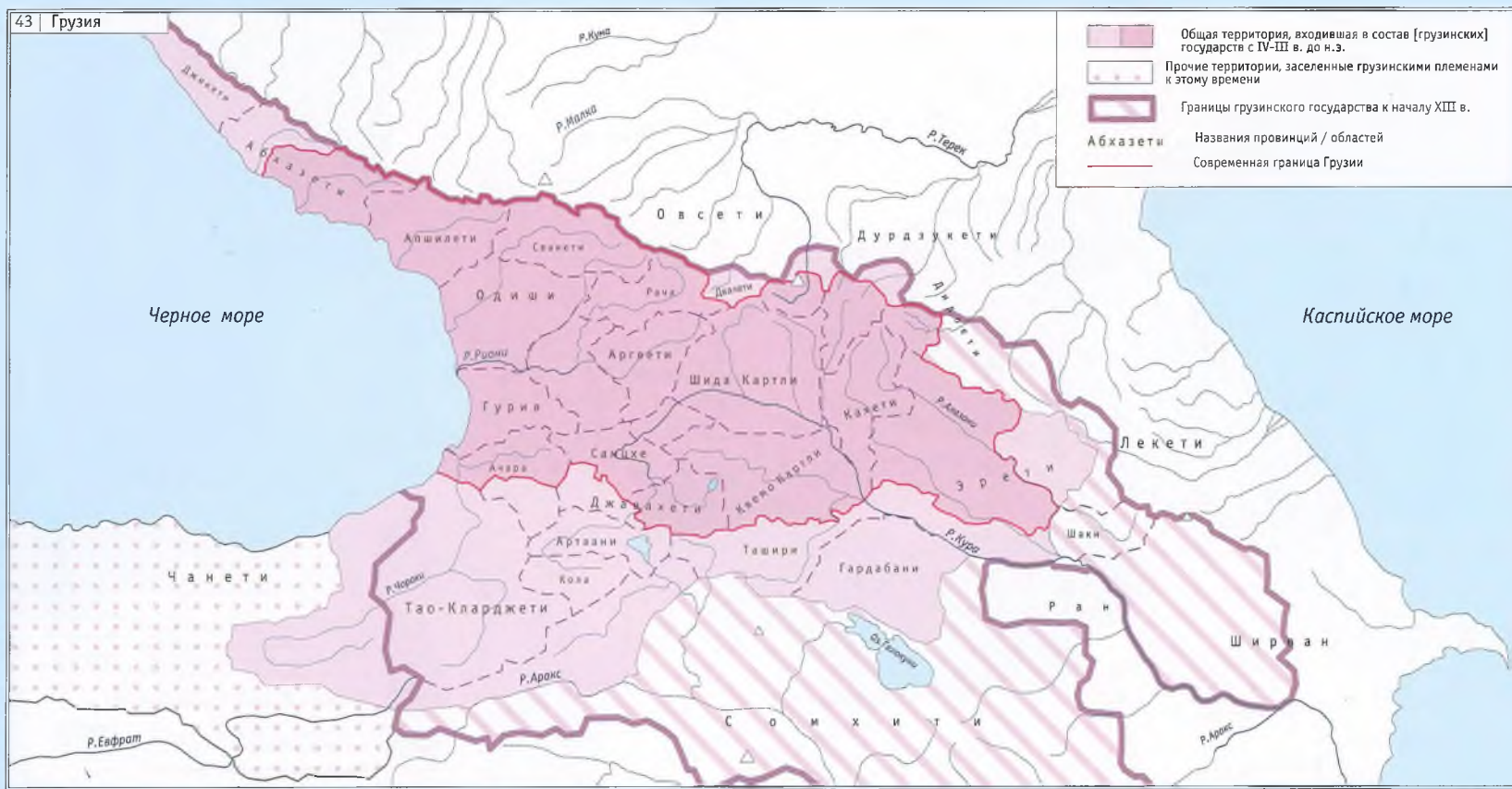
но-административных образований Абхазии и Южной Осетии. В применении к абхазскому случаю развиваются две историко-идеологические концепции. Одна из них показывает нынешних абхазов/апсуа в качестве этнической группы, сложившейся в результате широкой иммиграции с конца XVI в. адыго-черкесских племен на территорию нынешней Абхазии, смешавшихся здесь с местным автохтонным картвельским населением (абасги, апсилы, саниги). Переселенцы частью ассимилировали, частью потеснили коренное картвельское население, предки которого — древние колхи — еще в VI в. до н. э. создали первое

западно-грузинское государство, включавшее и территорию Абхазии. Другая версия допускает «двуаборигенность» населения Абхазии, признавая абасгов и апсилов предками абхазов, создавшими в I–II вв. в горных районах северо-западной Колхиды (Абхазия) свои княжества. С IV в. вся территория Абхазии входит в состав Лазского (Эгриси) грузинского царства, а с XV в. становится частью единой Грузии, тем самым утверждая историческую принадлежность Абхазского государства именно грузинскому культурному и политическому кругу. Автохтонность абхазов исторически легитимирует их автономию в составе грузинского

государства. Для югоосетинского случая в грузинской исторической панораме применяется другой подход, полагающий осетин поздними переселенцами с Северного Кавказа (хронологические варианты от XIV до XIX века) и потому не имеющими прав на национально-территориальную автономию в составе Грузии.

[44] Абхазия и абхазы

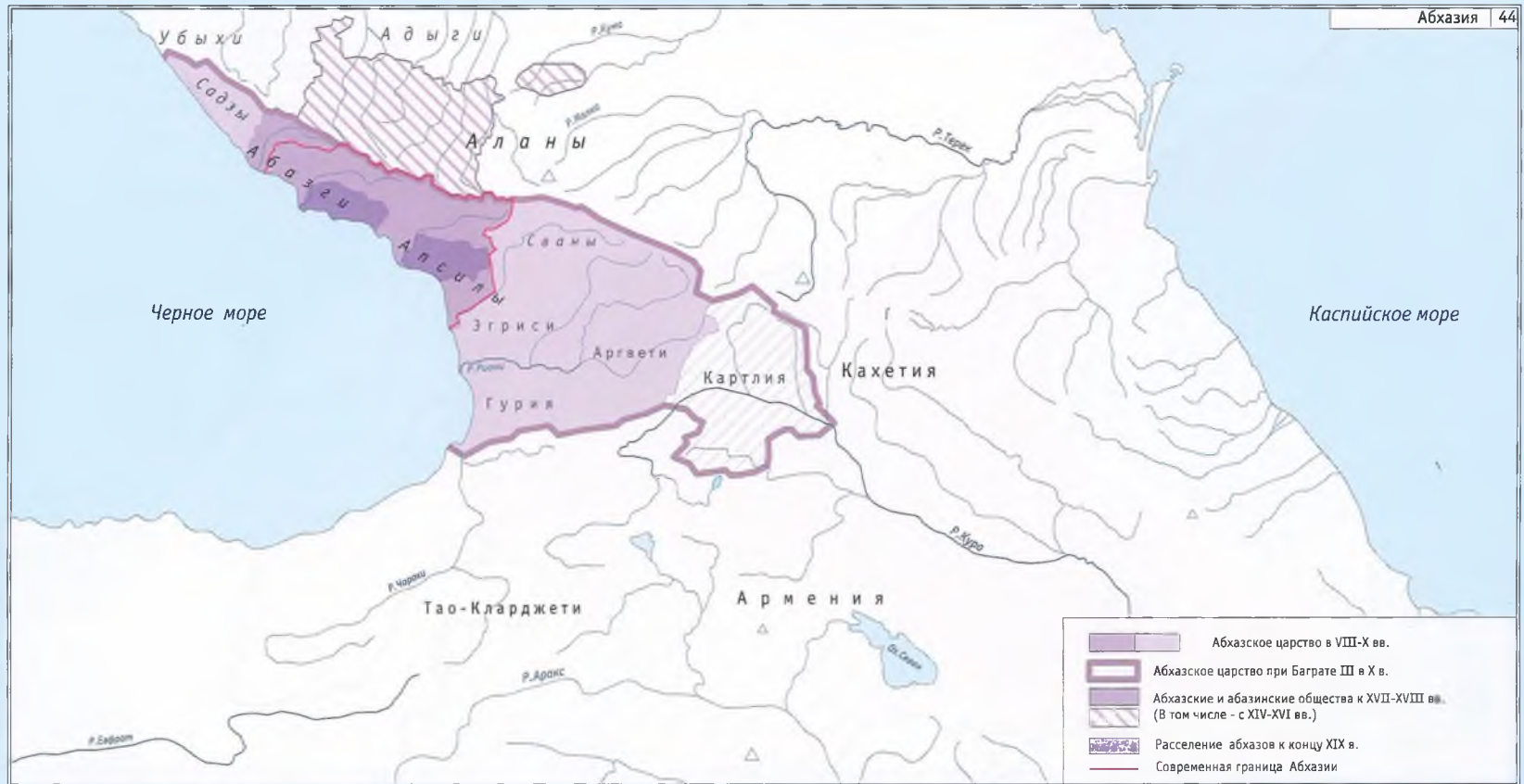
Абхазская картина акцентирует историю самостоятельной абхазской государственности, длительные процессы ее династического поглощения Грузией, политического поглоще-

ния Россией в 1810–1864 и последующего военно-колониционного сдвига в этническом составе населения территории бывшего Абхазского княжества. Депортации абхазов в 1866–67 и 1877–78 годах открывают возможности для массовой грузинской (мегрельской, сванской) колонизации в пределах Абхазии и постепенного превращения грузин в доминирующую здесь этническую группу. При этом увеличение численности других этнических групп в пределах территории трактуется не как угроза, а скорее, как этнодемографический и политический контрбаланс грузинскому доминированию. Включение Абхазии как автономной респуб-

лики в состав Грузии в 1931 году влечет за собой дальнейший организованный приток грузинского населения и как следствие — появление концепции о грузинской автохтонности в Абхазии в качестве теории, оспаривающей титульный статус абхазов и утверждающей таковой для грузин уже в качестве коренного населения. Абхазская историко-идеологическая картина отводит как радикальную грузинскую теорию о прищлости абхазов/апсуа, так и «двуаборигенную» концепцию об Абхазии как «древнем очаге совместно создаваемой общей материальной и духовной культуры грузинского и абхазского народов». Грузинская идеология о колхах

и картвельской автохтонности в Колхиде парирована тезисом о «вклинивании картвельских племен в хатто-абхазо-адыгский этнический массив» в 4–3 тыс. до н. э. на территории нынешней Западной Грузии. Сама древняя/средневековая Абхазия утверждается как государственность именно абхазов, князья которых через династические браки с грузинским царским домом некогда объединили Абхазию с Грузией в единое государство. Однако именно продолжительное культурно-церковное и властно-династическое влияние Грузии на Абхазию оказывается почвой для необоснованных грузинских исторических претензий на включение Абхазии

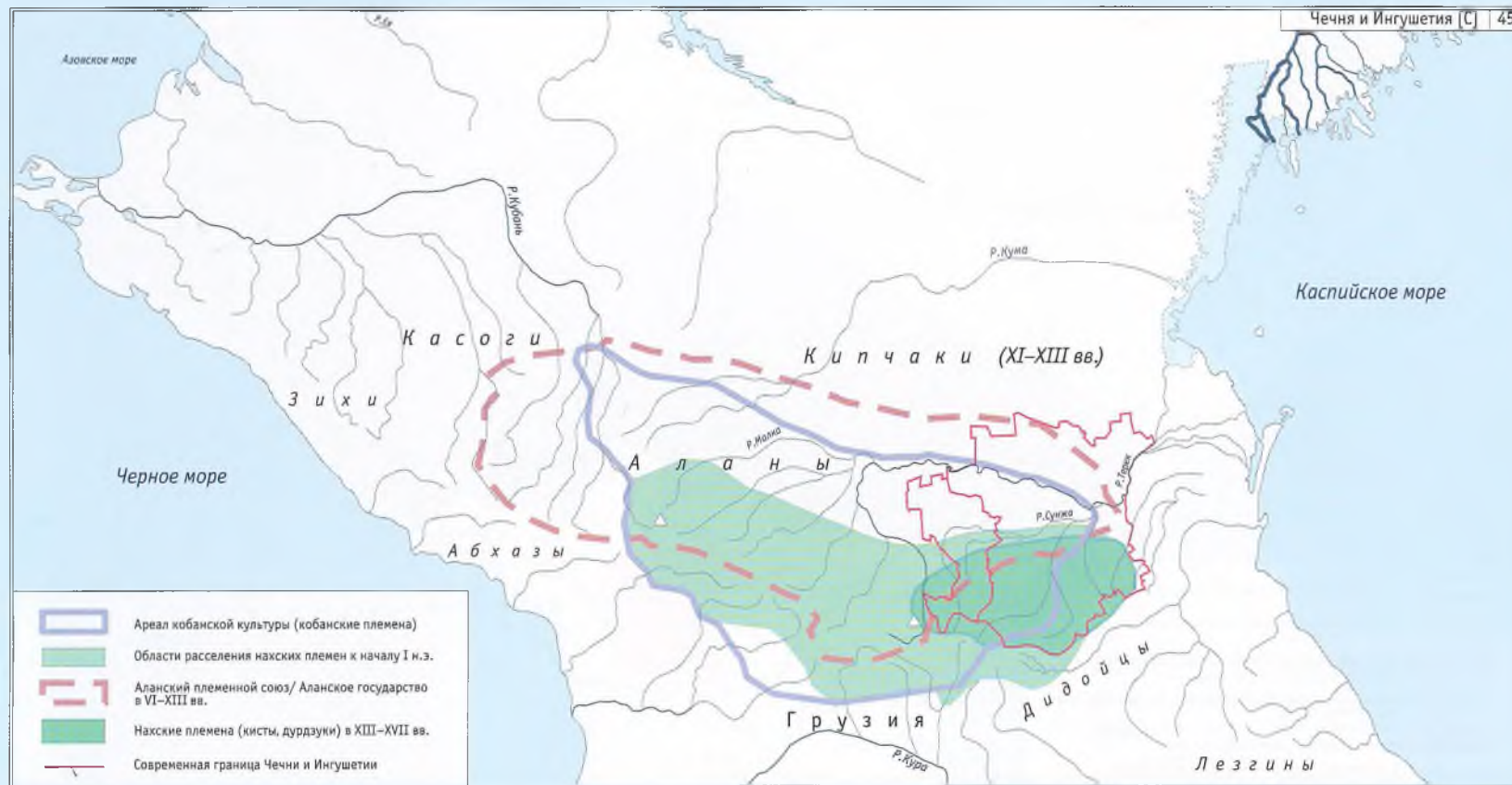
в пределы новообразованных грузинских государств — сначала в 1918–20, затем — в 1921/31 и, наконец, в 1991-м, когда новая независимая Грузия простерла свои границы по контуру границ бывших советских республик.

[45] Чечня, Ингушетия и вайнахи (чеченцы и ингуши)

В вайнахских историко-идеологических построениях прослеживается адресация различным этническим контрагентам — соседям чеченцев и ингушей. В чеченских картинах прошлого господствует тема вечного сопротив-

ления российской военно-колониционной экспансии. В радикальной версии развивается мотив «400-летней русско-чеченской войны» и периодически повторяющегося государственного геноцида. В любом варианте чеченского исторического повествования акцентируются события Кавказской войны XIX века и депортации 1944 года. Территориальные идеологи апеллируют к значительно более древним временам. Общевайнахская ретроспекция показывает автохтонность нахоязычных племен в ареале распространения кобанской археологической культуры, определяя этническую принадлежность ее носителей термином «нахо-ко-

банцы». Близкая к академическим трактовка содержит положения о миграциях ираноязычных кочевников, формировании смешанного нахо-сарматского, нахо-аланского, населения в равнинной части Центрального Кавказа и иранизации языка части нахов (с V–VII вв.) в его горной полосе (в этот же период начинается картвелизация другой части нахов — цанаров). С XV в. ареал расселения складывающейся чеченской народности вновь включает и предгорные равнины. В современной чеченской ретроспекции оформляется новая идеологема о «древнем чеченском этническом присутствии» на левобережье среднего и нижнего Тере-

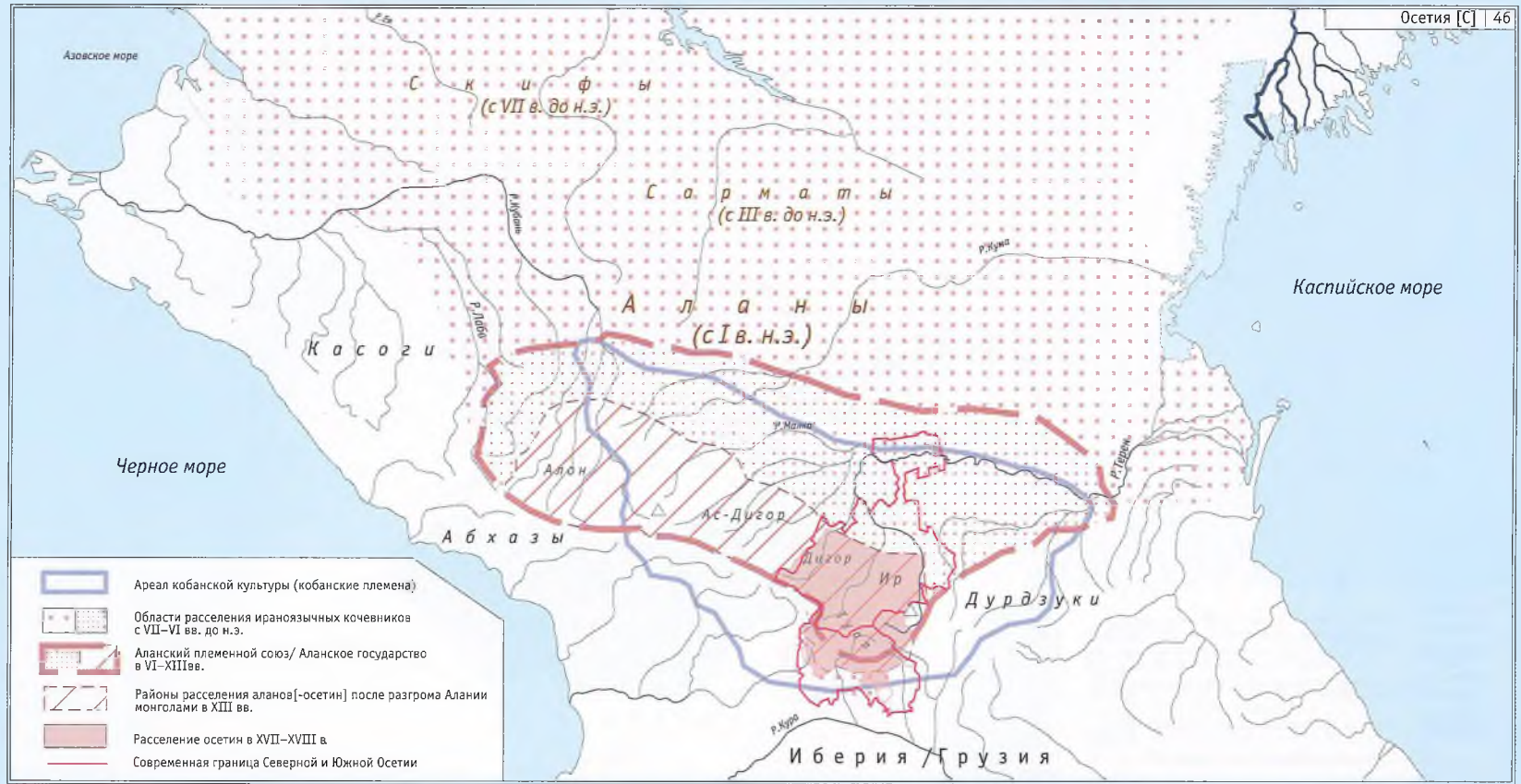

ка, обосновывающая права на затеречные районы Чеченской республики и Дагестана, — районы, «историческая принадлежность» которых оспаривается терским казачеством. Более радикальные трактовки выходят на пространственную локализацию «древнего нахского расселения от Кубани до Волги», а сюжетные линии некоторых чеченских и ингушских историко-идеологических построений обращаются к великим хуррито-урартским, шумерским и даже этрусским древностям.

Ингушские исторические концепции сосредоточены на теме оспариваемого у Северной Осетии Пригородного района — как историче-

ской колыбели ингушского народа (здесь расположено село Ангушт/Тарское, чье название послужило основой для русской версии этнонима «ингуши»). Развитие сюжетов об исторических правах на Пригородный район, отторгнутого в пользу Осетии в результате депортации ингушей 1944 года, сопровождается общим противопоставлением ингушей как автохтонов Кавказа осетинам как поздним ираноязычным пришельцам. В рамках такой исторической оппозиции поддерживается концепция о нахоязычии до-осетинского населения Центрального Кавказа (носителей Кобанской культуры). Наличие аланских памятников на «спор-

ных территориях» и устоявшиеся в академической науке представления об ареале аланского доминирования заставляет ингушских историков обратиться к теме Алании. Ираноязычие алан — как преобладающая академическая трактовка — отрицается или снимается тезисом о доминирующей роли ингушского этнического элемента в регионально-обширном аланском племенном союзе/государстве домонгольского периода (территория от Лабы до Аргуна). Распространение этой теории иллюстрируется официальным названием новой столицы Ингушской республики именем полумифического аланского города Магас. Радикальная версия

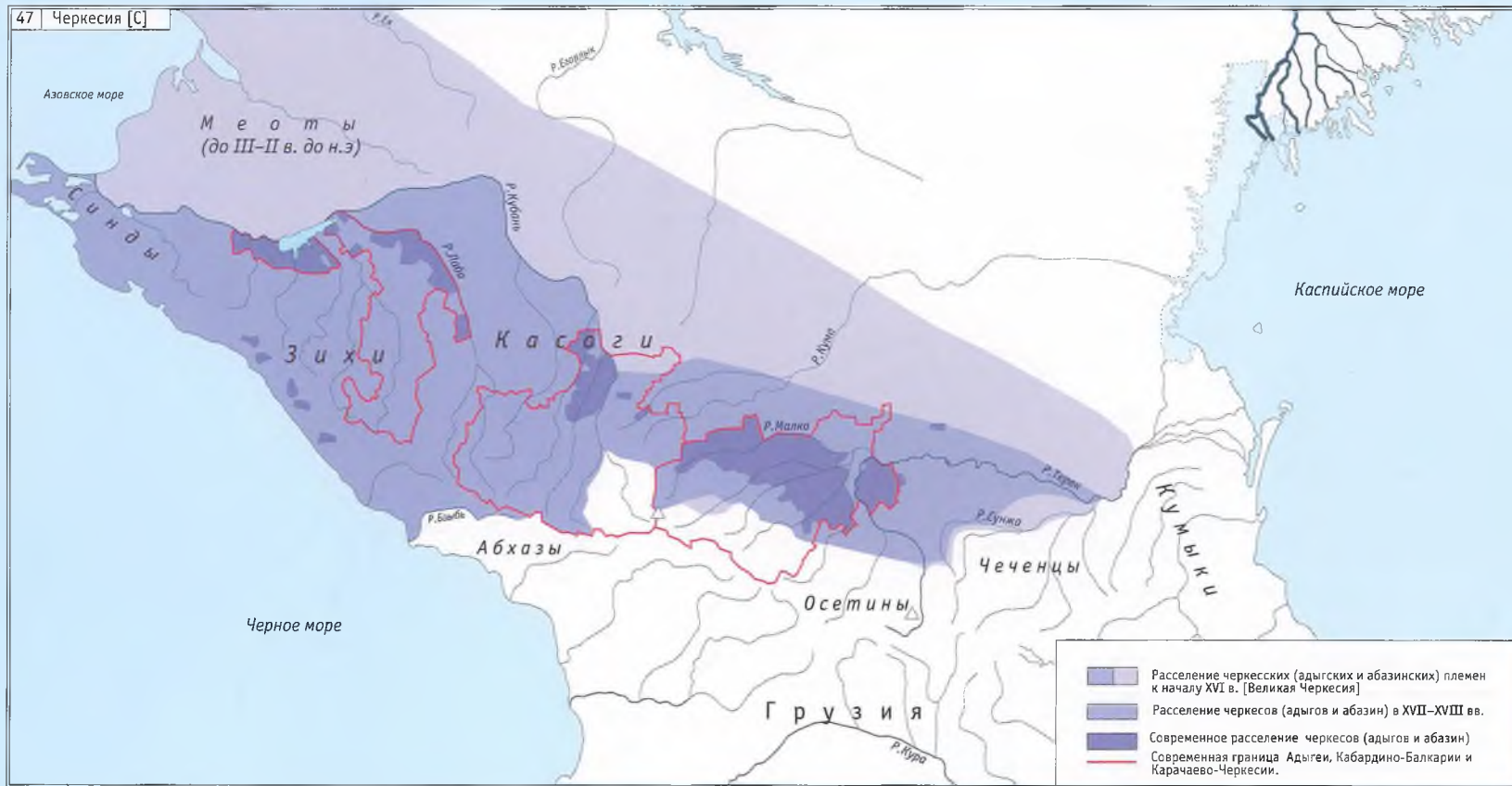
данной теории, развернутая в ингушских историко-идеологических построениях, подходит к отождествлению Алании с ингушским государством: уже сами аланы трактуются как находящаяся группа, а необходимость объяснить существование ираноязычных осетин заставляет обращаться к тезису об их появлении на Кавказе в качестве переселенной сюда группы «ираноязычных евреев-маздакитов» (VI–VII в. н. э.).

[46] Осетия и осетины

Ведущие мотивы осетинских историко-идеологических построений — обосновать культур-

но-языковую и отчасти политическую преемственность всей последовательности ираноязычных насельников Кавказа от скифов, сарматов и алан до современных осетин. Иранский языковой маркер, связывающий осетин с аланами, используется для обоснования исключительных прав на аланское культурно-историческое наследие в кругу прочих соискателей — тюркоязычных карачаево-балкарцев и кавказоязычных ингушей. Принятие в 1993 году официального названия Республики Северная Осетия с добавкой «Алания» иллюстрирует актуальную идеологическую озабоченность тем, что культурно-историческое преемство осетин в от-

ношении средневековых алан и Алании имеет недостаточное легитимирующее значение для обоснования исторических прав на все территории, входящие сегодня в пределы республики. Утверждение алано-осетинской преемственности (или даже тождества) парирует исторические претензии Ингушетии на «первенство» в Пригородном районе и предлагает контраргументы о значительно более обширных алано-осетинских территориях (от Лабы до Аргуна). Историко-территориальная идеология об Алании как Осетии адресована тезисам о вайнахском или адыгском историческом доминировании на нынешней территории Се-

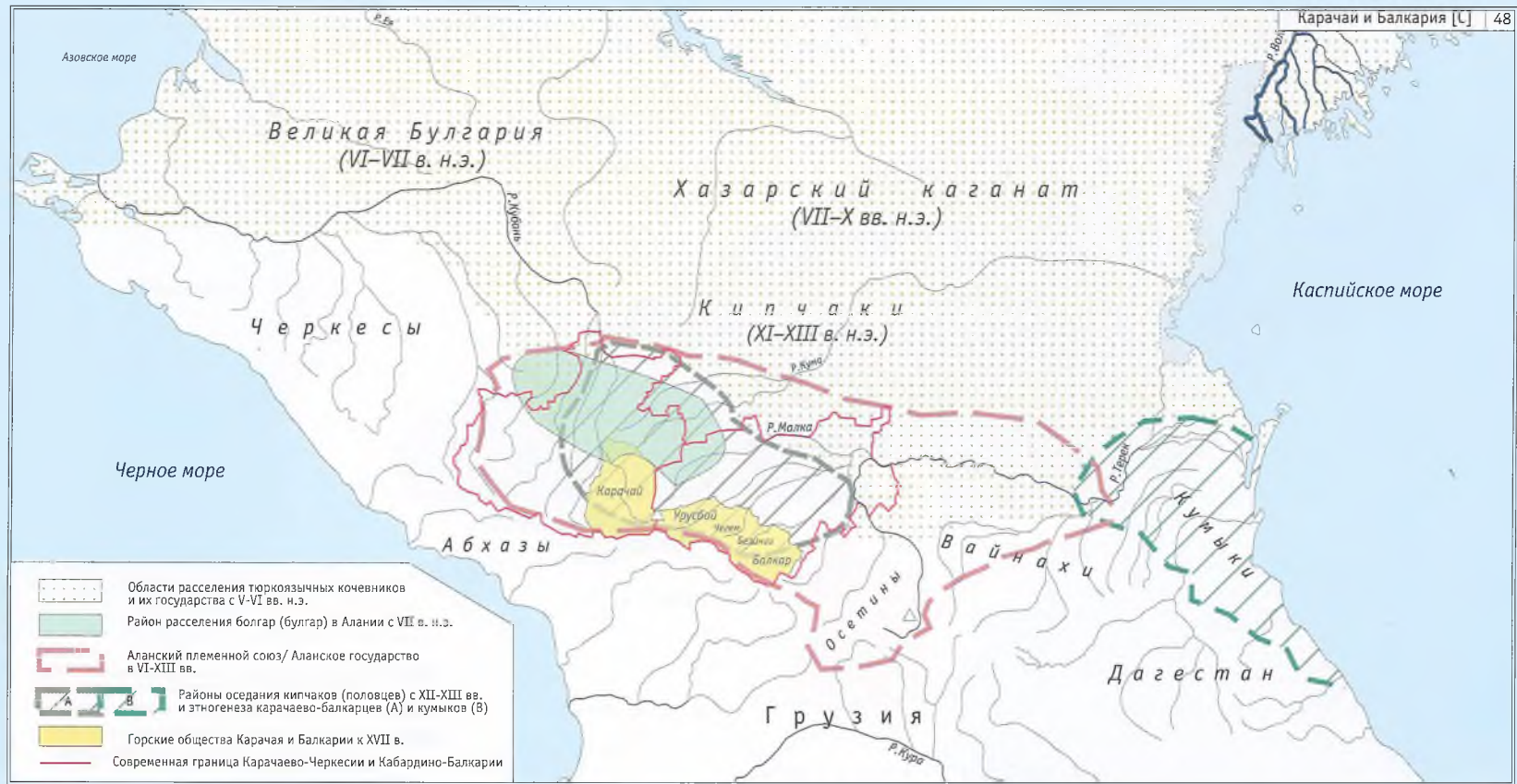
верной Осетии в «до-осетинский» период. Однако обладание аланским наследием и отождествление осетин с аланами обостряет вопрос о самой осетинской автохтонности на Кавказе (в академических трактовках аланы фигурируют как кочевники, мигрировавшие на Кавказ не ранее I-II в. н. э.). В решении этого вопроса различаются два подхода. Первый из них использует классическую «субстратную теорию», опираясь на тезис об этногенезе собственно осетин в пределах Центрального Кавказа, где осетинская народность сложилась в результате ассимиляции пришлыми ираноязычными сармато-аланами местного кавказоязычно-

го населения. Вторая теория развивает тезис об ираноязычии самого кавказского субстрата, сформированного в процессе оседания скифских племенных массивов в ареале расселения носителей кобанской культуры, объявляемых также индоевропейцами (VII-V вв. до н. э.). Последний тезис активно присутствует и в трактовке т.н. «двальной проблемы» — определения этнической принадлежности автохтонного населения в Южной Осетии. То или иное решение этой «проблемы» позволяет обосновывать или оспаривать автохтонный статус осетинской или грузинской групп на данной территории. Включение Осетии в состав Российской

империи в конце XVIII в. трактуется положительно, как и вся внутрироссийская история Осетии. Подчеркивается вхождение и пребывание в составе России неразделенными государственными границами «единой» Осетии, тем самым фокусируются нынешние проблемы осетин как разделенного народа.

[47] Черкесия и адыги/черкесы

Адыгская историческая ретроспекция, сохраняя синдо-меотское прошлое и обнаруживая хаттские (иногда и великие хеттские) древности, строится вокруг иных доминирующих

сюжетов. Они связаны с прямыми и косвенными последствиями Кавказской войны XIX века: выселением в Турцию и частичной гибелью 9/10 адыгского населения в 1861–1866 гг., военно-казачьей и гражданской колонизацией обширных территорий Закубанья и черноморского побережья. Признание исторического факта черкесской катастрофы рассматривается как важный правовой, исторический и даже гуманитарный ресурс для обоснования титульного статуса адыгских групп на территориях, где они составляют сегодня меньшинство (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Шапсугия), и которые представляют собой лишь осколки

некогда обширной Великой Черкесии. Другими фрагментами этой черкесской территории являются нынешние ареалы кабардинского и черкесского расселения. Административно-территориальное и отчасти идентификационное разделение единого адыгского массива на отдельные сегменты также рассматривается как следствие войны XIX века, закрепленное затем в советской национально-государственной композиции: отдельные Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея и Шапсугский район (последний — до 1945 г.). Одной из особенностей этой композиции является формирование двутитульных автономий, в которых

адыгские группы (кабардинцы и черкесы) оказались объединены с тюркскими (карачаевцами и балкарцами). Нынешнее адыго-тюркское статусное соперничество внутри двух автономий определяет значительность — для соответствующих национальных идеологий — вопросов, связанных с историческими демаркациями этнических территорий и их политическим статусом. Карачаево-балкарцы привязываются в адыгской ретроспективе к тюркским миграциям в пределы адыгских территорий (версии — VII в. или XII–XIII вв.). В процессе этих миграций образуются горские общества, «запертые» в ущельях ответной кабардинской ре-

конкистой равнин и предгорий центрального Кавказа (XV–XVI вв.). Крымско-татарская агрессия во второй половине XVI в. обуславливает «становление военно-политического союза» [части] Кабарды и Московского государства (в других версиях — отношений вассалитета и даже присоединения к России). Историческая противоречивость русско-адыгских отношений обостряется в ходе русско-турецкого геополитического соперничества. Инкорпорирование в состав России приводит или к тотальному изъятию (Закубанье), или к постепенному, организованному государством сокращению адыгских территорий в пользу соседних на-

родов. Земли Малой Кабарды отходят в пользу Ингушетии и Осетии, замалкинские и затеречные земли — в пользу казачества, Пятигорье — русским / казаков, верховье Кумы — карачаевцев и, наконец, горно-лесная полоса центральной Кабарды — в пользу балкарцев.

[48] Карачай, Балкария и карачаево-балкарцы

Ключевыми контрагентами, которым адресованы главные темы карачаево-балкарской историко-идеологической картины, являются адыги и осетины. Необходимость показать

историческое предшествование расселению в XV вв. адыгов в пределах «спорных территорий» (охватывающих практически всю Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию) требует обоснования автохтонности карачаево-балкарцев в пределах их современного ареала расселения. Выделяется два подхода, решающих эту задачу. Один из них почерпнут из академической среды и опирается на тезис об этногенезе карачаево-балкарцев как таковых в процессе тюркской языковой ассимиляции аланского ираноязычного и местного кавказоязычного населения. При этом период оседания различных тюркских групп в Западной

Алании датируется от VI–VII в. (булгары) до XII–XIII вв. (кипчаки). Но в самом допущении ираноязычия алан усматривается явный ресурс для осетинских «посягательств» на обладание аланским культурным и территориальным наследием (на территориях нынешнего Карачая расположены известные памятники христианской культуры средневековой Алании X–XII вв.). Доказанная таким образом автохтонность карачаево-балкарцев явно сохраняет миграционный «изъём» и потому настойчиво заменяется в их идеологической рестроспекции теорией о тюркоязычии самих аланских предков карачаево-балкарцев. Этногенез карачаево-балкарцев описывается как процесс консолидации различных волн тюркских кочевников в пределах их государственных образований на Северном Кавказе (включая Великую Булгарию и Аланию) и на местном пратюркском этническом субстрате (ими оказываются носители Майкопской и Кобанской культур). Участие в этом процессе кипчаков (с XII–XIII вв.), напротив, идеологически приглушено как слишком позднее для претензий на автохтонность. Идеологическое удревнение тюркского присутствия на Центральном Кавказе осуществляется приписыванием тюркской языковой характеристики всему скифо-сарматскому миру, который в академических изданиях все еще полагается в своей основе именно ираноязычным.

[49] Казаки

Историко-идеологические построения, стремящиеся защитить автохтонный, или, по меньшей мере, «исторически обоснованный» статус казачества на Кавказе, выступают реакцией на развернутые во многих местных национальных ретроспекциях образы казаков-славян как колонизаторов края. Казачьи идеологемы в той или иной степени привязаны к различным этническим или территориальным контрагентам и содержат различные

доминирующие сюжеты. В частности, Терское казачество определяется как наследник/продолжение гребенских и низовых казаков, территория исторического расселения которых охватывают в XVI–XVII вв. среднее и нижнее течение Терека по обоим его берегам, включая равнинную часть Чечни (в том числе район Грозного) и значительную часть [нынешнего] Северного Дагестана. Идеологически существенным предстает предшествование казачьего расселения появлению на предгорных равнинах чеченцев. Уход казаков с правобережья Терека датируется 1711 годом, фиксируя левобережье Терека в качестве исконных казачьих земель, отторгнутых в пользу Чечни и Дагестана в годы советской власти. Включение этих и ряда других районов, являющихся/являвшихся казачьими по преобладающему населению, в состав национальных республик Северного Кавказа оценивается негативно — как фактор статусного ущемления казаков в годы советской власти и их постепенного выживания со своих земель. Идеологическая функция общего историко-территориального укоренения казачества [и славян в целом] на Кавказе, затрудненная в «прямом» указании на автохтонность, реализуется иначе: определением немногих исторических фактов древнего славянского присутствия в регионе (Тмутараканское княжество X–XII вв.); акцентированием самой множественности различных народностей, сменявших друг друга на обширных территориях Предкавказья и Кубани (чем отводятся претензии на исключительные автохтонные права какой-либо одной из этих народностей). Обоснование казачьих и иных славянских групп на значительных степных территориях Северного Кавказа в качестве исторически первого оседлого/постоянного и сплошного населения — на фоне «исторически эфемерных» догосударственных объединений степняков-кочевников — также содержит заявку на автохтонность. Даты ос-

нования городов и станиц/сел, даже в нагорной и черноморской полосе Краснодарского края, нередко празднуются как «начало истории», на обочине которой сохраняются этнические осколки или воспоминания о временах доисторических. Однако ключевую роль в казачьей рестроспекции играет представление о казаках/русских как основе государственного порядка, соединивших Кавказ в едином политическом пространстве и оградивших его народы от исторической угрозы турецкого или персидского поглощения. Казачество обретает «политическую автохтонность» как исторический носитель и корень общей для северокавказских народов российской государственности.

Национальные историко-идеологические построения или неявные идеологические импликации, различимые в популярных исторических повествованиях, заставляют обращаться к анализу того, какие именно политические ценности и цели озвучиваются с помощью таких повествований. Для чего используется «история»? Она может обосновывать нормальность многоэтничного общенационального согражданства, в котором «конфигурация» *автохтонных* и *пришлых* не имеет правового содержания, но формирует значимую повестку для регионального культурно-исторического образования, чуткой политики и открывает возможности «пересекающихся» идентичностей. Но значительно чаще обнаруживается другое: заново открытая «история» выступает средством для оправдания статусной иерархий этнических групп и подпитки опасных иллюзий, что характер такой иерархии должен определять, каким набором прав и жизненных стратегий может распоряжаться человек.

Карта 50 (2004)

Вместо заключения.
Современная
политико-административная
карта,
композиция границ
и идентичностей

К началу нового века политико-административная карта Кавказского региона стабилизируется, «остывает». Восстановление действенности центральных институтов российского государства, рост экономики и влияния нового российского национально-государственного проекта приостанавливают процессы дальнейшего «отламывания» от России ее кавказской этнической периферии. На Северном Кавказе ликвидируется угроза расширения сепаратистских движений, а затем и само их потенциальное ядро на территории Чеченской республики. Нарбатываются общедеревенные процедуры контролируемого воспроизводства региональных властных режимов, обеспечения лояльности местных элит и «внутрисистемного» характера их политических и культурных стратегий.

Изменение внутренних, административно-территориальных границ Российской Федерации становится все менее вероятной перспективой, равно как и возможности для появления новых республик путем разделения существующих. С другой стороны, губернизация и «укрупнение регионов» оказываются возможны, но пока лишь в форме создания управленческих надстроек над устоявшимися властно-хозяйственными элитами и политиями существующих субъектов РФ. Эту функцию отчасти берет на себя институт федеральных округов, учрежденный в 2000 году (территории Северного Кавказа входят в Южный федеральный округ с центром в Ростове-на-Дону).

Южный Кавказ также входит в общую фазу относительной стабилизации, что связано с большей определенностью геополитического баланса в регионе на среднесрочную перспективу. Само геополитическое соперничество за регион обнаруживает рамки максимально-возможных для такой перспективы флуктуаций. Усиление самостоятельности российских лимитрофов — как стратегия США по ослаблению и сдерживающему обрамлению «имперских претензий России» — подходит к некоему прагматичному рубежу, за которым могло бы последовать только размещение военных баз и эскалация излишней напряженности в российско-атлантических отношениях (особенно ненужной в условиях после 11 сентября 2001 г.). К настоящему времени определены и скромные ниши для встраивания экономики региона в мировое хозяйство. Разработка и/или транзит углеводородного сырья, экспорт рабочей силы и услуг привязывают регион одновременно и к западным, и к российскому рынкам.

Устойчивой остается формально трехчленная национально-государственная композиция Южного Кавказа, «завершающая» исторический процесс становления здесь национальных государств и их международно-признанных границ. Никакие внутривластные потрясения не смогут повлиять на эту композицию, удерживаемую сложившимися в целом институтами государственной власти и массивом международно-правовых актов. Проблемным элементом этой же относительно устойчивой композиции выступают непризнанные государственные образования на Южном Кавказе. Этнополитические конфликты, которые привели к их возникновению, находятся в «замороженном» состоянии. В настоящее время перспективы их урегулирования связываются преимущественно не с военными приготовлениями, а с согласительными процедурами при активном внешнем посредничестве. Однако соперничество/ сотрудничество между ведущими

посредниками, равно как и неготовность самих южнокавказских обществ к принятию согласительных формул урегулирования, способствуют пока лишь воспроизводству наличных, сложившихся моделей поддержания военно-политической стабильности и разъединения сторон.

Завершение этапа формирования национальных государств на Кавказе совпадает с глубоким кризисом самой идеологии и практики строительства национальных государств. Уже сегодня ясно, что этнополитические сепаратистские конфликты не могут быть мирно преодолены даже в режиме максимальной «внутренней автономизации» отделившихся территорий внутри национальных государств. Возможный дрейф Грузии к федеративному устройству, обозначенный в новом административном делении страны, никак не повлияет на перспективы ее бывших автономий. Сегодня Грузия стремится преодолеть сложившуюся ситуацию, когда Абхазия и Южная Осетия существуют как фактические российские протектораты. Посредничество России поддерживает, скорее, симметричное соотношение сторон в процессах урегулирования. Вовлечение же Евросоюза, ОБСЕ или иных международных структур восстанавливает асимметричный, иерархический формат урегулирования, в котором перед [автономиями] и их населением оказывается выбор, связанный с той или иной формой реинтеграции в грузинское национальное государство.

Однако вероятность мирной реинтеграции отделившихся территорий и их бывших республик-«владельцев» (в том числе Нагорного Карабаха и Азербайджана) связана, прежде всего, с их параллельным, не-соподчиненным вхождением в политические объединения более высокого порядка, нежели национальные государства. Отсюда все активнее развиваются концепции «общего государства», «ассоциированных государств» как переходные модели для

— Государственные границы
 — Административные границы
 - - - - - Границы непризнанных государственных образований

Цифрами на карте обозначены:

- 1 - Республика Адыгея
- 2 - Республика Северная Осетия-Алания
- 3 - Республика Ингушетия
- 4 - Республика Абхазия, в том числе:
 - 4а - территории, контролируемые властями Абхазии
 - 4б - территории, контролируемые властями Грузии
- 5 - Республика Южная Осетия, в том числе:
 - 5а - территории, контролируемые властями Южной Осетии
 - 5б - территории, контролируемые властями Грузии
- 6 - Нагорно-Карабахская республика, в том числе:
 - 6а - территории, контролируемые властями Нагорного Карабаха
 - 6б - территории, контролируемые властями Азербайджанской республики
 - 6в - Шаумяновский район, оккупированный НКР
- 7 - Территория Азербайджана, занятая вооруженными силами Нагорного Карабаха
- 8 - Территория Азербайджана, аннексированная Арменией
- 9 - Территория Армении, аннексированная Азербайджаном

**Примечание: Де-факто независимые государственные образования; статус Южной Осетии и Нагорного Карабаха как автономных областей в составе соответственно, Грузии и Азербайджана официально признан властями этих государств*

Флаги субъектов Российской Федерации

-
 Адыгея (Республика Адыгея)
-
 Краснодарский край
-
 Дагестан (Республика Дагестан)
-
 Ростовская область
-
 Ингушетия (Республика Ингушетия)
-
 Северная Осетия (Республика Северная Осетия-Алания)
-
 Кабардино-Балкария (Кабардино-Балкарская республика)
-
 Ставропольский край
-
 Калмыкия (Республика Калмыкия)
-
 Чеченская республика
-
 Карачаево-Черкесия (Карачаево-Черкесская республика)

-
 Азербайджанская республика
-
 Нахичеванская автономная республика
-
 Республика Армения
-
 Грузия
-
 Абхазская автономная республика
-
 Непризнанные государства
-
 Республика Абхазия
-
 Республика Южная Осетия
-
 Нагорно-Карабахская республика

политико-правового/ статусного урегулирования южнокавказских конфликтов, — модели, которые выступают формой компромисса между принципами «территориальной целостности» и «права на самоопределение» на длительный период постепенной интеграции сторон в общие наднациональные структуры.

Новейшее национально-государственное развитие на Южном Кавказе, следуя по прибалтийскому пути, стремится выйти на траекторию европейского ирредентизма внутри [прежних] границ «евразийской империи». Национальные проекты будут выступать как способы выхода и, соответственно, «возвращения» в кажущийся более успешным, в сравнении с советским/российским, цивилизационный проект. Более того, перспективное поглощение евроатлантическими структурами, в частности Евросоюзом, южнокавказского «подбрюшья» России может создать новые идентификационные напряжения для ее северокавказского пояса. Полицентрическая этнонациональная структура новейшей Европейской империи может выглядеть более соблазнительной для российских периферийно-локализованных меньшинств, чем моноцентрическая структура России (особенно, в контексте нарастающего изоляционизма самого русского национального ядра России в отношении собственной иноэтнической периферии).

В течение более десяти лет активность ряда этнических меньшинств в их «миграционной ипостаси» и соответствующей хозяйственно-культурной практике, сопровождаемой «эхом» чеченского кризиса, способствуют политизи-

ации русского этнического ядра, его идентификационному «уплотнению». Россия оказывается в ситуации, когда увеличение спроса на рабочую силу и усиление миграционного давления на культурные паттерны принимающего русского большинства приводят к росту этнофобий и отчуждения. Возникает перспектива становления сегментарного общества с высокой степенью социальной и поселенческой сегрегации этнических общин внутри страны. На Северном Кавказе вновь очерчивается контур былой «внутренней границы» и соответствующего «внутреннего зарубежья». Это серьезный вызов культурным и идентификационным основаниям страны, ее информационным, образовательным и, в конечном счете, властным институтам. Признаки слабости интегрирующей функции таких институтов, выражены, в частности, в неспособности эффективно включить в русский национально-гражданский проект даже столь незначительные по численности группы как [турецко-]месхетинская община на территории Краснодарского края. А террористические атаки радикального чеченского сопротивления против гражданского населения в Московской «метрополии» (1999—2004) не только не способствуют усилению гражданской надэтнической солидарности, а, напротив, ведут к наращиванию дискриминационных практик, символически привязывающих широкие группы граждан кавказского регионального происхождения ко внероссийской идентификационной траектории.

Этнизация русской политической общности явно сокращает возможности для ассо-

циирования/ интеграции меньшинств в русский проект. Влиятельность этого проекта для меньшинств определяется сегодня не столько гражданской солидарностью и национальной идентичностью, сколько политическим и экономическим прагматизмом. С другой стороны, такой прагматизм вполне конвертируем в общероссийскую солидарность/ идентичность в условиях, когда создание над- и внеэтнических общностей становится сознательной и последовательной стратегией при строительстве политических партий и гражданских объединений, при выработке образовательных и информационных программ, общий эффект которых способен блокировать идентификационное разъединение страны.

Фаза «остывания» политической карты Кавказа может иметь различную продолжительность. Сценарии будущего рождаются как связка локального соперничества/ сотрудничества (во многом артикулируемого в этногрупповых и национально-государственных категориях) и имперского соперничества / сотрудничества ведущих мировых держав. Эти сценарии зависят от того, что «обещают» различные новоимперские проекты местным политическим сообществам, какие подблюдающие ниши влиятельно определяют для встраивания кавказских идентичностей, для соответствующих политических, хозяйственных и просто жизненных стратегий. Но любые сценарии для Кавказа будут прямым производным именно самих этих локальных стратегий, внутри которых специфически «снимаются» или, напротив, обостряются все державные вызовы.

Список картографических источников

- [1780] Карта Малой Кабарды, Осетии и Ингушетии (около 1780?)//Репринт: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974 (1 дюйм — 10 верст?).
- [1784] Карта части Кабарды, Осетии и Ингушетии (около 1784–1786).
- [1784] План крепости Владикавказ с цитаделью. Б. м., 1784 (1 дюйм — 4200 сажен).
- [1785] Карта земель, лежащих между Черным и Каспийским морями. Б. м., 1785 (1 дюйм — 25 верст).
- [1786] Генеральная карта Кавказских гор, с границами обитающих в них народов. Б. м., б. г.
- [1790] Генеральная карта Кавказского наместничества с показанием в оном селений и окрестных народов. Б. м., 1790.
- [1801] Карта Кавказа//Акты собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис. 1866–1904 (Репринт карты: История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе. 1987).
- [1819] Карта Грузии с присоединенными к ней землями. СПб, 1819 (1 дюйм — 15 верст).
- [1822] Карта Кавказских земель. Изд. С.Броневского, Б. м., 1822 (1 дюйм — 20 верст).
- [1834] Карта Кавказского края с пограничными землями. Генштаб отдельного Кавказского корпуса. Тифлис, 1834 (1 дюйм — 20 верст).
- [1841] Карта Кавказа дорожная. Генштаб Отдельного Кавказского корпуса. Тифлис, 1841 (1 дюйм — 20 верст).
- [1847] Карта Кавказского края. Тифлис, 1847 (1 дюйм — 5 верст).
- [1847] Карта Кавказской области, Черномории и Закавказского края. Б. м. 1847 (1 дюйм — 30 верст).
- [1858] Дорожная карта Кавказского края. Тифлис. Военно-топографический отдел Кавказской Армии. 1858. Исправлено 1869. (1 дюйм — 20 верст).
- [1861] Карта Северного Кавказа и Закавказья. Б. м., б. г. (1861?). (1 дюйм — 40 верст).
- [1863] Карта Кабарды 1863 года//Репринт: Байтуганов С.Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989.
- [1864] Военно-историческая карта Северо-Восточного Кавказа//Потто В.А. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899. (1 дюйм — 20 верст).
- [1864] Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с 1774 г. до окончания Кавказской войны//Потто В.А. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899 (1 дюйм — 20 верст).
- [1864] Карта Черкесии 1860–1864//Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. Краснодар, 1927 [1865] (1 дюйм — 40 верст).
- [1868] Карта земель горского населения, состоящего в военно-народном управлении//Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868 (1 дюйм — 40 верст).
- [1870] Дорожная карта Кавказского края. Тифлис: Военно-топографический отдел Кавказского военного округа. 1870 (исправлено в 1885). Б. м. (1 дюйм — 20 верст).
- [1870] Карта распределения народностей Бакинской губернии по народностям и вероисповеданиям (1 дюйм — 60 верст)//Кавказский календарь на 1871 год. Тифлис. 1870.
- [1872] Карта Кавказского края. Издание Ильина. СПб, 1872 (1 дюйм — 30 верст).
- [1880] Этнографическая карта Кавказского края. СПб. 1880 (1 дюйм — 40 верст).
- [1883] Карта Кавказа. Тифлис. 1883 (1 дюйм — 20 верст).
- [1886] Карта учебных заведений Кавказского учебного округа. Тифлис, 1886 (1 дюйм — 40 верст).
- [189?] Кавказский край. Этнографическая карта. СПб.
- [189?] Этнографические карты губерний и областей Закавказского края//Записки Кавказского отдела Императорского географического общества. Кн. XVIII. СПб.
- [1891] Кабарда. Этнографическая карта//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1891. (1 дюйм — 20 верст).
- [1895] Карта Кавказского края. М., 1895.
- [1897] Карта Кубанской области//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1897 (1 дюйм — 45 верст).
- [1898] Карта Терской области. Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ-СПб. 1898 (1 дюйм — 10 верст).
- [1899] Карта Области Картвельского языка на Юго-Западе Кавказа//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 26. Тифлис, 1899 (1 дюйм — 31 верста).
- [190?] Карта Карской области//<www.virtualani.freeseerve.co.uk/maps/lynchmap.htm>
- [1900] Этническая карта Дагестана (конец XIX — начало XX века)//Гаджиева С. Одежда народов Дагестана XIX — начала XX века. М., 1981 (1 см — 12 км).
- [1903] Карта Кавказского края. Военно-топографический отдел Кавказского военного округа. Тифлис. 1903. (1 дюйм — 20 верст).
- [1903] Карта части Сунженского отдела и Владикавказского округа. М., 1903 (1 дюйм — 10 верст).
- [1913] Карта Кавказа. Тифлис, 1913 (1 дюйм — 5 верст).
- [1916] Карта Кавказа, Азиатской Турции и Персии. Военно-топографический отдел Кавказского Военного Округа//Приложение к Кавказскому Календарю на 1917 год (1 дюйм — 40 верст).
- [1919] Топографическая карта центральной части Северного Кавказа. Б. м., 1919. (1 дюйм — 10 верст).
- [1919] [Карта Азербайджанской республики (с оспариваемыми территориями)] Carte de la Republique de l'Azerbaïdjan. Paris. 1919 (1 дюйм — 100 км?)//<www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/1077/maps/adr-cauc1.html>.
- [1921] Карта Горской республики. Б. м., б. г. (1921?) (1 дюйм — 10 верст).
- [1921] Карта обеих Осетий. Б. м., б. г. (1921?) (1 дюйм — 5 верст).
- [1921] Спецкарта Европейской России [Карта центральной части Кавказа: Тифлисская и Елисаветпольская губернии, Терская и Дагестанская области]. М. 1921 (1 дюйм — 10 верст).
- [1922] Карта Южной пограничной полосы Азиатской России. М. 1922 (1 дюйм — 40 верст).
- [1924] Карта полезных ископаемых и путей сообщения Юго-Востока Рос-

- сии (1 см — 30 км)//Экономическая география Юго-Востока России. Ростов-на-Дону. 1924.
47. [1924] Физическая и административная карта Юго-Востока России (1 см — 30 км)//Экономическая география Юго-Востока России. Ростов-на-Дону. 1924.
48. [1925] Кабардино-Балкарская АО. 1925 (1 дюйм — 12 км).
49. [1925] Карта Ингушской Автономной области. ИнгОблЗУ. Владикавказ, 1925 (1 дюйм — 3 версты).
50. [1925] Карта Терского округа. Б. м., 1925 (1 дюйм — 25 верст).
51. [1925] Карты Северного Кавказа//Пономарев А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана. Ростов-на-Дону, 1925 (1 дюйм — 40 верст).
52. [1925] Политическая и экономическая карта Закавказья//Закавказье. Статистико-экономический сборник. Тифлис. 1925 (1 дюйм — 40 верст).
53. [1925] Карта Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1925 (1 дюйм — 25 верст).
54. [1926] Народы ЗСФСР и сопредельных частей Северного Кавказа//Большая советская энциклопедия. 1-е изд. (1 дюйм — 100 км).
55. [1926] Этнографическая карта Северного Кавказа//Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974.
56. [1927] Карта Северо-Осетинской автономной области. Земуправление СОАО. Владикавказ, 1927 (1 дюйм — 5 км).
57. [1927] Схематическая карта административного деления Северо-Кавказского края//Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР. Москва: ЦСУ. 1928 (1 дюйм — 100 км).
58. [1927] Схематическая карта административного деления Закавказской СФСР//Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XIV. ЗСФСР. М.: ЦСУ. 1928 (1 дюйм — 100 км).
59. [1928] Азербайджанская ССР//Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 1. (1 дюйм — 50 км).
60. [1929] ССР Армении//Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 3. (1 дюйм — 60 км).
61. [1929] Карта Северо-Кавказского края. М., 1929 (1 см — 10 км).
62. [1930] Карта Чеченской АО. 1930.
63. [1930] Карта Кавказа//Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 3. (1 дюйм — 100 км).
64. [1931] Карта Адыгейской АО. Краснодар. 1930 (1 см — 2 км).
65. [1932] Карты районов и автономных областей Северо-Кавказского края//Справочник по автономным областям, районам и городам Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону. 1932.
66. [1937] Орджоникидзевский край, Дагестанская АССР, ЧИАССР, СОАССР и КБАССР, Орджкрайиздательство, 1937 (1 см — 5 км).
67. [1938] Нагорно-Карабахская автономная область//Большая советская энциклопедия. 1-е изд. (1 см — 5 км).
68. [1938] Карта Карачаевской АО. 1938. (1 см — 5 км).
69. [1939] [Орджоникидзевский край, Дагестанская АССР, КБАССР, СОАССР, ЧИАССР, Грузинская ССР]. М., 1938 (1 см — 15 км).
70. [1944] [Грузинская ССР, Дагестанская АССР, Северо-Осетинская АССР, Чечено-Ингушская АССР]. 1944 (1 см — 2 км).
71. [1952] Грузинская ССР. Политико-административная карта//Большая советская энциклопедия, 2-е изд. Т. 13. 1952 (1 дюйм — 45 км).
72. [1952] Карта Грозненской области//Там же (1 дюйм — 45 км).
73. [1953] Карта Кабардинской АССР//Там же. Т. 19. 1953 (1 дюйм — 30 км).
74. [1953] Карта Северо-Осетинской АССР. Тбилиси, 1953 (1 см — 2 км).
75. [1954] Этническая карта Дагестанской АССР (составлена по данным Дагестанской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР 1953–54 гг.)//Народы Кавказа. М., 1964.
76. [1955] Атлас мира. М.: ГУГК. 1955.
77. [1959] Этническая карта Закавказья//Народы Кавказа. М., 1964.
78. [1963] Атлас мира. М.: ГУГК. 1963.
79. [1963] Атлас Азербайджанской ССР. Баку — М.: ГУГК. 1963.
80. [1964] Атлас Грузинской ССР. Тбилиси — М.: ГУГК. 1964.
81. [1964] Народы Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Северного Кавказа//Атлас народов мира. М.: ГУГК и Институт этнографии АН СССР, 1964.
82. [1967] Атлас Северо-Осетинской АССР. М.: ГУГК. 1967.
83. [1967] Атлас Чечено-Ингушской АССР. М.: ГУГК. 1968.
84. [1967] Атлас Дагестанской АССР. М.: ГУГК. 1979.
85. [1985] Атлас мира. М.: ГУГК. 1985.
86. [1989] [Этническая карта Нагорно-Карабахской АО]//<www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/1077/maps/mkar2.html>.
87. [1997] Карта Республики Абхазия. Сухум: Алашара, 1997. (1 см — 2 км).
88. [1997] Карта Чечни и Ингушетии//<www.eki.ce/knab/valik/noxciyo.gif>.
89. [1998] Atlas Geopolitique informatique du Caucase. Eds: Beroutchachvili N. and J. Radvanyi. P.: Publications Langues'O. 1998.
90. [2001] Северный Кавказ. Политико-административная карта. Махачкала: Вацилу. 2001 (1 см — 15 км).
91. [2001] Georgia. Tbilisi. 2001 (1 cm — 6 km).
92. Топографические карты России, Азербайджана, Армении и Грузии//<http://www.lib.berkeley.edu/EART/topo.html>
93. Карты Армении и Карабаха//<www.genocide.ru/maps.html>; <http://hayk.artsakhworld.com>; <http://www.armysite.com>.
94. Карты Азербайджана//<www.azerros.ru/maps_e.htm>; <www.bakililar.az/maps.html>.
95. Карты Грузии и Абхазии//<http://abkhazeti.narod.ru>.
96. Карты Дагестана//<http://www.lib.utexas.edu/maps/dagestan.html>.
97. Карты Ставропольского края//<www.stavinvest.ru/eng/map-gif.html>; <http://kurskoo.narod.ru/map_stav_kray.jpg>
98. Атлас автомобильных дорог: От Атлантики до Тихого океана. Тривимум. Минск. 2002.
99. [Карта нефтегазовых месторождений Каспия]//<http://www.lib.utexas.edu/maps/middle_east_and_asia/caspian_sea_n_rel01.jpg>.
100. [Карта нефтегазовых месторождений азербайджанского участка Каспийского шельфа]//<www.azeriland.com/s_bgold/asea/seaof_r.thml>.
101. Исторический атлас Осетии. Владикавказ: Ремарко. 2002.

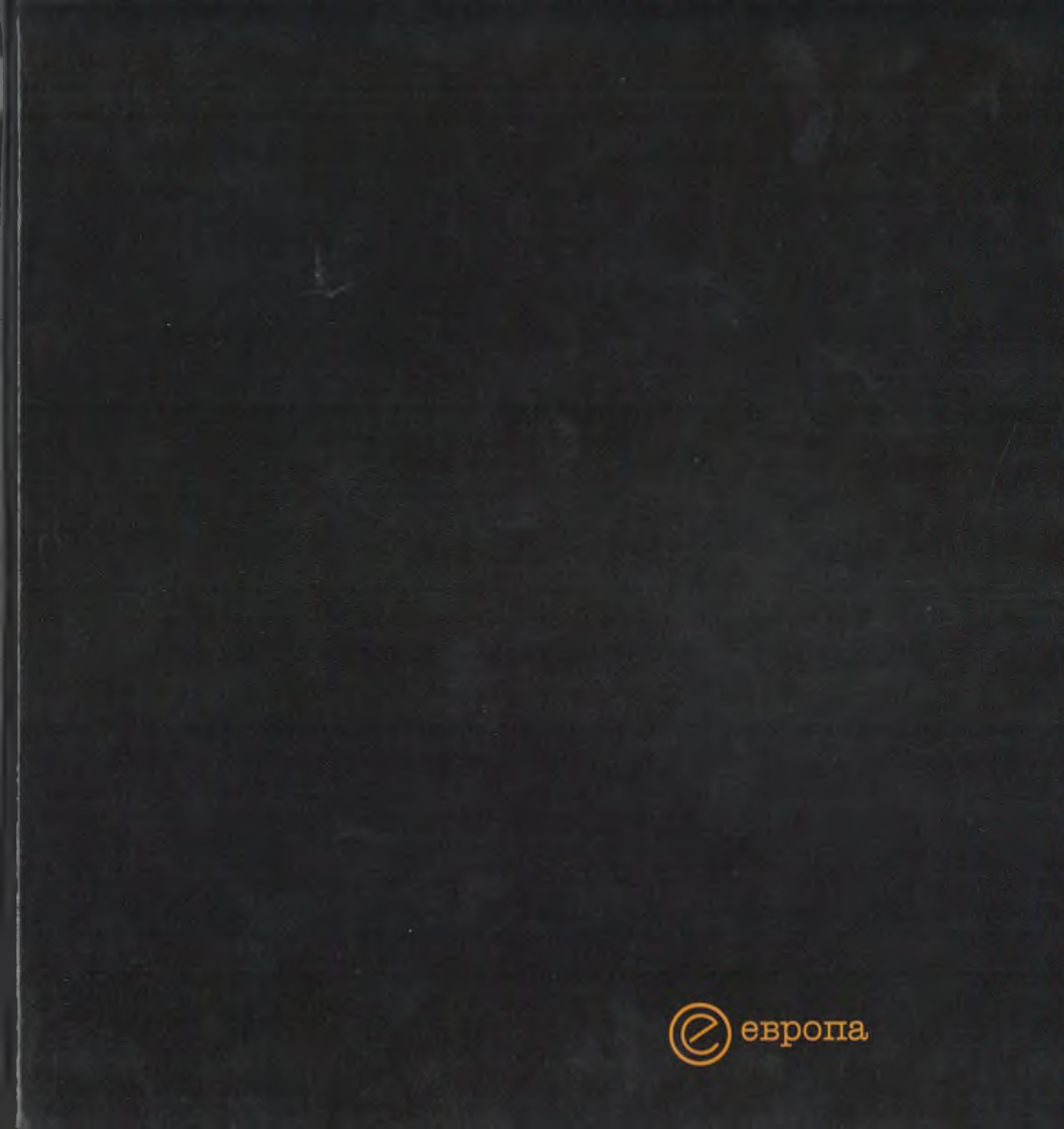
Список литературы

1. Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог. 2000.

2. Абумуслимов С.-Х. Россия и Чечня: четыре века противостояния — преступление без наказания//<www. chechen.org>.
3. Аниканов М. В., Степанов В. В., Сусоколов А. А. Титульные этносы Российской Федерации. Аналитический справочник. М. 1999.
4. Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа XVI — XIX века. М. 1993.
5. Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис. 1897.
6. Арцах с древнейших времен до 1918 года//<www. nkr. am/rus/history.html>.
7. Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Мир дому твоему. 2001.
8. Бабич И. Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 45. М. 1993.
9. Баксан Д. След сатаны на тайных тропах истории//<www. iblisus. com>
10. Берже А. Краткий очерк племен Кавказа. М. 1850.
11. Бетров Р. Адыги: возникновение и развитие этноса//<http://zihia. narod. ru>.
12. Бзаров Р. (ред.) Исторический атлас Осетии. Владикавказ: Ремарко, 2002.
13. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь. 1992 [Репринт издания 1834 года].
14. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994.
15. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир. 2000.
16. Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX века. Владикавказ. 1992.
17. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1–2. М. 1823.
18. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993–
19. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII — XIX вв.
20. Волкова Н. Г. Кабардино-Балкария: современные этнодемографические и этнокультурные процессы//Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. М., 1996. С. 7–32.
21. Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX — XX вв.//Кавказский этнографический сборник. IV. М.: Наука. 1969.
22. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М. 1974.
23. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. Закавказская СФСР. М.: ЦСУ. 1929.
24. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том. V. Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР. М.: ЦСУ. 1928.
25. Гассиев А. А. Социально-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ. 1909.
26. Гагагова Л. С., Исмаил-Заде Д. И. Кавказ//Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог. 1998.
27. Гейбуллаев Г. К этногенезу азербайджанцев//<http://karabakh-doc. gen. az/gu/azerpeople/ap016. htm>.
28. Герб Терской области//Elebron Classic, 2002 <www. elebron. com>.
29. Гибель Черкесии (под общ. ред. М. А. Керашева). Краснодар, 1994.
30. Гостиева Л. К., Дзадзиев А. Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 76. М. 1994.
31. Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть I. Документальные источники. М. 1992.
32. Дзидзария Г. А. Массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию в 1859–1864 гг.//Адыги, 1991. № 2.
33. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1871–1888. Т. т. 1–6.
34. Жоржоллиани Г., Лекишвили С., Тоидзе Л., Хоштария-Броссе Э. Исторические и политико-правовые аспекты конфликта в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба. 1995.
35. Жоржоллиани Г., Лекишвили С., Тоидзе Л., Хоштария-Броссе Э. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта. Тбилиси: Самшобло. 1995.
36. Закавказье. Статистико-экономический сборник. Тифлис. 1925.
37. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс. 1997.
38. Здравомыслов А. Г. (ред.) Релятивистская теория нации. Новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М.: РНИСиНП. 1998.
39. Зиновьев Д. Новые железные дороги//<www. ragozov. com>.
40. Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества В. Кн. Михаила Николаевича. Тифлис. 1901.
41. Иголкин А. Независимое Закавказье. Уроки 1917–1921 гг.//Страницы истории. 1998. № 1.
42. Из истории осетино-грузинских взаимоотношений. Цхинвал. 1995.
43. Исмаил-заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX- начало XX в). М. 1982.
44. История Арцаха//www. artsakh. net. ru/story. html; <http://armenia. h1. ru/Artcax/Istoriya/hystory. html>.
45. История Кабардино-Балкарии (под ред. Т. Кумыкова)//<http://balkaria. narod. ru>.
46. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука. 1988.
47. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М.: Наука. 1988.
48. История Чечни//<http://www. chechen. org/content. php?catID=7&content=277&page=4>.
49. Кавказский запрос в Государственной Думе. Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. Тифлис. 1909.
50. Кажаров А. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии//Res Publica, Вып. 1. Нальчик. 2000.
51. Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис. 1888.
52. Каспийское море и его богатства//<http://nauka. relis. ru/06/0212/06212070. html>.
53. Кисриев Э. Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 72. М. 1994.
54. Кодзоев Н. Д. История ингушского народа с древнейших времен до конца XIX в. Магас: Сердало. 2002.
55. Коппитерс Б. (ред.) Спорные границы на Кавказе. М.: Весь мир. 1996.
56. Коцонис А. Н. Депортация греков Кавказа в 30–50-е гг.//<http://history. kubsu. ru/centr/pdf/gr_koc. pdf>.
57. Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История

- и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Пятигорск — Москва. 1998.
58. Кузнецова Р. III. Немцы Кавказа // Красная Книга: народы Кавказа. <<http://history.kubsu.ru/centr/pdf/nemkaw.pdf>>.
59. Кульчик Ю. Г., Конькова З. Б. Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана. М. 1995.
60. Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию — последствие Кавказской войны. Нальчик: Эль-Фа. 1994.
61. Кумыков Э. Т. История адыгов в картах с древнейших времен до середины XIX в. Нальчик: Эль-Фа. 1996.
62. Лайпанов К. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами // <<http://real-alania.narod.ru/alanialand/history.html>>.
63. Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара. 1990.
64. Лордкипанидзе М. Абхазы и Абхазия. Тбилиси. 1990.
65. Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизация и культуры. М., 1994. Вып. 1.
66. Малащенко А., Коппитерс Б., Тренин Д. (ред.) Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. М.: Весь Мир. 1997.
67. Малащенко А., Олкотт М. (ред.). Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000.
68. Мальбахов Б. К. Кабарда на этапах политической истории (середина XVI века — первая четверть XIX века). Нальчик: Книга. 2002.
69. Мамедова Ф. Кавказская Албания // <www.azeri-info.com/albaniya.html>.
70. Марьхуба С. Об абхазах и Абхазии. Сухум: Алашара. 1992.
71. Матвеев В. А. Опыт укрепления государственного единства: Россия и Северный Кавказ во второй половине XIX — начале XX века // Государственное и муниципальное право. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы. 2003. № 3.
72. Матвеев В. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе // Россия XXI, 2002, № 6.
73. Медойти Д. Н., Чочиев А. Р. Еще раз о «кавказском» субстрате. К этнической атрибуции кобано-тийской культуры // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып. 1. М. 1994.
74. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. М. ИЭА РАН. 1998.
75. Ментешавили А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 г. г.
76. Мизиев И. М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России // <<http://balkaria.narod.ru>>.
77. Мужухоева Э. Д., Мужухоев М. Б. Ингуши // Ингушетия и ингуши. Назрань-Москва. 1999.
78. Мукомель В. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Население и общество, № 27. 1997.
79. Народы Дагестана. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
80. Народы Дагестана. М.: Наука, 2002.
81. Народы Кавказа. М. 1962. Тт. 1–2.
82. Население Закавказского края. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис. 1893.
83. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб. 1905.
84. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. К. Айермахера и Г. Бордюгова. М.: АирОХХ. 1999.
85. Национальный состав населения Грузинской ССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Тбилиси. 1990.
86. Национальный состав населения СОАССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Орджоникидзе. 1990.
87. Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г. Составитель В. Ф. Дизендорф // <<http://www.astratar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=295>>
88. Осетинский вопрос. Тбилиси: КераХХI. 1994.
89. Османов А. И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.
90. Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б. Месхетинские турки // Вопросы истории. 1991. № 9–10.
91. Плиев Р. С. Нахские языки — ключ к этрусским тайнам. Грозный. 1992.
92. Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М. 2001.
93. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О. Г. И. — Мемориал. 2001.
94. Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801). Т. 2. Владикавказ. 1912.
95. Потто В. А. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899.
96. Пространство и население губерний и областей Кавказского края за 1911 год // Кавказский календарь на 1913 год. Тифлис. 1912.
97. Пространство, население и населенность Кавказского края (по официальным данным на 1873–1876 годы) // Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис. 1877.
98. Протокол к Соглашению между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 (13 мая 2002 года) // Мониторинг экологического законодательства. Алматы. 2002.
99. Пчелинцева Н. Д., Самарина Л. В. Современная этнополитическая ситуация в Республике Адыгя // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 47. М. 1993.
100. Пути мира на Северном Кавказе (под ред. В. Тишкова). М.: ИЭА РАН, 1998.
101. Распределение населения Закавказья и Северного Кавказа по вероисповеданиям // Кавказский календарь на 1897 год. Тифлис. 1896.
102. Сагария Б. Е. К вопросу о границах Абхазии с Грузией 1917–1921 гг. (сборник документов и материалов с комментариями). Сухум: Алашара. 1998.
103. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ. 1878.
104. Сивер А. Шапсути и проблема восстановления Шапсутского национального района (историческая справка, публикация документов) // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Вып. 1 (<<http://history.kubsu.ru/centr/public.htm>>).
105. Силаев Н. Миграционная политика российского правительства на Север-

- ном Кавказе во второй половине XIX в. // Вестник МГУ, Серия 8. История, 2002. № 3.
106. Смирнова Я. С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 48. М. 1993.
107. Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю. Тифлис. 1870.
108. Список населенных мест Горской республики. Владикавказ. 1924.
109. Список населенных мест Кавказа // Кавказский календарь на 1915 год. Тифлис. 1914.
110. Список населенных мест Кавказского края, имеющих свыше 1000 д. населения или замечательных в каком либо отношении // Кавказский календарь на 1885 год. Тифлис. 1884.
111. Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону. 1925.
112. Список населенных мест Терской области // Терский календарь на 1901 год. Владикавказ. 1900.
113. Список населенных мест Терской области // Терский календарь на 1914 год. Владикавказ. 1915.
114. Список переселенческих поселков на 1 января 1912 года // Кавказский календарь на 1913 год. Тифлис. 1912.
115. Справочник по автономным областям, районам и городам Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ. 1932.
116. Статистическая таблица Кавказского края. Пространство, число жителей и плотность населения Кавказского края в 1865 году // Кавказский календарь на 1867 год. Тифлис. 1866.
117. Статистические сведения о кавказских горах, состоящих в военно-народном управлении // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. I. Тифлис. 1868.
118. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. т. 1–2. Владикавказ. 1889–1890.
119. Статистический временник Российской империи. Сер. III, выпуск 19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 гт. СПб. 1887.
120. Статистический ежегодник. Обзор Терской области за 1912 год // Терский календарь на 1914 год. Владикавказ. 1913.
121. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону. 1925–1927.
122. Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления стран СНГ // География, № 5. 2003 <<http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300506>>.
123. Тархов С. А. Основные тенденции изменения административно-территориального деления России за 300 лет // География, № 28. 2001 <www.nerungri.edu.ru/muuo/sec/geo/index.htm>.
124. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX века. Сборник документов. Нальчик: Нарт. 1992.
125. Терский календарь за 1915 год. Терский областной статистический комитет. Владикавказ. 1915.
126. Титков А. А. Ethnic Conflicts in the Former USSR: The Use and Misuse of Typology and Data // Journal of Peace Research, vol. 36, no. 5. 1999.
127. Тютюнина Е. С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941). Майкоп. 1995.
128. Указатель изменений в распределении административных границ и границ Империи с 1860 по 1887 г. // Статистический временник Российской Империи. Сер. III. Вып. 19. СПб. 1887.
129. Фадеев А. Из истории крестьянской колонизации Предкавказья в дореформенный период (1785–1861 гг.) // Доклады и сообщения института истории. М. 1956.
130. Флаги России, Грузии, Армении // Официальный сайт Российского центра флаговедения и геральдики <<http://vexillographia.narod.ru/>>.
131. Хмара Н., Головин Ж. О национальном районировании на Северном Кавказе в 20–30-е годы // Обзорение, 1995. № 7–8 (<www.nasledie.ru/oboz/N07-08_95/7-8_13.htm>).
132. Черкасов А. Демография, потери населения и миграционные потоки в зоне вооруженного конфликта в Чеченской республике // <www.polit.ru/research/idea/2004/02/19/kniga_chisel.html>.
133. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика. 1984.
134. Шекиладзе М. Сакартвелос историული атласი [Исторический атлас Грузии]. Тбилиси. 2002.
135. Шнирельман В. А. Борьба за аланское наследие. Этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов // Восток, 1996, № 5.
136. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар. 1913.
137. Экономическая география Юго-Востока России. Ростов-на-Дону. 1924.
138. Экономическое районирование Юго-Востока России. Под ред. П. И. Лященко. Ростов-на-Дону. 1923.
139. Эльмурзиев Ю. Страницы истории чеченского государства // <www.chechnyafree.ru>.
140. Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис. 1907. Тт. 1–2.
141. Этнические конфликты и их регулирование: Взаимодействие науки, власти и гражданского общества. М. — Ставрополь. 2002.
142. Южный Кавказ — нестабильный регион «замороженных» конфликтов. Материалы международной конференции по Кавказу Фонда Ф. Эберта (Берлин, 26–27 ноября 2001 г.). Тбилиси. 2002.
143. Beroutchachvili N. et J. Radvanyi. Atlas Geopolitique informatique du Caucase. P: Publications Langues'O. 1998.
144. Energy Information Administration. Caspian Sea Region: Key Oil & Gas Statistics // <www.eia.doe.gov/emeu/cabs/caspstats.html>.
145. Kaiser R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press. 1994.
146. Pietzonka B. Ethnisch-territoriale Konflikte in Kaukasien. Eine politisch-geographische Systematisierung. Baden-Baden: Nomos. 1995.
147. Wahl D. Long German Russian villages list // <<http://pixels.cs.vt.edu/library/odessa.html>>.

 европа